Г3(4)
Б48

З. О. Берзин

БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ за СИАМСКИЙ РЫНОК

Т3(4)
Б45

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Э. О. БЕРЗИН

БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ ЗА СИАМСКИЙ РЫНОК

(30—80-е годы XVII в.)

137491

Казанский Государственный
БИБЛИОТЕКА
Учительский Институт

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

Ответственный редактор
член-корр. Академии наук СССР *А. А. ГУБЕР*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XVII в. Голландия, Англия, а вслед за ними и Франция, ликвидировав португальскую монополию, завязали непосредственную морскую торговлю с Востоком, приносившую им баснословные барыши, и в то же время начали закладывать основы своих колониальных империй.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства, — писал К. Маркс. — Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления» [1].

Одним из таких первых шагов к завоеванию и разграблению Ост-Индии (понятие, которое в ту эпоху распространялось не только на собственно Индию, но и на Юго-Восточную Азию) была борьба европейских держав за господство на сиамском рынке в XVII в. Сиам (ныне — Таиланд), богатое торговое государство, лежавшее на путях из Индии в Китай и Японию, наряду с Индонезией стал одной из первых жертв могущественных Ост-Индских компаний. Несмотря на то, что в этой борьбе Сиаму удалось сохранить независимость, он уплатил за нее дорогой ценой — полным отказом от внешней торговли и фактической изоляцией страны, результатом чего явилось значительное замедление его развития и ослабление.

В предлагаемой работе рассматриваются в основном отношения между Сиамом и европейскими державами в пе-

---

[1] К. Маркс, *Капитал, т. I*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, изд. 2, стр. 760.

риод с начала 30-х по конец 80-х годов XVII в. и влияние этих отношений на внутреннее развитие Сиама.

Начало этого периода знаменуется переходом европейских держав в их борьбе за сиамский рынок от, так сказать, мирного проникновения, имевшего место еще в XVI в., к методам прямого насилия — военной агрессии против Сиама. С этого времени и почти до конца XVII в. Сиаму пришлось вести оборонительные войны поочередно со всеми подвизавшимися тогда на Востоке европейскими державами (Испанией, Португалией, Голландией, Англией и Францией). Последняя из этих войн XVII в. закончилась в 1688 г. изгнанием французских войск, оккупировавших важнейшие порты страны, и в конечном счете закрытием страны для европейцев и полуторавековой изоляцией ее от внешнего мира.

С точки зрения внутреннего развития рассматриваемый период характеризовался укреплением централизованной феодальной монархии и беспощадной борьбой королей с крупными феодалами, в которой перевес неизменно оставался на стороне королевской власти, представленной династией Прасат Тонгов (1629—1688). Этот период явился также временем значительного развития внешней и внутренней торговли и роста товарно-денежных отношений в стране, чем он в корне отличается от последующего периода (конец XVII—XVIII в.), когда наблюдается резкий упадок торговли, а в области феодальных отношений — возврат к натуральной ренте.

Таким образом, 30—80-е годы XVII в. для Сиама представляют собой законченное целое как в истории внешней политики страны. так и в истории ее внутреннего развития. Вместе с тем это один из важных этапов истории колониализма в Юго-Восточной Азии.

Взаимоотношения Сиама с европейскими державами в указанный период рассматривались во второй половине XIX и в XX в. рядом западных историков (Дж. Андерсон, М. Ланье, Е. Хатчинсон, М. Коллис и др.). В их работах собран ценный фактический материал, однако непомерно большое место отводится деятельности различных европейских авантюристов, проникших в Сиам. Столкновение между различными политическими деятелями обычно дается в плане борьбы честолюбий, анализ классовой структуры и экономической базы тогдашнего сиамского общества фактически отсутствует. Агрессивный характер политики европейских держав в Сиаме обычно затушевывается (Дж. Андерсон, Е. Хатчинсон, В. Бланкваард), даже оправдывается (например, в работе М. Ланье, написанной с целью доказать правомерность притязаний Франции на Сиам).

Труды таиландских историков по названной теме немногочисленны.

Очень мало известно по данному вопросу и в советской литературе.

Все это и определило выбор темы исследования и характер ее решения.

Основными материалами, которыми пользовался автор при написании работы, послужили официальные документы, письма и мемуары, относящиеся к исследуемому времени.

Наиболее обширная коллекция документов, рисующих отношения Сиама с Голландией и другими европейскими странами в XVII в., собрана в 28-томном издании «Дах-Рехистер» (сборник документов Батавского совета голландской Ост-Индской компании). Другой ценный сборник того же типа — 5-томное издание «Отношения Сиама с иностранными державами в XVII в.» (Бангкок, 1915—1920); сюда вошли преимущественно документы из архивов английской Ост-Индской компании.

Ценные материалы из французских государственных архивов по разрабатываемой теме были опубликованы Л. Рейнахом, М. Ланье, П. Кэпленом, Ж. Сотта и др.

Тайские документы XVII в. немногочисленны. Государственный архив и летописи средневекового Сиама погибли при пожаре прежней столицы государства — Аютии во время сиамо-бирманской войны (1767). До нас дошли только те официальные документы (договоры, ноты, письма, жалованные грамоты), которые сохранились в английских, французских и голландских архивах. Эти документы были опубликованы в ряде специальных сборников и как приложение к работам некоторых таиландских, английских, французских и других историков.

Помимо тайских и европейских официальных документов XVII в., в работе использованы описания страны, исторические очерки и довольно обширная мемуарная литература, оставленные европейцами, побывавшими в тот период в Сиаме (И. ван Флит, Ян Я. Стрейс, С. Уайт, А. Гамильтон, Т. Баури, Э. Кемпфер, де Шомон, Н. Жервез,

И. Ле Блан, граф де Фор-
в Веркен, Ла Лубер и

ания, как правило, даются
ведены в источниках и ли-
географические названия
вом упоминании.

ру, которыми пользовался ав-
в конце книги. Некоторые ма-
ованы автором ранее в виде
второй половине XVII века,—
е 5, стр. 84—96; *Борьба евро-*
XVII в.,— «Краткие сообще-
СР», XLIII, 1960, стр. 3—17.

ГЛ

СИАМ И ЕГО ВНЕ
НАКАНУНЕ ОТК
ЕВРОПЕЙС
(XVI— на

1. ОБЩАЯ ХАРАК
ЕГО ХОЗЯЙСТВО И

К началу XVII в. Сиам
могущественное государств
по величине оно было зна
Таиланда. Территория его
и юго-запада) почти совпа
ного распространения собс
нации (кон таи) и в то в
и густонаселенную долину
лаккского полуострова. Со
(точнее — Андаманского м
гатая провинция Тенассери
шая к Бирме).

Кроме народности таи,
населения Сиама, здесь п
лао (на востоке), малайцы
(на юго-западе). В городах
(эмигрантов из Южного К

На севере Сиам граничил

---

[1] Точно происхождение это
несомненно, оно восходит к оче
у малайских и вьетнамских сосе
в Юго-Восточной Азии европейц
ние Сиам закрепилось за госуда
нынешнего Южного и Централ
нию этого государства предшест
пришедшими с севера тайскими
прежних обитателей этой земл
зданное здесь тайскими племена
но скоро распалось на отдельн
XIV в. среди них возвысилось
рого вновь объединил страну.

май (нынешний Северный Таиланд), на востоке — с королевством Лаос (занимавшим тогда более обширную территорию, чем ныне), на юго-востоке — с Камбоджей (формально признававшей себя вассалом Сиама), на юге — с полузависимыми от Сиама малайскими княжествами и на западе — с тогдашними северным и южным бирманскими государствами — Ава и Пегу. Со всеми этими государствами Сиам периодически вел феодальные войны с переменным успехом.

Основой экономики Сиама было сельское хозяйство, которое велось на базе самой примитивной техники, главным образом земледелие. Первое место занимало, как и в настоящее время, возделывание риса. При пахоте применялись легкий плуг или соха. Тягловой силой служили волы. Но наибольшее значение имел ручной труд. На втором месте после производства риса стояло садоводство — выращивание различных тропических плодов. Животноводство было развито слабо. Довольно большую роль играло рыболовство, а также охота на оленей и буйволов (ради шкур).

Из отраслей «промышленности» на первом месте была горная — главным образом добыча оловянных и железных руд. Существовали также разработки меди, свинца, золота, серебра, драгоценных камней (агаты, сапфиры, алмазы), мрамора и строительного камня. Значительное распространение получили такие лесные промыслы, как добыча строевого леса, ценных сортов дерева (сапан, орлиное), ароматичных смол и т. п. [2].

Сиам в то время представлял собой феодальную монархию восточного типа. Во главе государства стоял король, обладавший всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Он опирался на класс феодалов-чиновников, практически совпадавший с государственным аппаратом. Юридически король был верховным собственником всей земли в государстве, и все подданные короля (кроме буддийских монахов) владели землей только на условиях несения обязательной службы в пользу короля. К Сиаму того времени полностью применимо определение феодального государства восточного типа, данное Марксом: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентри-

[2] La Loubère, *Description...*, vol. I, pp. 37—50.

100

16

12

12

Г. Мае Хонг Сон

Након-Лампанг

Нан

Саванкалок

Сукотай

Йом

Питсанулок

Кампенгпет

Пичит

Пинг

Након-Саван

Чайнат

Луво (Лопбури)

Корат (Након-Рачасима)

Пасак

Меклонг

Сунтбури

Менам

АЮТИЯ

Канбури

Банкок

Ратбури

Тенассерим

Пэтбури

о.Кадан

Мергуи

Тенассерим

Чантабури

о.Чанг

о.Кут

о.Лесусс

о.Ланби

Чумпон

ПЕРЕШЕЕК

о. Заседжи

К Р А

о.Панган

о.Самуй

Чайя

Луанг

Лигор (Након-Ситаммарат)

П Е Г У

А Н А Й С К И Й

З А Л И В

Ю Ж Н О К И Т А Й С К О Е М О Р Е

рованная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (производителям. — *Э. Б.)*, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты» [3].

2. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН И РЕМЕСЛЕННИКОВ

Традиционной формой ренты-налога, которую платили феодальному государству крестьяне и ремесленники Сиама, была шестимесячная барщина; ее формально обязаны были отрабатывать все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет [4]. Со временем к ней прибавился ряд других натуральных и денежных налогов.

Фактически же барщину в пользу короля несла в основном бóльшая часть крестьян собственно королевского домена, находившегося в центральной части страны (долина Нижнего Менама). В их обязанность входила работа в королевских поместьях, на лесозаготовках, строительстве дорог и каналов, обслуживание нужд огромного королевского двора.

Крестьяне, не отработавшие государственной барщины (в окраинных и частично центральных районах страны), должны были платить государству натуральный оброк (рисом, оловом, селитрой, тиком, сапаном, слоновой костью и др., в зависимости от района).

Наряду с этим, очевидно в XVI в., появляется и денежный оброк.

Помимо государственных, большу́ю категорию феодально-зависимого крестьянства составляли крестьяне, пожалованные вместе со своими наделами чиновникам-феодалам за службу. Число пожалованных крестьян зависело от ранга этих чиновников, выражавшегося в единицах «сакди-на».

---

[3] К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 804.

[4] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 128; La Loubère, *Description...*, p. 237.

Каждая такая единица приравнивалась к земельной площади в 1 рай (0,16 *га*). Так, чиновник, имевший ранг 1000 сакди-на, получал право на труд 40 крестьян, ибо установленный законом максимальный размер крестьянского держания равнялся 25 раям (4 *га*) [5].

Крестьяне, пожалованные феодалам, были обязаны нести в их пользу шестимесячную барщину или платить эквивалентный натуральный, либо денежный оброк [6]. Поскольку сиамский феодал, как правило, не имел собственного поместья (исключение составляли «крупнейшие мандарины, губернаторы провинций и главных городов» [7]), феодальная рента с крестьян данной категории взималась главным образом в форме оброка. Эти крепостные крестьяне пользовались (в определенных рамках) свободой перехода от одного владельца к другому и после смерти или отставки чиновника-феодала вновь становились государственными крестьянами.

Ремесленники, сосредоточенные в немногочисленных сиамских городах, объединялись в цехи с узкой специализацией. Обычно мастера занимались своей профессией наследственно. Во главе каждого цеха стоял специально назначенный правительственный чиновник. Так же как и крестьяне, ремесленники должны были нести государственную барщину и другие повинности. Развитию ремесла в Сиаме мешала необеспеченность частной собственности (характерная для феодального государства). Имелось несколько государственных мануфактур, преимущественно военного характера, в которых использовался принудительный труд ремесленника [8].

3. ОРГАНИЗАЦИЯ КЛАССА ФЕОДАЛОВ

Юридически наследственно закрепленных сословий (подобных сословиям в средневековой Европе) в Сиаме не было. Класс феодалов мог пополняться и зачастую пополнялся отдельными выходцами из простого люда [9]. В свою

[5] H. G. Q. Wales, *Ancient siamese governement...*, p. 74.
[6] La Loubère, *Description...*, p. 285.
[7] J. van Vliet, *Description...*, p. 64.
[8] La Loubère, *Description...*, p. 212.
[9] A. Hamilton, *A new account of the East Indies*, vol. II, p. 174.

очередь отдельные феодальные роды, утратившие должности, могли опускаться в низшие сословия.

Но в целом основные классы сиамского общества были, разумеется, вполне стабильны. Законы «О военной, гражданской и провинциальной иерархии», изданные в 1450—1454 гг. королем Боромотрайлоканатом (1448—1488), закрепляли сложную феодально-иерархическую систему, юридически оформляли деление на классы и регламентировали доли прибавочного продукта крестьянства и ремесленников, передаваемые феодалам в зависимости от ранга последних.

Согласно указанным законам, каждый феодал располагал правом на труд своих крепостных лишь как чиновник короля, получающий от него жалованье в форме этого труда [10]. Утратив должность, феодал вместе с тем терял и своих крепостных.

Все население страны было разделено на две части — гражданскую и военную. Во главе гражданской части стоял махаттаи (или чакри), который одновременно являлся председателем в Королевском совете (Лук кун сала), куда входили главы всех важнейших ведомств, имевшие совещательные функции при короле. Военную часть возглавлял калахом. Это разделение было в значительной мере условно.

Во время войны все взрослые мужчины страны должны были выступать с оружием под знаменами короля. В мирное же время даже приписанные к военной части, за небольшим исключением, занимались производительным трудом. Постоянными военными формированиями были только численно небольшая, но хорошо вооруженная наемная гвардия из иностранцев и личная охрана короля. Остальные, причисленные к военной части, например «инженерный корпус» (плотники, каменщики и др.), лаосские кавалеристы, монская пехота, призывались для несения службы только во время ежегодных воинских сборов [11].

Гражданская часть была разделена между пятью ве-

[10] Боромотрайлоканат и его преемники жаловали своим чиновникам не земли с сидящими на них крестьянами, а строго определенное число крестьян, каждый из которых сидел на своем клочке земли иной раз за сотни километров от других крепостных того же феодала. Такая чересполосица (впрочем, феодалы усиленно с ней боролись), естественно, укрепляла позиции королевской власти.
[11] J. van Vliet, *Description...*, p. 28.

домствами — кромами, соответствовавшими средневековым русским приказам или западноевропейским министерствам.

Кром Ванг выполнял функции министерства двора.

Кром На (министерство земледелия) заботился об ирригации, расчистке джунглей и других общественных работах, необходимых для поддержания сельского хозяйства. Глава крома На ежегодно лично выполнял символическую церемонию проведения первой борозды (в более давние времена эта функция принадлежала самому королю). Кром На ведал также распределением земель среди феодалов, сбором налога на рис и государственными заготовками зерна и скота [12].

Кром Пракланг первоначально представлял собой королевское казначейство, управлявшее сбором большинства налогов и контролировавшее доходы и расходы всех остальных кромов. В числе ценностей, находившихся в ведении главы крома — пракланга, были не только золото и драгоценности казны, но и все склады различных продуктов, которые король получал в виде натурального налога. Постепенно, по мере развития товарно-денежных отношений, кром Пракланг начинает все больше заниматься вопросами сначала внешней, а затем и внутренней торговли Сиама. Вместе с тем в его компетенцию переходят вопросы, касающиеся иностранных купцов, прибывающих в Сиам, а потом и вообще всех иностранных подданных на территории королевства. Дальнейшее развитие этой функции привело в начале XVII в. к тому, что пракланг превратился фактически в министра иностранных дел, вел обширную дипломатическую переписку с соответствующими министрами других стран и даже непосредственно с правителями, если последние по рангу стояли ниже сиамского короля [13].

Кром Нагарапала (или Мыанг) возник как управление столичным округом — ядром королевского домена. Позднее к этому ведомству перешли также функции полицейского корпуса и высшего уголовного суда. Кром получил право направлять своих представителей во все провинции и право сбора некоторых местных налогов [14].

[12] H. G. Q. Wales, *Ancient siamese governement...*, pp. 88—89.

[13] Во второй половине XVII в. должность пракланга приобрела такое значение, что европейцы часто отождествляли его с первым министром (La Loubère, *Description...*, pp. 281—282).

[14] H. G. Q. Wales, *Ancient siamese governement...*, p. 88.

Кром Махаттаи (министерство внутренних дел) на первых порах, по-видимому, включал в себя всю гражданскую часть.

Глава его, носивший титул чао прайя чакри, председательствовал на заседаниях Королевского совета (в отсутствие короля) [15]. Вплоть до XVII в. ему непосредственно подчинялись главы остальных четырех гражданских кромов. Впоследствии, однако, сиамские короли, опасаясь чрезмерного сосредоточения власти в руках феодалов, занимавших пост чакри, сильно урезали функции этого крома.

Военная часть была построена по образцу гражданской. Калахому (военному министру) подчинялись четыре маршала, которые командовали (в военное время) соответственно четырьмя родами войск: пехотой, кавалерией и элефантерией, артиллерией, саперами [16].

Помимо этих основных ведомств, существовавших с XV в., сиамская административная система к 30-м годам XVII в. включала целый ряд новых управлений и департаментов, частично отпочковавшихся от старых кромов и подконтрольных им, частично же созданных заново и подчинявшихся непосредственно королю. В отличие от глав старых кромов, имевших звание сенапати (министров), главы этих новых кромов носили менее высокое звание — мантри (советников). Среди вновь сформировавшихся ведомств можно отметить, в частности, следующие: кром Чан, ведавший скупкой провианта и подчинявшийся крому На; кром Бусамала (управление орденов и регалий) и кром Лом Пра Рачаван (управление дворцовой гвардии), выделившийся, по-видимому, из крома Ванга; кром Пракланг Махасампати, к которому после превращения крома Пракланга в министерство иностранных дел перешли функции фиска; так называемый Двор брахманов, исполнявший функции государственной канцелярии и архива [17]; наконец, кром Пра Сурасвати [18] (управление государственной регистрации).

Согласно закону, все мужчины в возрасте от 18 до

[15] J. van Vliet, *Description...*, p. 59.

[16] H. G. Q. Wales, *Ancient siamese governement...*, p. 79.

[17] Название этого института вместе со многими другими индийскими терминами проникло в Сиам в XVв. через Камбоджу после первого завоевания ее сиамцами.

[18] H. G. Q. Wales, *Ancient siamese governement...*, pp. 89—94.

60 лет, кроме монахов и рабов [19], были обязаны работать в одном из кромов (либо в качестве чиновников, либо как приписанные к управлению государственные барщинники и крепостные, пожалованные чиновникам [20]). За выполнением этого закона и следил кром Пра Сурасвати, периодически проводивший переписи всего населения (включая и монахов). При регистрации представители податных сословий подвергались татуировке (на запястье). Лиц, уклонявшихся от регистрации, ловили, клеймили и заставляли работать под стражей. По системе круговой поруки «родителей и соседей [беглого] держат в тюрьме, пока он не вернется» [21]. Кром Пра Сурасвати, этот важнейший орган классовой диктатуры феодалов в отношении крестьянства, даже на фоне общей продажности сиамских чиновников выделялся как гнездо исключительной коррупции и злоупотреблений. Случалось, что чиновники управления вносили людей в податные списки с трех-, четырехлетнего возраста [22] (вместо 18 лет, требовавшихся по закону).

Организация управления, сложившаяся в Сиаме, имела целью охватить полицейским надзором все стороны жизни сиамцев и подавить возможное недовольство в самом зародыше. Огромная сеть шпионов, подчиненная непосредственно королю, следила за настроениями всех слоев

[19] Говоря о рабстве, необходимо, однако, отметить, что общим термином «рабы» («таты») как у европейских авторов, так и в сиамском законодательстве обозначалось большое число людей, относившихся по существу к двум разным социальным категориям. С одной стороны, сюда входили непосредственные производители, находившиеся в полной собственности владельца и не имевшие своего хозяйства и орудий производства (только эта категория не учитывалась кромом Пра Сурасвати); королевские рабы (главным образом из осужденных преступников), работавшие в поместьях короля; рабы крупных феодалов, ведших свое хозяйство; наиболее искусные ремесленники, которых король и крупные феодалы превращали в своих рабов; рабы, занятые личным обслуживанием короля и чиновников, практически не игравшие никакой роли в производстве (группа, в равной мере неизбежная и в рабовладельческом и в феодальном обществе). С другой стороны, сюда входили «рабы», имевшие собственное хозяйство, владевшие земельным участком и орудиями производства и несшие повинности в пользу феодала, т. е. в сущности феодально-зависимые работники, крепостные.

[20] Обычно крепостные чиновников составляли 10—25% общего числа податных крестьян (или ремесленников), которыми те руководили на войне или на государственных работах Dilock, *Die Landwirtschaft in Siam*, S. 45).

[21] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 147.

[22] La Loubère, *Description...*, p. 256.

населения (от рабов до министров). Хотя, как отмечалось выше, Сиам и не держал в мирное время большой постоянной армии, в распоряжении короля всегда была значительная военная сила — уже упоминавшаяся хорошо вооруженная наемная гвардия из иностранцев, главным образом японцев, а также португальцев и индийцев.

Непосредственное подавление сопротивления эксплуатируемых силой сочеталось в сиамском феодальном государстве с идеологическим воздействием, осуществлявшимся могущественной буддийской церковью.

Буддийская религия, с ее проповедью непротивления, послушания властям, с ее учением о том, что место каждого человека в обществе является результатом его поведения в прошлых существованиях, освящала своим авторитетом феодальную монархию. Внушая угнетенным массам, будто их тяжелое положение обусловлено их собственными грехами в каких-то прошлых жизнях, буддийская религия в то же время оставляла им надежду, в награду за добродетельное поведение в этой жизни, при некоем следующем перерождении стать вельможей или королем.

Король и светские феодалы, прекрасно понимая важность такой идеологической обработки эксплуатируемых масс, неизменно оказывали самую широкую поддержку буддийскому духовенству. Буддийские монахи были освобождены от всех налогов и повинностей. Неуважение или оскорбление монаха каралось как тяжелое государственное преступление. Сам король, с которым все подданные, вплоть до его собственных братьев, должны были разговаривать стоя на четвереньках, обязан был уступать дорогу монаху и первым приветствовать его [23].

К началу 30-х годов XVII в. в столице Сиама — Аютии насчитывалось 20 тыс. буддийских монахов и около 400 пагод [24].

[23] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 190.

[24] J. van Vliet, *Description...*, p. 76. — Впоследствии число пагод в Аютии возросло до 500. Число же монахов в стране, по данным разных авторов, во второй половине XVII в. составляло 50—200 тыс. (N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 47; J. van Vliet, *Description...*, p. 76; F. T. Choisy, *Journal...*, p. 146; [J. B. Tavernier], *Les six voyages...*, vol. I, p. 398; G. Tachard, *Voyage...*, p. 374). — Разнобой в цифрах объясняется, возможно, тем, что в одних случаях учитывались только собственно монахи, в других — и обслуживающие монахов крестьяне, «служки». Но даже самая малая из приведенных цифр — 50 тыс. — для страны с населением около 2 млн. человек огромна.

Хотя формально буддийские монахи давали обет нищенства и должны были жить на подаяния, на деле буддийская церковь в XVI—XVII вв. владела колоссальными богатствами. Только в форме пожертвований частных лиц (не считая государственной дотации) буддийское духовенство получало 20 *т* золота ежегодно, в то время как весь ежегодный доход короля оценивался в 24 *т* золота [25]. Кроме того, буддийские монастыри располагали большими земельными владениями, пожалованными королем, которые обрабатывались феодально-зависимыми крестьянами. Как сообщает Ла Лубер, помимо монастырских рабов (т. е. крепостных), каждый монах имел двух-трех слуг. Они принимали денежное подаяние вместо монахов (последним запрещалось прикасаться к деньгам) и обрабатывали сады и земли монастыря [26].

Таким образом, буддийская церковь сама превратилась в крупнейшего феодального землевладельца, не только косвенно, но и непосредственно эксплуатировавшего труд сиамского крестьянства.

4. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ

До начала XVI в. Сиам по уровню своего развития ничем не выделялся среди государств Индокитайского полуострова. Но с первой четверти столетия картина резко меняется. Темпы развития Сиама значительно увеличиваются, государство богатеет, развиваются товарно-денежные отношения со всеми вытекающими отсюда последствиями. В конце XVI в. Сиам становится наиболее могущественной державой Юго-Восточной Азии, диктуя свою волю Бирме, Камбодже и другим сопредельным странам.

Такой быстрый взлет на протяжении немногих десятилетий объясняется не только ходом внутреннего развития Сиама. Здесь большое значение имел и ряд обстоятельств внешнего порядка.

Благодаря выгодному географическому положению на полпути между Индией и дальневосточными странами — Китаем и Японией, Сиам всегда играл немаловажную роль в торговле между ними. Но особенно возросла эта его роль

[25] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 140.
[26] La Loubère, *Description...*, p. 355.

с начала XVI в., после захвата португальцами Малакки, контролировавшей кратчайший путь из Индии в Китай.

Восточные купцы, чтобы избежать беспощадного грабежа, вынуждены были искать новые пути в обход Малаккского пролива. При этом очень значительная (если не подавляющая) часть купцов, направлявшихся из Индии на Дальний Восток (или наоборот), избирала путь через территорию Сиама. Они либо перетаскивали свои суда волоком через перешеек Малаккского полуострова (Кра), либо двигались по пути Тенассерим — Аютия. Мощный поток товаров шел от моря к верховьям реки Тенассерим; здесь товары перегружались на повозки, запряженные волами, и доставлялись через горные перевалы к верховьям одного из притоков Меклонга; там их вновь грузили на лодки и плыли к Сиамскому заливу и далее по Менаму в Аютию. Неудобства трехкратной перегрузки с избытком возмещались безопасностью и значительным сокращением пути (по сравнению с путем вокруг Малаккского полуострова и, тем более, вокруг Суматры). При этом большая часть индийских, китайских, индонезийских и вьетнамских купцов, достигнув Аютии, предпочитала не везти свои товары дальше, а продать их на месте, чтобы здесь же приобрести нужные им товары, всегда имевшиеся в изобилии на этом крупнейшем международном рынке Юго-Восточной Азии.

Наряду с торговлей привозными товарами Сиам вел значительную торговлю товарами местного производства. Из местных продуктов особенно высокие доходы приносили сиамской торговле олово, свинец и селитра, находившие сбыт во всех странах Южной и Восточной Азии, слоновая кость, ценные сорта дерева (орлиное, сапан, тик), пользовавшиеся не менее широким спросом, а также оленьи и буйволовые шкуры. Сиамские суда, груженные иностранными и отечественными товарами, курсировали от Японии до Персии и Аравии.

Важнейшую роль играла торговля с японскими островами, начало которой было положено в конце XVI в. и которая развивалась вместе с развитием дипломатических отношений между Сиамом и Японией.

Официальные дипломатические отношения между двумя странами завязываются в 1606 г., когда сёгун (фактически верховный правитель Японии) Иеясу написал королю Сиама Экатотсорату (1605—1620) письмо с просьбой прислать ему ароматичное дерево и пушки сиамского про-

БИБЛИОТЕКА

изводства, высоко ценившиеся в Японии [27]. Особенно оживленный характер эти отношения приобрели в период правления короля Сонгтама (1620—1628): в это время обмен посольствами происходил почти ежегодно [28].

Сёгуны поощряли торговлю своих купцов с Сиамом. До нашего времени сохранились 53 лицензии на экспорт, которые японское правительство выдало направлявшимся в Сиам судам только за 1592—1615 гг. Сиамские купцы также могли беспрепятственно торговать в Японии [29].

Всю торговлю межу Сиамом и Японией в первой трети XVII в. можно разделить как бы на два «потока», сравнительно мало смешивавшихся между собой. Один из них — это торговля и обмен подарками, так сказать, «на высшем уровне» — между правительствами. Японское правительство получало из Сиама огнестрельное оружие, порох, олово, селитру, слоновую кость, драгоценные ткани, ювелирные изделия; сиамское правительство — японских лошадей [30], холодное оружие, расшитые золотом ткани, парадные костюмы и т. п. Все эти товары представляли собой предметы либо военного, либо придворного и княжеского обихода, и обмен ими, как правило, не мог иметь существенного значения для развития экономики обеих стран.

Иной характер носила торговля, которую в первые десятилетия XVII в. вели главным образом частные купцы Японии и Сиама. Среди широкого ассортимента товаров этого «потока» прежде всего необходимо выделить оленьи и буйволовые шкуры (кожи), медь и серебро.

Экспорт шкур из Сиама в Японию достигал в отдельные годы нескольких сот тысяч штук и, видимо, очень редко опускался ниже 100 тыс. [31]. Сиамская кожа в Японии была предметом широкого, можно сказать, по тогдашним масштабам, широчайшего потребления. В обмен на эту кожу (и крупные партии сапана) из Японии в Сиам шли грузы дешевой японской меди и серебра. В значительной степени благодаря импорту японского серебра Сиам в первой трети XVII в. считался богатейшей и могущественнейшей страной Юго-Восточной Азии.

---

[27] F. H. Giles, *A critical analysis...*, pt 3, p. 271.
[28] Ibid., pp. 284—292.
[29] Ibid., p. 272.
[30] Постоянный предмет просьб сиамских королей и министров. Коневодство было очень слабо развито в средневековом Сиаме.
[31] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 67.

Большие размеры приняла в XVI—XVII вв. торговля с Китаем, имевшая к тому времени уже многовековую давность. «Сиамский король имеет своих торговых представителей в Пегу, Аве, Чиенгмае, Лангчане (Луан-Прабане. — *Э. Б.*) и на Коромандельском побережье, но особенно много в Китае», — писал в 30-х годах XVII в. известный путешественник Мандельсло [32]. Китайский император для облегчения дипломатических и торговых сношений в свою очередь держал в Сиаме четырех постоянных представителей из китайцев, знающих тайский и другие языки [33]. «Король и его брат, — свидетельствует ван Флит, — посылают каждый год корабли в Кантон (Гуанчжоу. — *Э. Б.*)... и другие места Китая (король пользуется этой привилегией по старинному договору с китайскими императорами)» [34]. Важную роль в развитии торговли между Сиамом и Китаем играли китайские купцы и моряки, с давних пор обосновавшиеся в Сиаме. Сиамский торговый флот в значительной мере был укомплектован китайцами [35].

Очень большое значение имела для Сиама и его торговля с Индией. Индия представляла емкий рынок как для местных сиамских товаров (в частности, слоновой кости и слонов), так и для ввозившихся Сиамом японской меди и китайского фарфора. С другой стороны, из Индии вывозились хлопчатобумажные ткани, которые вновь экспортировались Сиамом в добрый десяток стран, принося большой доход, а также находили широкий сбыт и в самом Сиаме, влияя на развитие внутренней торговли. Определенная часть индийских ремесленников специально работала на сиамский рынок. «Ткани из Короманделя и Сурата (продававшиеся в Аютии. — *Э. Б.*) выделываются и расписываются по сиамским модам» [36], — писал ван Флит, перечисляя статьи сиамского импорта.

---

[32] Цит. по кн.: J. Anderson, *English intercourse...*, p. 42.
[33] «Dagh-Register... 1637», p. 12.
[34] J. van Vliet, *Description...*, p. 92.
[35] С середины XVII в. в результате крестьянской войны (1628—1645) и войны с маньчжурами, бушевавшей в Китае до 1683 г., объем торговли, естественно, уменьшился, однако все еще оставался значительным. В частности, Сиам поставлял свинец, селитру, порох и оружие китайскому национальному герою Чжэн Чэн-гуну и его соратникам, которые во второй половине XVII в., опираясь на Тайвань, боролись с маньчжурами и голландцами («Records...», vol. II, p. 204).
[36] J. van Vliet, *Description...*, p. 89.

Оживленную торговлю вел Сиам с Лаосом, Камбоджей, Тонкином (Сев. Вьетнам), Кохинхиной (Южн. Вьетнам), с индонезийскими островами и даже с Филиппинами. На западе сиамские суда доходили до порта Мокка на Красном море [37].

Уже в первой половине XVII в. в Сиаме существовала и довольно обширная внутренняя торговля. Наряду с давно обосновавшимися в стране китайскими и индийскими купцами, связанными в основном с внешней торговлей, появились и местные купцы, занятые преимущественно во внутренней торговле. «...Купцы, торгующие съестными припасами и одеждой, — пишет Стрейс, — ...странствуют из города в город, из деревни в деревню. Этой торговлей кормятся тысячи и живут все время в своих лодках или торговых судах» [38].

В начале XVII в. отдельные районы Сиама стали специализироваться на производстве определенных продуктов. Так, центральный район (долина нижнего и среднего Менама) поставлял рис; северный район — оленьи шкуры, сахар и воск; западный район (долина Меконга) — дерево сапан и соль; юго-западный район (провинция Тенассерим) — олово, сапан и рис; южный район (Малаккский полуостров) — олово, свинец, перец; юго-восточный район (у границы с Камбоджей) — корабельный лес, орлиное дерево, оленьи шкуры, благовонные смолы; плато Корат — железо; район Бангкока — фрукты [39].

Столица Сиама Аютия, ставшая крупнейшим центром международной торговли, как свидетельствуют современники, по своим размерам превосходила Париж. Считалось, что в Аютии проживают представители 43 национальностей (точнее — подданные 43 государств) [40]. Подданным каждого иностранного государства предоставлялся особый квартал, или «слобода», в которой они могли жить, следуя законам и обычаям своей страны, под управлением

[37] G. Tachard, *Voyage...*, p. 365; J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 272, 312—315, 331, 335.

[38] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 68; у Жервеза говорится: «Большáя часть народа занята торговлей, одни проводят все время, торгуя на реке, с женщинами и детьми, другие живут в городах, продавая в лавках в розницу товары, которые они приобрели оптом по прибытии судов» (N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 145).

[39] J. van Vliet, *Description...*, pp. 67—69.

[40] F. T. Choisy, *Journal...*, pp. 136, 149.

старшины, выбранного из их числа и ведшего дела с сиамскими чиновниками [41].

В крупные торговые центры выросли наряду с портами Андаманского моря — Мергуи, Тенассерим, Джанк-Сейлон (Пукет) порты на восточном берегу Малаккского полуострова — Патани, Лигор (Након-Сритаммарат), Сингора, Чайя. Большая торговля велась в городах Ратбури и Петбури, стоявших на торговом пути Тенассерим — Сиамский залив [42]. Важным торговым центром был также Питсанулок (тогда второй по величине город Сиама), куда горцы из лаосских государств Лангчана и Чиенгмая приносили золото, рубины, мускус, бензойную смолу (росный ладан), воск, камень, рог носорога и другие товары, которые затем купцы переправляли в лодках вниз по Менаму к Аютии. В свою очередь лаосцы закупали в Питсанулоке сиамские и индийские ткани [43].

Таким образом, сиамский рынок был весьма обширен, и богатства его не случайно привлекли европейских купцов с первых же лет их появления в Юго-Восточной Азии.

5. ПОЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ В СИАМЕ. ПОРТУГАЛИЯ И СИАМ В XVI в.

Первые европейцы появились на территории Сиама, по-видимому, в XV в. Это были купцы и путешественники, главным образом итальянцы, эпизодически посещавшие страну [44].

Тесные торговые связи с Сиамом и массовое проникновение туда европейцев начались после завоевания порту-

[41] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 69; La Loubère, *Description...*, p. 237. — В числе иностранцев, организованных таким образом, были англичане, арабы, армяне, бенгальцы, голландцы, голкондцы (подданные королевства Голконда в Индии), камбоджийцы, китайцы, кохинхинцы и тьямы (жители Южного Вьетнама), лао, макассарцы (из королевства Макассар на Сулавеси), малайцы, подданные Могольской империи, пегуанцы (моны), персы, португальцы, тонкинцы (северные вьетнамцы), турки, яванцы, японцы (Chaumont, *Relation...*, pp. 123—130).

[42] J. van Vliet, *Description...*, p. 68.

[43] Ibid., p. 68; Chaumont, *Relation...*, p. 152.

[44] Д. Холл, *История Юго-Восточной Азии*, стр. 164. — Впервые на Западе узнали о существовании королевства Сиам из труда уроженца Средней Азии Абд-ар-Раззака-ас-Самарканди (середина XV в.) (J. Anderson, *English intercourse...*, p. 16).

гальцами Малакки в 1511 г. Тогда же в Аютию прибыл первый португальский посол Дуарте Фернандеш [45]. Целью его было выяснить отношение сиамского правительства к захвату Малакки, которая, как и другие княжества Малайи, формально считалась вассалом Сиама.

Португальскому послу был оказан при сиамском дворе дружественный прием. Король Рама Тибоди II (1491—1529) был слишком поглощен борьбой с северным соседом — королевством Чиенгмай, чтобы одновременно отстаивать свой, в значительной мере чисто формальный, суверенитет над Малаккой. Поэтому он легко отказался от «владения» ею в обмен на обещание военной помощи. Из Сиама было направлено ответное посольство к португальскому вице-королю Альбукерку (в Гоа).

В 512 г. в Аютию прибыло второе португальское посольство (во главе с Мирандо де Азеведо), а в 1515 г. — третье [46]. В том же, 1515, году сиамская армия с помощью португальских мушкетеров и артиллеристов нанесла сокрушительный удар по Чиенгмаю, в результате чего к Сиаму были присоединены обширные территории в верховьях Менама [47].

В 1518 г. был заключен первый сиамо-португальский торговый договор [48]. Однако на всем протяжении XVI в. торговля не занимала в отношениях между Сиамом и Португалией главного места. Объяснялось это тем, что португальцы интересовались на Востоке преимущественно пряностями, а ими Сиам был сравнительно небогат. Поэтому (по крайней мере в XVI в.) Сиам был приманкой не столько для португальских купцов [49], сколько для португальских авантюристов — военных наемников, которые стекались сюда, прельщенные богатым жалованием.

Португальцы неоднократно принимали участие в войнах Сиама с его соседями, легко переходя из лагеря в лагерь, а иногда даже выступая на обеих сторонах. Так, в 1547 г. в войне между Сиамом и Пегу на стороне Сиама сражались

[45] F. C. Danvers, *The Portuguese in India*, p. 232.
[46] Ibid., pp. 233, 240.
[47] W. A. R. Wood, *A history of Siam...*, p. 132.
[48] F. C. Danvers, *The Portuguese in India*, p. 341.
[49] Крупная португальская торговая колония, насчитывавшая до 300 человек, существовала (с 1516 г.) только в богатом пряностями подвассальном Сиаму княжестве Патани (I. Anderson, *English intercourse...*, p. 44).

50 португальцев, а на стороне Пегу — 180 [50]. Несмотря на ненадежность и продажность португальских наемников, сиамские короли стремились привлечь их к себе на службу, чтобы подтянуть свою военную технику до уровня европейской. Уже в 1538 г. король Прачай (1534—1546) создал португальскую гвардию из 120 человек, которые одновременно должны были служить инструкторами в сиамских войсках [51]. Португальцам, так же как и другим иностранцам в Сиаме, был отведен обширный участок земли в предместье Аютии с правом полного самоуправления. В первой половины XVII в. число жителей португальской слободы достигало нескольких тысяч. Этому в значительной мере способствовало наступление Голландии и Англии на португальскую империю. Изгнанные из своих крепостей португальцы перебрались на территорию Сиама, пользуясь исключительной терпимостью сиамского правительства (уже в начале XVII в. в Аютии функционировало несколько христианских церквей).

Политика терпимости, проводившаяся сиамским правительством, и широкое привлечение на государственную службу иностранцев (не только португальцев и испанцев, но также арабов, турок, греков, индийцев) [52] принесли Сиаму пользу в том отношении, что к началу XVII в. по уровню военной техники он вышел на первое место в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Например, пушки, отлитые сиамскими литейщиками по европейским образцам, настолько высоко ценились в Японии, что просьба о присылке их почти неизменно присутствовала во всех письмах японских сёгунов к сиамским королям [53].

Дружба с португальцами, однако, длилась недолго. С первого момента своего появления на Востоке португальцы повели беспощадную борьбу против местного торгового мореходства. Естественно, что в числе стран, страдавших от этой политики, оказался и Сиам, ведший обширную морскую торговлю. Поэтому уже в 1545 г., в ответ на захват португальцами трех крупных сиамских судов у Тенассерима, король Прачай был вынужден направить против них эскадру из четырех парусных и шести гребных судов [54].

[50] F. C. Danvers, *The Portuguese in India*, p. 486.
[51] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 22.
[52] F. C. Danvers, *The Portuguese in India*, p. 466.
[53] F. H. Giles, *A critical analysis...*, p. 271.
[54] F. C. Danvers, *The Portuguese in India*, p. 466.

Во второй половине XVI в. грабительские действия португальцев и их стремление установить свою монополию на морскую торговлю привели к дальнейшему ухудшению отношений между Сиамом и Португалией, несмотря на то что сиамские короли по-прежнему охотно принимали португальских эмигрантов.

6. ПЕРВЫЕ ШАГИ ГОЛЛАНДСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В СИАМЕ (1602—1622)

В начале XVII в. в Сиам стали проникать голландцы. В это время Голландия переживала период своего наивысшего расцвета и по морскому могуществу занимала первое место в мире. Голландский торговый флот насчитывал свыше 10 тыс. судов, или половину торгового флота всей Европы [55]. Голландия, которая по выражению Маркса, «была образцовой капиталистической страной XVII столетия» [56], быстро одержала победу над феодальной Португалией и захватила в свои руки бóльшую часть торговли в Южных морях.

Сиам не представлял собой в этом отношении исключения.

Первая голландская эскадра появилась на Востоке в 1596 г. Основной целью этой (и нескольких последующих) экспедиции было проникновение на индонезийские острова, богатые пряностями. Но уже в 1601 г. эскадра под командованием адмирала Якоба ван Нека достигла Патани [57]. Несмотря на активное противодействие португальских, китайских и японских купцов, ван Нек заключил с княгиней Патани договор о торговле перцем и получил разрешение открыть здесь факторию. С этого времени голландские суда стали часто посещать Патани. В 1602 г. персонал голландской фактории в Патани уже насчитывал 26 человек [58].

В 1604 г. в Аютию был направлен с официальной миссией адмирал ван Варвейк [59]. В сиамской столице он встре-

[55] A. Hyma, *The Dutch in the Far East*, p. 512.
[56] К. Маркс, *Капитал*, т I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, изд. 2, стр. 761.
[57] W. Nunn, *Some notes...*, p. 85.
[58] W. Blankwaardt, *Notes...*, p. 244.
[59] Ibid., p. 246.

тил дружественный прием и даже получил аудиенцию у короля Экатотсората, что по тем временам считалось исключительной милостью, так как король обычно не появлялся перед иностранцами. Король дал голландцам разрешение торговать в Сиаме наравне со всеми другими иностранными купцами.

Появление голландцев в Сиаме сильно обеспокоило португальцев. Через посредство своих соотечественников, проживавших в Аютии, они стали вести в Сиаме усиленную антиголландскую пропаганду. В частности, они пытались убедить короля Экатотсората в том, что Голландия не является самостоятельным государством с определенной территорией, что это лишь условное название обширного союза пиратов [60].

Престиж самих португальцев в Сиаме, однако, был уже настолько подорван, что их дипломатические демарши остались безрезультатными.

Тогда португальцы от уговоров перешли к угрозам. Португальский король в письме к своему вице-королю в Индии дал ему указание построить крепость в Мартабане (на юго-востоке Бирмы), чтобы оттуда оказывать давление на Сиам. Он писал, что, если удастся запугать это королевство, «самое сильное государство в тех местах» [61], и заставить его изгнать «мятежников», т. е. голландцев, остальные правители Юго-Восточной Азии и подавно не решатся вести с ними торговлю.

Но угрозы помогли португальцам не больше, чем уговоры. Экатотсорат не только не изгнал голландцев, но даже принял решение направить в Голландию свое посольство (декабрь 1607 г.). Осенью 1608 г. сиамское посольство прибыло в Гаагу. 11 сентября 1608 г. оно было принято штатгальтером Нидерландов принцем Морицем Оранским [62]. Послы поднесли принцу подарки (рубины и другие драгоценные камни). Объясняя цель своего прибытия в Голландию, послы с достоинством заявили, что их король ни в чем не нуждается и лишь интересуется жизнью и обычаями других народов. Единственное, что он хотел бы получить от Голландии, — это плотников и корабельных мастеров для обучения сиамцев [63]. Принц Оранский

[60] J. Bowring, *The kingdom...*, p. 63.
[61] «Records...», vol. I, p. 3.
[62] W. Blankwaardt, *Notes...*, p. 246.
[63] «Records...», vol. I, p. 1.

принял сиамских послов с большим почетом и на прощанье подарил им несколько пушек [64].

Значительный интерес Голландии к Сиаму объяснялся прежде всего широкой возможностью ведения прибыльной посреднической торговли. В отличие от португальцев, в первые же годы после своего появления в Южных морях голландцы наряду с вывозом пряностей в Европу стали заниматься посреднической торговлей между различными странами Востока. А для такой торговли Аютия была идеальным местом.

Здесь голландцев в особенности привлекал давно установившийся товарообмен между Сиамом и Японией. Эту торговую линию, сулившую наибольшие барыши, голландцы постарались освоить в первую очередь [65].

В торговле Сиама с Индией голландцы также стали принимать участие с первого десятилетия XVII в. В скором времени голландцы захватили в свои руки и большую часть торговли между Сиамом и Индонезией, где в Батавии (Джакарте) находилась их главная база.

Сиам привлекал голландцев также как неисчерпаемый источник продовольствия для их крепостей и факторий в Индонезии и Малайе. Отношения между голландцами и индонезийскими правителями часто принимали характер открытой войны, и, теряя возможность получать продовольствие на месте, голландцы оказались бы в очень затруднительном положении, если бы не могли покупать рис, масло и другие продукты в расположенном сравнительно недалеко Сиаме.

Наконец, менее важное, хотя и весьма существенное значение имел для голландцев перец Южного Сиама. Голландцы упорно стремились сосредоточить всю торговлю сиамским перцем в своих руках не потому, что его им не хватало (в индонезийских владениях голландской Ост-Индской компании перца было более чем достаточно), но для того, чтобы лишить своих португальских, английских, а позднее и французских соперников возможности покупать его здесь и тем самым сбивать цены в Европе.

[64] Ibid., p. 7.

[65] Ibid., vol. I, p. 5; vol. II, p. 4. — О размахе голландской посреднической торговли между Сиамом, с одной стороны, и Японией и Китаем — с другой, можно судить хотя бы по тому, что в первой четверти XVII в. голландцы ввозили в Патани с Дальнего Востока одного только белого шелка на 100 тыс. реалов ежегодно («Records...», vol. I, p. 55).

В целях осуществления своих задач голландцы начали постепенно опутывать Сиам сетью факторий. В 1610 г. была основана голландская фактория в Аютии, в 1612 — в Лигоре и Паталунге. Несколько лет спустя были открыты фактории в Сингоре, Кедахе и на острове Джанк-Сейлон [66].

Таким образом, наряду с центральным рынком в Аютии, голландцы получили широкие возможности для своих операций во всех важнейших центрах производства олова и перца на юге Сиама. В этом районе они развили особенную активность, используя отдаленность от центра и разобщенность между собой полузависимых от Сиама малайских княжеств. Здесь они сразу давали местным правителям почувствовать свою силу, заставляя их подписывать выгодные для Голландии договоры.

Так, в 1612 г. они навязали договор Лигору, по которому лигорский князь освобождал их от всех налогов и пошлин, должен был построить для них за свой счет каменный дом, предоставлял им право строить в Лигоре все, что они хотят, давал обязательство не предоставлять купцам других стран никаких привилегий (исключение делалось только для китайцев, которые, однако, обязаны были платить обычные налоги). В том же году аналогичный договор был заключен с другим малайским княжеством — Паталунгом. По договору с Сингорой голландская Ост-Индская компания «навечно» получала монополию на торговлю перцем [67].

Проникновение голландцев в сиамскую торговлю в первой четверти XVII в. мало беспокоило сиамское правительство. В этот период сиамский торговый флот был сравнительно невелик. Основные доходы государства от торговли складывались из таможенных сборов и прибылей в результате продажи местных товаров на экспорт. Число купцов-сиамцев было очень незначительно. Почти весь экспорт и импорт Сиама до появления голландцев находились в руках индийских, персидских, арабских и индонезийских купцов (часто объединявшихся в то время европейцами общим термином «мавры» — мусульмане), китайских и японских купцов.

[66] W. Hunn, *Some notes...*, p. 86; «Records...», vol. I, pp. 11, 17; W. Blankwaardt, *Notes...*, p. 246.

[67] «Records...», vol. I, p. 11; J. Anderson, *English intercourse...*, p. 59.

Именно разноплеменное восточное купечество, коренные интересы которого затрагивало голландское проникновение, явилось застрельщиком борьбы против голландцев. Особым упорством и непримиримостью отличались японские торговцы, так как голландцы начали теснить их в первую очередь.

В упорной и жестокой борьбе за сиамский рынок обе стороны не останавливались ни перед какими средствами. Так, в 1605 г. японцы взяли штурмом и сожгли голландскую факторию в Патани [68]. Перевес в этой борьбе, однако, был явно на стороне Голландии, располагавшей более совершенной военной техникой и организацией. Голландцы вскоре восстановили факторию в Патани и сохранили за собой господствующее положение в торговле этого княжества, как и вообще всего сиамского юга.

В центре и на севере собственно Сиама, где власть сиамского короля была реальной и прочной, голландцы в первые десятилетия XVII в. придерживались иной политики. Здесь они не решались прибегнуть к открытому военному нажиму. Они предпочитали выступать под маской бескорыстных друзей Сиама. Реальную помощь сиамскому королю они, впрочем, оказывали только тогда, когда это им было выгодно. В 1612 г. во время мятежа японских наемных войск, совпавшего с вторжением в Сиам лаосского короля, голландские артиллеристы выступили на стороне правительства [69]. В данном случае для голландцев существовала реальная опасность, что в случае победы японцы заставят короля Экатотсората изгнать своих торговых соперников из страны. Когда же в 1622 г. Камбоджа провозгласила независимость от Сиама, в результате чего вспыхнула сиамо-камбоджийская война, голландцы, чтобы не оказывать сиамскому королю обещанной ранее помощи, решили вообще временно закрыть свои фактории в Сиаме [70].

Нужда в голландской поддержке заставляла сиамских королей предоставлять голландцам различные льготы и привилегии. Так, после подавления японского мятежа в 1612 г. Экатотсорат установил для них льготный порядок таможенного досмотра. Если раньше голландцам, согласно

[68] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 44.
[69] «Records...», vol. I, p. 67.
[70] Ibid., p. 112.

общим правилам, приходилось доставлять все свои товары для досмотра в таможни, то теперь, напротив, сиамские таможенные чиновники должны были посещать голландские корабли и осматривать товары на месте [71]. 17 июня 1617 г. голландцам удалось заключить выгодный договор о закупке у сиамского правительства шкур — важнейшей статьи экспорта в Японию [72].

Несмотря на закрытие в 1622 г. голландских факторий торговля Ост-Индской компании с Сиамом не прекращалась. В сиамской столице были оставлены неофициальные наблюдатели. Голландские корабли продолжали посещать Сиам, а сиамские купцы получили приглашение приезжать со своими товарами в Батавию [73]. В 1624 г., когда стало ясно, что сиамский король отказался от планов немедленного подчинения Камбоджи, голландцы вновь открыли фактории в Сиаме. Во главе аютийской фактории был поставлен опытный коммерсант и дипломат Йост Схоутен.

К концу 20-х годов XVII в. торговля голландцев в Сиаме уже приняла широкий размах. Голландцам удалось на длительное время полностью вытеснить с сиамского рынка своих английских конкурентов, которые попытались было активизироваться в Сиаме, и сильно потеснить португальских и японских купцов.

7. ПРОНИКНОВЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В СИАМ

Вслед за голландскими купцами в Сиаме стали появляться и английские. Первые попытки завязать торговые отношения с Сиамом предпринял еще в 1608 г. капитан английского флота Вильям Килинг, который вступил в переговоры с сиамским послом, приехавшим в то время в Бантам (Ява). Сиамец от имени своего короля предложил англичанам торговать в Сиаме [74]. Особенно возрос интерес англичан к сиамской торговле после первого сиамского посольства в Гаагу. Снаряжая в 1610 г. свою седь-

[71] Ibid., p. 15.
[72] Ibid., p. 77.
[73] Ibid., p. 114.
[74] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 46.

мую экспедицию на Восток, директора английской Ост-Индской компании поставили одной из основных задач открытие торговли с Сиамом.

В июне 1612 г. корабль компании «Глобус» доставил в Сиам ее представителя Адама Дентона, имевшего письмо английского короля Якова I к Экатотсорату [75]. Англичане, как и голландцы, на первых порах встретили в Сиаме самый радушный прием [76]. Им было предоставлено постоянное разрешение на торговлю в Сиаме. Под английскую факторию в Аютии отвели трехэтажный каменный дом. Другая фактория, несмотря на противодействие голландцев, была тогда же, в 1612 г., основана в Патани.

В последующие годы руководство компании стремится еще больше расширить сеть английских факторий в Сиаме. В 1613 г. английские торговые представители появились в Чиенгмае, откуда вывозились золото, рубины, ароматичные смолы, воск, оленьи шкуры. В 1614 г. была предпринята попытка обосноваться в Сингоре, богатой оловом, свинцом и перцем и к тому же обладавшей очень удобной гаванью. Попытка эта, однако, не удалась из-за резкого противодействия голландцев, успевших уже добиться у местного правителя монополии на торговлю перцем [77]. Столь же неудачной оказалась попытка англичан обосноваться в Лигоре, где прочные позиции занимало тогда многочисленное китайское купечество [78]. Не обескураженные этими неудачами, английские торговцы решили на базе двух имевшихся факторий наладить прямой товарообмен с английской факторией в Хирадо (Япония). Англичане вывозили из Сиама олово, свинец, драгоценные сорта дерева, благовония, красители и оленьи шкуры. Английские суда крейсировали также между Сиамом и Тямпой (в Южном Вьетнаме) [79].

Однако после периода быстрого подъема английская торговля в Сиаме так же быстро пришла в упадок. В значительной мере это было следствием частых войн в то

[75] Ibid., p. 49.

[76] В 1613 г. в Англию выехало ответное посольство с письмом от Экатотсората к Якову I. В этом письме сиамский король просил английского короля присылать больше торговых судов в Сиам («Records...», vol. I, p. 18).

[77] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 59.

[78] Ibid., p. 80.

[79] Ibid., p. 65.

время между Сиамом и соседними с ним государствами [80]. Но важнейшей причиной упадка английской торговли в Сиаме была жестокая конкуренция со стороны голландских, португальских и японских купцов.

Конкуренция эта принимала самые различные формы — от закулисных интриг до открытой вооруженной борьбы. В 1616 г. жертвой ее пал глава английской фактории в Аютии Бенджамен Фери, отравленный португальцами [81]. Через год попытка английского фактора Питта заковать в кандалы голландца Петерсона во время «дружеского» банкета в Аютии привела к кровавой драке между голландцами и англичанами, в результате которой было убито несколько человек [82].

Упорная борьба шла на море. Португальские корабли, базировавшиеся на Макао (Аомынь), специально выслеживали английские суда, направлявшиеся из Сиама в Японию. Голландцы также не упускали удобного случая захватить английский корабль, хотя официально до 1618 г. Голландия считалась союзником Англии.

Напряженные отношения между английской и голландской Ост-Индскими компаниями вылились в 1618 г. в открытую войну. Сначала военное преимущество было на стороне англичан. Однако уже в июле 1619 г. в сиамских территориальных водах, в бухте Патани, голландцы разгромили английскую эскадру [83].

Поражение при Патани надолго решило судьбу английских факторий в Сиаме. Несмотря на то что в 1620 г. было официально объявлено о заключении мира между Англией и Голландией, англичане не смогли выдержать голландской конкуренции. Причины этого заключались не только в военном и экономическом превосходстве голландской Ост-Индской компании, но и в более гибкой торговой политике голландцев: благодаря ей они на всем протяжении XVII в. неизменно побивали англичан на сиамском рынке. В то время как англичане основную ставку делали на сбыт своих товаров (главным образом сукна, которое пользовалось малым спросом в тропиках),

[80] Так, в 1615 г. бирманские войска, захватив Чиенгмай, разгромили там английскую факторию и увели в плен ее заведующего (J. Anderson, *English intercourse...*, p. 62).

[81] «Records...», vol. I, p. 66.

[82] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 67.

[83] Ibid., pp. 74—76.

а посредническая торговля имела для них второстепенное значение, голландцы, как уже говорилось, очень рано стали уделять большое внимание посреднической торговле между странами Востока. В условиях Сиама, который сравнительно мало покупал европейские товары и еще меньше мог предложить для вывоза в Европу[84], такая торговая политика была для европейских купцов наиболее выгодной.

В отличие от голландцев, сразу же наладивших рейсы между Сиамом, Индией, Индонезией, Китаем и Японией, англичане имели в Сиаме в сущности только одну, и то нерегулярную, связь — с английской факторией в Хирадо. Когда же эта ниточка была прервана голландцами и португальцами, английские фактории в Аютии и Патани, естественно, оказались на пороге краха.

В 1623 г. английская Ост-Индская компания закрыла свои фактории в Сиаме. Решение об этом было принято еще в 1622 г., но реализация его затянулась на год, так как главы факторий не могли расплатиться с долгами. Вновь появились английские торговцы в Сиаме лишь во второй половине XVII в., когда у власти в этой стране уже стояла династия Прасат Тонгов (1629—1688), которая в борьбе против торговой монополии Голландии покровительствовала деятельности в Сиаме купцов из других европейских стран (сперва англичан, затем французов).

[84] Только в полуостровной части Сиама произрастал перец — самая дешевая и распространенная из пряностей.

ГЛАВА II

ПОЛИТИКА СИАМА В 30—80-х годах XVII в.

1. ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ ПРАСАТ ТОНГОВ

Общая линия экономического развития Сиама XVI в. заключалась в непрерывном возрастании роли внешней торговли и соответствующем, довольно значительном, развитии внутренней торговли.

Изменения в сфере экономики Сиама должны были неизбежно повлечь за собой изменения и в политической области. Интересы страны требовали создания сильного правительства, которое могло бы ограничить произвол местных феодалов, снять таможенные рогатки внутри страны и обеспечить внутренний и внешний мир, необходимый для нормального развития торговли. Борьба за создание такой власти началась еще при короле Наресуане (1590—1605). Однако ни Наресуану, ни его преемникам Экатотсорату (1605—1620) и Сонгтаму (1620—1628) не удалось сломить могущества феодальной знати.

Единые в тех случаях, когда надо было выступать против эксплуатируемых классов, сиамские феодалы (как и феодалы других стран) распадались на ряд враждующих группировок, когда речь шла о дележе плодов эксплуатации.

Наиболее четко выраженными двумя группами, на которые разделялся класс феодалов ко второй четверти XVII в., были чиновники, служившие в центральном аппарате, — «внутренние», и провинциальные чиновники — «внешние». В основе такого деления лежало сохранившееся от первых веков существования сиамского королевства разделение страны на центральный королевский домен и окраинные уделы принцев.

К XVII в. королевский домен занимал уже всю долину нижнего Менама (т. е. самую плодородную и с наибольшей плотностью населения область Сиама), а уделы были

превращены в провинции во главе с назначаемыми губернаторами. При этом формально провинциями управляли специальные коллегии чиновников, в миниатюре копировавшие Королевский совет. Но на деле вся полнота власти принадлежала губернатору (чао мыангу), являвшемуся высшей инстанцией в провинции по всем гражданским, военным и юридическим вопросам. Как замечает ван Флит, губернаторы не имели лишь права объявлять войну, заключать мир и вносить изменения в писаные законы, хотя и могли безнаказанно нарушать эти законы на практике. Ни один из жителей провинции не мог покинуть ее пределы без разрешения губернатора. Если же кому-нибудь из жалобщиков и удавалось переправить свою петицию в Аютию, жалоба, как правило, оставалась без последствий [1]. Губернатор, особенно в отдаленной провинции, по сути дел был маленьким царьком и мало обращал внимания на приказания короля. Пользуясь удаленностью от столицы, губернаторы стремились закрепить свою власть наследственно и проводить независимую политику.

Укреплению позиций крупных феодалов в этот период способствовал отчасти и противоречивый характер последствий, вызванных ростом товарно-денежных отношений.

Как уже говорилось, такой ход развития настоятельно требовал централизации страны, полного подчинения крупных феодалов королевской власти.

Вместе с тем с появлением денежной ренты рядовой крестьянин, чтобы уплатить налоги, неизбежно должен был обращаться к ростовщику (в качестве ростовщиков, непосредственно или через подставных лиц, очень часто выступали сами феодалы). Проценты же при этом были «так велики, что через три-четыре года превосходили основной капитал» [2].

Стремление избавиться от нестерпимого гнета государственного налогового аппарата и произвола королевских чиновников, с одной стороны, и непрерывно растущая задолженность без всякой надежды когда-нибудь расквитаться с ростовщиком, с другой, приводили к тому, что крестьянин продавал себя и членов своей семьи в рабство (или, говоря точнее, в долговую кабалу). Такой долговой раб (кабальный должник), смотря по условиям продажи, либо

[1] J. van Vliet, *Description...*, p. 60.
[2] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 145.

вовсе не нес повинностей в пользу государства, либо нес их частично. Продажа в долговую кабалу уже во второй половине XVII в. приняла в Сиаме такие масштабы, что даже получила отражение в фольклоре. «Свобода, — пишет Ла Лубер, — так плоха, что сиамцы, по пословице, продают ее за фрукт, называемый дурьян... нищеты они боятся больше рабства» [3].

Основная разница между крестьянином, закрепленным за феодалом-чиновником государством, и крестьянином, работавшим на того же феодала в силу долговой кабалы, заключалась не в форме их эксплуатации, а в том месте, которое они занимали в истории развития феодального строя в Сиаме.

Первая форма закрепощения крестьянина была присуща более раннему этапу развития феодального строя в Сиаме. Она в значительной мере способствовала централизации сиамской феодальной монархии, поскольку ставила каждого отдельного феодала в зависимость от пожалования короля. Потеряв должность, феодал-чиновник вместе с тем терял и труд приписанных к нему крестьян и, следовательно, всю свою экономическую мощь.

Вторая форма закрепощения появилась на более позднем этапе развития феодального общества. Она была тесно связана со становлением товарно-денежных отношений. Возникновение этой формы свидетельствовало о начинавшемся кризисе феодального строя: она была следствием увеличивавшегося разорения крестьянства и одновременно причиной ослабления централизации государства, так как усиливала прежде всего крупных феодалов. Последние имели, естественно, больше возможностей для закабаления крестьян, чем мелкие феодалы. В то же время сами крестьяне предпочитали продаться (зачастую даже фиктивно) одному крупному вельможе, чем терпеть вымогательства со стороны десятка королевских чиновников. Получив новую экономическую базу, независимую от милости короля, крупные феодалы стали вести и более независимую по отношению к нему политику.

В этом, по-видимому, и заключается главная причина той ожесточенной борьбы, которую начиная с 30-х годов XVII в. ведет королевская власть с крупными феодалами, опираясь на поддержку мелких феодалов, купечества, а

[3] La Loubère, *Description...*, p. 234.

также некоторых крупных феодалов, заинтересованных в развитии внешней торговли (чиновников центрального аппарата).

Обострение борьбы за централизацию в этот период объясняется еще и тем, что к прочим факторам с конца 20-х годов XVII в. прибавились еще военное давление и прямая агрессия против Сиама со стороны европейских держав, стремившихся перекачать в свои карманы прибыль, которую Сиам получал от посреднической и иной торговли.

Задача создания сильного правительства была решена основателем новой династии, правившей в Сиаме с 1629 по 1688 г., Прасат Тонгом (1629—1656) [4].

Прасат Тонг был выходцем из знатной тайской семьи, находившейся в родстве с царствовавшим домом по женской линии. Он родился около 1599 г. и воспитывался при дворе. Ван Флит характеризует его как человека высокоодаренного, смелого и энергичного, но не стесняющегося в средствах для достижения своих целей. Он был глубоко равнодушен (так же как потом и его сын Нарай) к религии. Одним из первых поступков Прасат Тонга, привлекших к нему общественное внимание, явилось дерзкое нападение на «рисового короля» [5], необычайное святотатство по тогдашним представлениям сиамцев. Эти и тому подобные выходки имели следствием то, что Прасат Тонг при Экатотсорате и Сонгтаме провел (с перерывами) около семи лет в тюрьме.

Исключительные способности и полководческое дарование, проявленные им во время войны с Камбоджей, однако, выдвинули его в число влиятельных людей при короле. К моменту смерти Сонгтама (апрель 1628) он занимал ответственный пост министра двора. Поскольку в Сиаме не существовало четко сформулированного закона о престолонаследии, в это время началась, как обычно, ожесточенная борьба за трон между ближайшими родственниками короля. Главными претендентами выступали младший брат Сонгтама принц Си Син и старший сын умершего короля 15-летний Четтатират.

[4] Прасат Тонг («Король Золотого Дворца») — наиболее известное имя этого короля. В Сиаме, как и в некоторых других средневековых государствах, короли при восшествии на престол принимали новые имена, которые затем часто дополнялись по торжественным случаям и были поэтому очень длинными.

[5] Символический заместитель короля Сиама на церемонии первого посева риса, долженствовавшей магически способствовать повышению урожая.

Прасат Тонг принял сторону Четтатирата, которым, как он полагал, ему будет легче управлять. На стороне Си Сина выступили калахом, чакри и четыре других крупнейших феодала страны. (Возможно, Си Син вообще был представителем партии крупных феодалов. Характерно, что его противник Прасат Тонг, наоборот, неизменно опирался на мелких феодалов.)

Партия Четтатирата была численно меньше, но благодаря энергии и стремительности действий Прасат Тонга, который, пользуясь своей должностью, сумел еще в последние дни жизни Сонгтама тайно разместить во дворце несколько тысяч преданных ему, Прасат Тонгу, солдат, она получила большое преимущество перед сторонниками Си Сина [6]. Собрание вельмож королевства, решавшее на следующий день после смерти Сонгтама вопрос о наследнике престола, под давлением солдат Прасат Тонга вынуждено было провозгласить королем Четтатирата. Калахом, чакри и другие сторонники Си Сина были немедленно арестованы и казнены или брошены в тюрьму, а их огромные богатства, рабы и крепостные — распределены среди приверженцев Прасат Тонга. Пост калахома достался самому Прасат Тонгу. Принц Си Син, после неудачной попытки захватить дворец, был приговорен к смертной казни. С помощью друзей ему удалось бежать и укрепиться в Петбури, где он, провозгласив себя королем, создал свой двор, правительство и армию. Двоевластие, однако, продолжалось недолго. Войска Четтатирата под командованием Прасат Тонга и командира японской наемной гвардии Ямады Намагаса наголову разбили мятежников. Си Син был схвачен и казнен [7].

После поражения Си Сина положение Прасат Тонга еще больше укрепилось. Ему удалось продвинуть своих сторонников на ряд новых ответственных постов. Усиление Прасат Тонга весьма обеспокоило короля и его мать, претендовавшую на роль правительницы. Они искали лишь предлога, чтобы избавиться от Прасат Тонга. Вскоре, воспользовавшись тем, что он устроил похороны своего

[6] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 97.
[7] Ibid., p. 107.

отца с нарушавшей традиции феодальной иерархии пышностью, король приказал арестовать его за «оскорбление величества». Понимая, что это не так просто сделать, Четтатират отдал приказ о мобилизации войск.

Вовремя предупрежденный Прасат Тонг собрал всех чиновников, на которых он мог рассчитывать, и обратился к ним с яркой речью, содержавшей политические, философские и религиозные доводы в пользу свержения Четтатирата. Основной довод Прасат Тонга заключался в том, что политика молодого короля доведет Сиам до гражданской войны, к которой наверняка присоединится интервенция. «Все это кончится полным крушением государства, и мы окажемся под властью наших соседей» [8],— заявил Прасат Тонг. Верные ему чиновники тут же организовали лигу и торжественно поклялись не допускать ареста никого из ее членов.

В тот же вечер Прасат Тонг и его единомышленники, собрав все свои силы, двинулись ко дворцу. Одному из агентов Прасат Тонга во дворце удалось внести замешательство в ряды сторонников короля, а потом открыть заговорщикам главные ворота. Всю ночь во дворце продолжалось сражение. К утру, поняв, что все потеряно, Четтатират бежал и укрылся в храме близ Аютии. Но монахи вскоре его выдали, и ему пришлось предстать перед судом собрания чиновников королевства. Основное обвинение против Четтатирата заключалось в том, что, покинув дворец, он покинул свое царство и этим доказал, что недостоин его [9]. По приговору собрания чиновников король и его мать были казнены с соблюдением всех подобающих их сану почестей [10].

Свержение Четтатирата, однако, еще не принесло короны Прасат Тонгу, хотя его сторонники тотчас выдвинули план объявления его «временным королем» вплоть до совершеннолетия младшего брата Четтатирата девятилетнего Атит Чакровонга [11]. Ямада, опираясь на свою гвардию, потребовал немедленной коронации Атит Чакровонга. Его не устраивало установление твердой власти в Сиаме. В этом

[8] Ibid., p. 118.

[9] В феодальной идеологии Сиама, как и некоторых других стран Востока, дворец правителя — мистическое средоточие страны, ее центр и олицетворение государственной власти.

[10] J. van Vliet, *Historical account...*, pp. 122—124.

[11] Ibid., p. 125.

отношении с ним были солидарны и крупные сиамские феодалы, полагавшие, что правление ребенка даст им больше возможностей для закрепления своих позиций. В результате Атит Чакровонг был коронован на царство, а Прасат Тонг назначен при нем опекуном и регентом.

Не обескураженный такой, относительной, неудачей, Прасат Тонг с прежней энергией продолжал борьбу за власть. Уже через несколько дней после вступления на престол Атит Чакровонга он нанес сильнейший удар партии крупных феодалов, уговорив малолетнего короля подписать указ об аресте и казни признанного главы крупных феодалов губернатора провинции Кампенгпет (Ойя Кампенгпета), самого богатого и могущественного вельможу страны [12].

Этот выпад не остался без ответа. Ямада, находившийся в близких отношениях с Ойя Кампенгпетом, перестал являться ко двору и привел свое войско в боевую готовность. Сиамские противники Прасат Тонга также ждали лишь удобного случая для нападения. Положение осложнилось тем, что в Аютию в это время прибыл крупный голландский корабль, представлявший довольно значительную военную силу, и в Сиаме серьезно опасались, что голландцы используют создавшуюся ситуацию для вооруженного вмешательства.

В такой обстановке Прасат Тонг решил прибегнуть к хитрому маневру. Прежде всего он купил нейтралитет голландского капитана, подарив последнему золотой меч, захваченный в королевской сокровищнице. Затем через своих агентов он распустил слух, что японцы, объединившись с голландцами, хотят напасть на королевский дворец. Это известие вызвало всеобщее возбуждение. Простой народ стал вооружаться. Перед лицом патриотического выступления народа противники Прасат Тонга среди знати не решились открыто поддержать Ямаду, и глава японских наемников, видя, что сила не на его стороне, вынужден был принять отступное — пост губернатора Лигора (с перспективой присоединения к Лигору в будущем Патани, которое Ямада должен был еще покорить). Вместе с Ямадой в Лигор отбывала вся японская гвардия — главная военная опора феодальной реакции.

[12] Кампенгпету принадлежали свыше 2000 рабов, 200 слонов, он располагал собственной наемной армией (J. van Vliet, *Historical account...*, pp. 119, 126).

Теперь Прасат Тонг оказался полным хозяином положения. Король Атит Чакровонг (после 36-дневного правления) был низложен и вскоре казнен. Собрание всех королевских чиновников избрало королем Прасат Тонга, который принял тронное имя Пра Онг Си Таммарача Тират [13].

Приход Прасат Тонга к власти ознаменовался значительными изменениями в «личном составе» сиамского правительства и высшего чиновничества. «В королевстве Сиам, — пишет ван Флит, — произошла великая перемена. Знатные вельможи лишились свободы и богатств, в то время как рабы стали мандаринами и вошли в число могущественнейших при дворе» [14]. Употребил ли ван Флит в данном случае термин «рабы» в прямом или переносном смысле, т. е. желая подчеркнуть «низкое происхождение» новых вельмож, сказать трудно. Ясно, однако, что если в число приближенных Прасат Тонга и входили бывшие рабы (или крепостные), говорить об антифеодальном характере деятельности Прасат Тонга не приходится.

Основной социальной базой Прасат Тонга оставались мелкие феодалы-чиновники (при отсутствии таких жестких границ между сословиями, какие существовали, например, в средневековой Европе, в число чиновников-дворян, конечно, могли проникать отдельные представители крестьянства).

Значительную поддержку оказывала Прасат Тонгу буддийская церковь, заинтересованная, так же как и мелкие феодалы, в установлении сильной централизованной власти (естественно, до тех пор, пока та не посягала на права церковников) и в ограничении крупных светских феодалов. В благодарность за это Прасат Тонг щедро одарял буддийские монастыри землями и золотом [15].

Политику Прасат Тонга на первых порах поддерживало также многочисленное и влиятельное купечество Аютии и других торговых центров, состоявшее по преимуществу из натурализовавшихся в Сиаме индийцев, китайцев, японцев, персов, армян и представителей других национальностей [16].

---

[13] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 136.

[14] Ibid., pp. 124—125.

[15] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 72.

[16] Впоследствии (в особенности при преемнике Прасат Тонга Нарае), когда ясно обозначился курс на монополизацию всех основных отраслей внешней торговли, те из купцов Сиама, которым не удалось так или иначе пристроиться к государственному внешнеторговому аппарату, заняли явно враждебную позицию по отношению к королю.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДИНАСТИИ ПРАСАТ ТОНГОВ

После захвата трона Прасат Тонг должен был преодолеть много новых препятствий. Соседние державы не признавали его законным королем, стремясь под этим предлогом отторгнуть в свою пользу пограничные части Сиама. Особенно воинственно вели себя Лаос и находившееся в тот период в вассальных отношениях с Бирмой королевство Чиенгмай. Отказывались признать Прасат Тонга и малайские княжества на юге Сиама, а Ямада, превративший Лигор фактически в независимое королевство, собирал силы, чтобы идти войной в Аютию и свергнуть «тирана» [17]. Требовалось незаурядное дипломатическое и военное искусство, чтобы удержать в подобных условиях власть в своих руках. Прасат Тонгу, однако, удалось справиться со всеми трудностями.

Стремительным маршем продвинув свои войска на север, он обратил в бегство войска Чиенгмая и Лаоса [18]. Тем временем наиболее опасный враг нового короля Ямада был отравлен одним из агентов Прасат Тонга. Узнав, что в японской слободе Аютии готовится выступление в поддержку О Ина (сына Ямады), ставшего владетелем Лигора, Прасат Тонг воспользовался очередным наводнением [19], чтобы подавить мятеж в зародыше. Он окружил японский квартал своими войсками, поджег дома артиллерийским огнем и безжалостно расстрелял всех японцев, пытавшихся спастись вплавь и на лодках. Потеряв поддержку в Аютии, О Ин не смог удержаться и в Лигоре. Среди японских наемников начались раздоры, и вскоре местное население, возмущенное их притеснениями и поборами, выбило японцев из Лигора. Лигор был вновь присоединен к Сиаму в качестве провинции (около 1633 г.). Затем настала очередь южных княжеств. После двух без-

---

[17] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 139.

[18] Ibid., p. 144.

[19] Аютия расположена на островах, образованных рукавами и протоками Менама, и многократно страдала от наводнений.

успешных походов на Патани Прасат Тонг добился цели дипломатическим путем. Патани, Сингора и Кедах официально признали себя вассалами Сиама (к 1636 г.).

Теперь Прасат Тонг смог всерьез заняться борьбой с крупными феодалами. И эта борьба составляла основу внутренней политики на всем протяжении его царствования.

До Прасат Тонга губернаторы обычно постоянно находились в своих провинциях и занимали свои посты, как правило, пожизненно. При этом губернаторы ближних к столице провинций являлись ко двору для отчета один-два раза в год, а губернаторы дальних провинций — раз в три года [20]. К тому же губернаторские посты фактически передавались по наследству. Вся эта система сплошь и рядом приводила к тому, что губернаторы превращались в самостоятельных князей (особенно на южной границе Сиама).

В первые же годы своего правления Прасат Тонг резко нарушил сложившиеся традиции. Каждые четыре-восемь месяцев он переводил губернаторов (так же как и прочих крупных чиновников) из одной провинции в другую, не давая им нигде укорениться. «Он так часто меняет высших должностных лиц королевства, — писал ван Флит, — что никто из знатных не может с уверенностью сказать, что им принадлежит» [21]. В дальнейшем Прасат Тонг прибегнул к еще более радикальной мере, принудив всех губернаторов постоянно жить в столице (исключение было сделано только для губернаторов стратегически важных провинций — Тенассерим, Лигор, Паталунг и Сингора). Обязанности губернаторов на местах стали выполнять их заместители — «люди низкого ранга» [22], т. е. мелкие феодалы, назначенные на этот пост Прасат Тонгом и всецело зависевшие от него.

Губернаторы и другие крупные чиновники-феодалы, собранные в Аютии, фактически превратились в заложников в руках Прасат Тонга. «Они были полностью лишены своей прежней свободы, — пишет ван Флит. — Этим мандаринам было позволено разговаривать между собой только в приемном зале дворца и притом так, чтобы их

[20] J. van Vliet, *Description...*, pp. 60—61.
[21] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 154.
[22] Ibid.

могли слышать все, даже рабы. Нарушив это правило, они ставили под угрозу свое положение и свою жизнь. Без ведома и согласия короля отец не имел права навещать детей, а дети — отца, даже в случае болезни или смерти. Все вельможи обязаны были под страхом тяжелого наказания трижды в день являться во дворец на перекличку» [23].

Наконец, чтобы избежать опасного сосредоточения власти в руках отдельных министров, Прасат Тонг перевел слоновый корпус — основную ударную силу сиамской армии — из ведомства калахома в гражданскую часть — ведомство чакри [24]. Таким образом военные силы Сиама были разбиты на три части (ополчение, гвардия и слоновый корпус) под командой трех различных начальников, которым было бы трудно между собой договориться.

Подобные административные меры соединялись у Прасат Тонга с прямым террором против верхушки феодального класса. Так, сохранилось свидетельство о массовых репрессиях против крупных феодалов в феврале — апреле 1650 г. [25].

Поводом для репрессий послужила смерть дочери Прасат Тонга. В результате инсценированного «чуда» эта дочь была признана отравленной. Следствие велось очень простым и безупречным с точки зрения тогдашней юридической науки способом. Обвиняемым предлагалось пройти несколько метров босиком по раскаленным докрасна углям. Всякий, кто смог бы выдержать это испытание, не получив ожогов, автоматически считался оправданным, и наоборот. А поскольку доказать свою невиновность таким способом не удавалось никому (многие вообще сгорали на полдороге), люди, которых подвергали такому испытанию, как сообщает очевидец, считали себя заранее приговоренными.

Сам Прасат Тонг, однако, ни в коей мере не доверял «божьему суду». Несмотря на то, что Стрейс и, в ряде мест, ван Флит изображают его крайне суеверным, он мыслил вполне реалистически. Это подтверждается тем, что, когда испытанию огнем были подвергнуты слуги и служанки принцессы (более 300 человек), в сущности единственные, кто имел реальную возможность ее отра-

[23] Ibid., p. 62.
[24] La Loubère, *Description...*, p. 270.
[25] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 80—83.

вить, все они, по указанию Прасат Тонга, были оправданы, хотя, естественно, получили ничуть не меньшие ожоги, чем остальные обвиняемые. Весь процесс был направлен исключительно против крупных феодалов. Стрейс достаточно точно для своего времени сформулировал эту мысль в таких словах: «Считали, что беснующийся адский тиран под предлогом розыска отравителей хотел убрать со своего пути все дворянство, которого он боялся...» [26]. Всего было казнено около 1000 человек. Конечный исход борьбы внутри страны, как отмечает Стрейс, был решен тем, что «наказанию подверглись только благородные и знатные и гибель их удовлетворяла и радовала народ, обремененный ради них налогами и повинностями» [27].

Основной чертой внешней политики Прасат Тонга был отказ от разорительных войн с другими странами, необходимый для успешного развития торговли. Уже в начале своего правления он посылает посольства с предложением мира и дружбы к королям Пегу и Авы, старинным врагам Сиама, в Лаос, Аракан (в Бирме), Аче (в Индонезии), Тямпу и в другие тогдашние государства Юго-Восточной Азии. Начиная с 1635—1636 гг. Прасат Тонг берет явный курс на мирное решение всех конфликтов как с европейскими державами, начавшими проявлять агрессивные намерения в отношении Сиама, так и со своими азиатскими соседями. Он прекращает долголетнюю борьбу за восстановление суверенитета Сиама над Камбоджей (бесплодно уносившую огромные средства и немало жизней), несмотря на то что голландцы подстрекали Прасат Тонга продолжать ее; отказывается от традиционных походов на Бирму и Лаос [28].

Забота о развитии торговли занимала значительное место в политике Прасат Тонга. В первые же годы своего правления он намного уменьшил импортные и экспортные пошлины. Были приняты меры, чтобы оградить купцов от феодального грабежа. Если раньше, замечает ван Флит, пракланг и все сабандары (коменданты портов) получали большие доходы в результате вымогательств у купцов, а зачастую — и прямого грабежа их, то теперь положение изменилось. Выдача разрешений на торговлю была по-

[26] Там же, стр. 82—83.
[27] Там же, стр. 83.
[28] J. van Vliet, *Description...*, pp. 32, 34—35, 44.

ставлена под строгий контроль. К каждому сабандару и к самому праклангу были приставлены специальные чиновники. которые должны были регистрировать все лицензии и следить, чтобы не было злоупотреблений. За вымогательства у купцов на феодалов налагали крупные штрафы, их даже лишали должностей [29].

В интересах развития торговли Прасат Тонг часто обменивался посольствами с различными государствами Индостана и Индонезии. Эти посольства неизменно сопровождала обширная свита из купцов, которые, пользуясь дипломатическим иммунитетом, с большим удобством совершали свои торговые сделки [30]. Тесные торговые и дипломатические отношения, как и прежде, поддерживались с Китаем.

На протяжении ряда лет Прасат Тонг упорно стремился восстановить дипломатические отношения с Японией, разорванные сначала из-за аютийской резни, а затем после временного восстановления их вновь прекратившиеся вследствие закрытия Японии для иностранцев. Всем уцелевшим из проживавших ранее в Сиаме японцам было разрешено вернуться в Сиам и занять прежние посты. В 1635, 1641, 1643, 1656 гг. в Японию направлялись посольства, которые везли, помимо королевских грамот, большие количества товаров для продажи. Но сёгуны наотрез отказывались принять сиамских послов, им лишь разрешали продать часть товаров, чтобы купить провизию на обратную дорогу [31].

Взаимные выгоды японо-сиамской торговли, однако, были настолько велики, что сиамский король стал посылать в Японию суда с китайской командой [32] в сопровождении сиамских чиновников, которые руководили продажей товаров, не сходя на берег, а японские власти «не замечали» этого.

Необходимость торговой борьбы с европейскими купцами, объединенными в компании, и стремление укрепить экономическую базу королевской власти привели к значительному росту в Сиаме государственных торговых монополий. Большинство из этих монополий было впервые

[29] Ibid., pp. 64—65.
[30] Ibid., p. 93.
[31] F. H. Giles, *A critical analysis...*, pp. 304—305.
[32] Китайцам и голландцам на известных условиях было разрешено посещать Японию.

установлено именно при Прасат Тонге. Торговля сапаном, оловом, тиком стала одним из важнейших источников доходов короля.

Установив монополию на важнейшие статьи экспорта, правительство Прасат Тонга, широко используя традиционное «право первой покупки», принадлежавшее королю, все в большей мере захватывало в свои руки также и торговлю импортными товарами. Ведомством пракланга был организован сбыт этих товаров на всей территории страны.

После смерти Прасат Тонга и продолжавшейся около года борьбы за трон, в ходе которой было убито два короля, престол захватил младший сын Прасат Тонга Нарай (1656—1688).

Подобно отцу, Нарай покровительствовал развитию внешней, особенно государственной, торговли. В области внешней политики он, однако, в отличие от Прасат Тонга, стремившегося опереться преимущественно на союз с азиатскими странами (индийскими и индонезийскими государствами), предпочитал в первую очередь использовать одни европейские страны в борьбе с другими [33].

В области внутренней политики Нарай продолжал проводить линию Прасат Тонга. «В начале его правления,— свидетельствует Ташар, — некоторые его гранды восстали, открыто поддержанные тремя королями, государства которых окружали Сиам, но он атаковал их так энергично, что они были вынуждены оставить мятежников его гневу» [34]. Объясняя причины быстрых успехов Нарая, Жервез писал: «Семена гражданской войны, которые ему угрожали, он уничтожил в зародыше, соблазнив города обещанием новых привилегий» [35].

После подавления феодального мятежа Нарай взял еще более решительный курс на «истребление наиболее могущественных губернаторов» [36]. Систему заместителей, или

[33] Эта политика, в принципе оправданная в условиях сложившейся тогда международной обстановки, в конкретном ее применении оказалась неудачной и в конечном счете привела к падению династии Прасат Тонгов и краху Сиама как торгового государства.

[34] G. Tachard, *Voyage...*, p. 315.

[35] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, pp. 252—253. По-видимому, в данном случае речь идет о привилегиях не только для купцов и ремесленников, но и для многочисленных мелких чиновников («служилый люд»), которые, не имея поместий, жили в городах.

[36] La Loubère, *Description...*, p. 251.

«временных губернаторов», созданную Прасат Тонгом, он сохранил. При этом теперь рядом с «временным губернатором», как правило, не стояло никакого постоянного. Основное отличие «временного губернатора» (пурана) от «постоянного губернатора» (чао мыанга) заключалось в том, что пуран не мог быть назначен на срок более трех лет. Кроме того, его жалование (т. е. доля налогов, штрафов, часть имущества осужденных и т. п. в данной провинции) было вдвое меньше, чем у чао мыанга. Такой чиновник, обычно переброшенный из другого района, не мог иметь прочных связей в местной среде и поэтому гораздо больше зависел от правительства.

Не ограничившись этим, Нарай создал специальный институт прокуроров (чакрапатов), которые должны были контролировать деятельность губернаторов на местах. Главный чакрапат находился в столице и следил за деятельностью министров [37]. Наряду с постоянными чакрапатами Нарай часто назначал экстраординарных ревизоров, облеченных чрезвычайными полномочиями, вплоть до права казнить губернаторов на месте [38].

Нарай несколько изменил систему центрального управления. Он еще более сузил компетенцию первого министра (чакри). Если раньше чакри подчинялись губернаторы всех провинций, то теперь за ним были оставлены только провинции крайнего севера и востока Сиама. Приморские провинции от Андаманского моря до г. Петбури, наиболее тесно связанные с торговлей, были переданы в ведение пракланга, а побережье от Петбури до камбоджийской границы — в ведение ойя ванга (министра двора). В последние годы своего правления Нарай практически совсем упразднил должность чакри: в течение ряда лет она оставалась незамещенной, а король взял на себя бóльшую часть функций, которые исполнял чакри [39].

В итоге деятельности Прасат Тонга и Нарая могущество крупных светских феодалов было очень серьезно подорвано.

Взаимоотношения Нарая с другим крупным феодальным владельцем Сиама — буддийской церковью изменя-

[37] Ibid., p. 255.

[38] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 85.

[39] Ibid., pp. 79, 81.

лись с течением времени. В начале правления Нарая монахи оказывали ему значительную поддержку, видя в нем продолжателя дела Прасат Тонга, боровшегося за централизацию страны и ликвидацию крупных светских феодалов, которые соперничали с духовными. Более того, как признают даже католические миссионеры, самим троном Нарай в очень большой мере был обязан именно буддийским монахам [40]. Поэтому в первые годы своего правления Нарай щедро одарял буддийские монастыри землями и крепостными и находился в самом добром согласии с верхушкой буддийского духовенства.

Но довольно скоро между ними наступило охлаждение.

Прежде всего здесь, по-видимому, сыграло роль то обстоятельство, что после уничтожения крупных светских феодалов буддийская церковь оказалась единственной организованной и могущественной силой, противостоявшей королевской власти. Несмотря на внешний отказ от мирской суеты, буддийская церковь всегда принимала активное участие в политической жизни страны, и ее стремление руководить политической деятельностью короля, естественно, должно было встречать с его стороны отпор.

Наряду с этим огромные богатства и земли монастырей, пользовавшихся налоговым иммунитетом, сами по себе не могли не вызывать соблазна у Нарая, постоянно нуждавшегося в деньгах.

Главная же причина конфликта заключалась в следующем.

В период правления Нарая массы задавленного непрерывно растущими налогами крестьянства стали уходить в монастыри, где эксплуатация была относительно меньшей. В специфических условиях Сиама, при изобилии плодородной земли и малой плотности населения, рабочая сила представляла собой очень большое богатство — еще большее, чем рисовые поля. Видимо, Нарай не столько конфисковал земли монахов (в источниках об этом вообще нет сведений), сколько проводил весьма энергичную «чистку» монашеского сословия, т. е. попросту возвращал беглых крестьян и ремесленников, надевших рясу, в их прежнее состояние.

Практически такая «чистка» осуществлялась в форме ежегодных экзаменов, которые монахи должны были сдавать комиссии из специально назначенных правительственных чиновников. Естественно, что простой земледелец или ремесленник, не искушенный в тонкостях буддийской казуистики и не владеющий «священными языками» (пали и санскритом), не мог выдержать подобный экзамен.

Такая политика Нарая наталкивалась на противодействие со стороны церкви. Особенно упорное сопротивление оказали «лесные монахи», которые наотрез отказались сдавать экзамены светским чиновникам [41]. Глава буддийского духовенства — санкрат неоднократно обращался к Нараю с протестом по поводу «суровых наказаний», которым тот подвергает своих подданных. «Они (подданные. — *Э. Б.*) по причине этого ропщут и недовольны королем...» [42].

В результате дальнейшего обострения отношений Нарай запретил являться ко двору всем буддийским монахам, кроме санкрата, который должен был это делать, так сказать, по долгу службы. Чтобы противопоставить буддийскому духовенству свою, всецело зависящую от него религиозную организацию, Нарай стал всячески стимулировать деятельность индуистского духовенства [43], окружил себя брахманами и поощрял исполнение различных индуистских церемоний. Индуизм, однако, не получил сколько-нибудь значительного распространения за пределами узкого круга придворных.

Окончательный разрыв между Нараем и буддийской церковью произошел в начале 80-х годов, когда в связи с курсом на сближение с католической Францией Нарай стал усиленно покровительствовать обосновавшимся в Сиаме французским миссионерам. Хотя христианизация Сиама никогда не входила в планы Нарая и сам он решительно отвергал все французские предложения по этому поводу, в результате французского проникновения в Сиам создалась серьезная угроза для независимости Сиама во-

---

[40] [Beze], *Mémoire...*, p. 35.

[41] La Loubère, *Description...*, p. 346. — Сведения о «лесных монахах» в известных автору источниках очень немногочисленны. Возможно, речь идет о какой-то построенной на демократических принципах секте, стремившейся возродить идеалы раннего буддизма. Но подробное исследование этого вопроса в настоящее время не представляется возможным за отсутствием материала.

[42] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 254.

[43] Сам Нарай, по свидетельству современников, был скорее атеистом ([Beze], *Mémoire...*, p. 39).

обще и для существования буддийского духовенства в частности [44].

3. УСИЛЕНИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

С развитием товарно-денежных отношений в Сиаме усиливалась эксплуатация крестьянства. Особенно возросла она в годы правления Нарая. Подавляющее большинство налогов при нем взималось в денежной форме. Появилось много новых налогов и были значительно увеличены размеры старых. Например, налог с рисовых земель в промежутке между 1638 и 1687 гг. увеличился вдвое (с 0,25 до 0,50 бата с рая), причем если вначале он взимался только с обрабатываемых земель, то потом стал взиматься со всех земель. Теперь сиамский крестьянин только одного земельного налога должен был платить до 12,5 бата в год. Если в первой половине XVII в. от государственной барщины можно было откупиться за 6 бат в год (1 бат за месяц работы), то во второй половине XVII в. эта цифра возросла до 12 бат (по другим сведениям — даже до 15 бат) [45].

Реальные размеры налогов, выколачиваемых из крестьян, однако, были еще больше указанных выше цифр, так как аппетиты чиновников-феодалов, ведавших сбором налогов (с которых они получали известный процент), по мере проникновения в страну европейских товаров и вообще предметов роскоши росли с не меньшей быстротой, чем требования королевской казны. Современники приводят многочисленные свидетельства злоупотреблений при сборе налогов [46].

Государственное строительство, масштабы которого особенно возросли во второй половине XVII в., также осуществлялось силами феодально-зависимого крестьянства. «Нынешний король больше, чем кто-либо из его предшественников, заставляет работать на строительстве дворцов, починке городских стен, воздвигать пагоды, строить дома для иностранцев и суда по европейскому образцу» [47], — писал де Шомон в середине 80-х годов. Многие тысячи крестьян отрывались на строительство военных сооружений.

Все эти повинности ложились тяжелым грузом на сиамское крестьянство. Тот же де Шомон, проезжая по долине нижнего Менама, обратил внимание, что на полях «работают почти только женщины, мужчины чаще всего заняты на службе короля» [48]. Официально установленные сроки государственной барщины растягивались по произволу королевских чиновников [49], так что практически только во время сбора урожая риса крестьяне получали «свободу работать на себя» [50]. Общая сумма феодальных платежей и повинностей сиамского крестьянина во второй половине XVII в. достигла таких размеров, что крестьянское хозяйство оказалось на грани разорения.

Добавочным источником обогащения королевской казны и дополнительной причиной обнищания народных масс служила государственная внутренняя торговля. Организованная с широким размахом при Прасат Тонге, она была значительно расширена при Нарае. Но покупательная способность крестьян и горожан в это время снизилась (из-за роста налогов). В результате товары залеживались. Ла Лубер, говоря о положении в 80-х годах XVII в., писал: «...раньше предшественники его (короля Нарая. — *Э. Б.*) и он сам посылали... хлопчатобумажные

---

[44] Сохранилась интересная легенда, отражающая в художественной форме окончательную победу буддийской церкви в борьбе за свои привилегии с Нараем. Содержание ее таково. В момент государственного переворота в мае 1688 г. Нараю остались верны только несколько ближайших друзей, которые укрылись в его спальне, считавшейся неприкосновенным местом. Чтобы спасти жизнь своим последним приверженцам, Нарай был вынужден обратиться за помощью к духовенству. Непосредственно в спальне Нарая был произведен обряд пострижения его сторонников в монахи, и они, таким образом, получили возможность беспрепятственно выйти из дворца. В благодарность за это «раскаявшийся грешник» Нарай подарил монахам в полную собственность свою летнюю столицу Луво (Лопбури), а новый король Пет Рача подтвердил этот акт дарения [«Lettres du roi du Siam à sa fille la princesse Nibha Nabhatala (1907)», — JSS. vol. VII, pt 3, 1911, p. 12].

[45] J. van Vliet, *Description...*, p. 78; N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 147—148; La Loubère, *Description...*, pp. 282—286.

[46] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 145; La Loubère, *Description...*, p. 285.

[47] Chaumont, *Relation...*, p. 119. — То же почти дословно у F. T. Choisy, *Journal...*, p. 241.

[48] Chaumont, *Relation...*, p. 43.

[49] La Loubère, *Description...*, p. 238.

[50] F. T. Choisy, *Journal...*, p. 238.

ткани в магазины на периферию лишь изредка и в умеренном количестве, после продажи которого частные купцы имели возможность продавать свои ткани [51]. Теперь ткани поступают все время и их больше, чем можно продать» [52].

В условиях феодального Сиама применялись, так сказать, административные методы для налаживания сбыта товаров. Сиамцев попросту заставляли покупать залежавшиеся ткани и одежду. Так, специальные чиновники следили, чтобы родители приобретали для своих малолетних детей одежду значительно раньше установленного обычаями срока [53]. По сути дела, это был еще один, дополнительный, налог.

Непомерная эксплуатация крестьянства неизбежно должна была повлечь за собой обострение классовой борьбы. Раньше всего эта борьба, как и в других феодальных государствах, проявилась в форме массовых побегов крестьян от своих феодальных владельцев в другие районы страны или за границу. Например, еще в 1633 г. пыталась бежать (по-видимому в Лаос) значительная часть населения северной провинции Након-Лампанг, доведенного до отчаяния притеснениями феодалов. «Заговор» был своевременно раскрыт и виновники жестоко наказаны: их затаптывали слонами, топили в реке, четвертовали и казнили другими, не менее мучительными способами [54].

При Нарае побеги стали таким массовым явлением, что власти уже не в состоянии были с ними эффективно бороться. Крестьяне уходили в джунгли, где феодалы не могли их преследовать. Лишенные возможности заниматься своим основным занятием — земледелием, крестьяне зачастую объединялись в вооруженные отряды, подстерегавшие чиновников и купцов на лесных дорогах.

Как указывает Ла Лубер, в сиамских лесах в тот период действовали «разбойники», подобные «разбойникам» Китая, собиравшимся иногда целыми армиями и становившимся хозяевами всей страны [55]. (Здесь явно имелась в виду крестьянская война, незадолго до описываемого времени потрясшая Китай.) Однако основная масса крестьян Сиама тогда еще не доросла до осознания необходимости вооруженной борьбы с феодальным государством. Отдельные разрозненные выступления крестьян довольно быстро подавлялись централизованной государственной машиной. Такая судьба постигла, например, в 60-х годах XVII в. восстание, во главе которого стоял монах (имя его осталось неизвестно) [56].

Мощное антифеодальное восстание произошло в 1678 г. на острове Джанк-Сейлон, когда возмущенные притеснениями губернатора жители острова взяли штурмом дворец и убили губернатора со всеми его приближенными [57]. Однако и это восстание вскоре было подавлено.

Подобные антифеодальные выступления, несомненно, имели место и в других районах страны, но сведения о них очень скудны.

Сложность политического положения в Сиаме в 30—80-х годах XVII в. и особенно в последние годы правления Нарая заключалась прежде всего в том, что антифеодальное движение крестьянства существовало параллельно, а зачастую и переплеталось с борьбой против иностранного (европейского) засилия, в которую были вовлечены не только крестьяне и горожане (купцы и ремесленники), но и значительная часть правящего класса (духовенства и крупных чиновников, боявшихся утратить свои посты и доходы) [58].

---

[51] Частным купцам запрещалось продавать ткани прежде, чем государство не продаст свой запас этих товаров.

[52] La Loubère, *Description...*, p. 286.

[53] Ibid.

[54] J. van Vliet, *Description...*, p. 34.

[55] La Loubère, *Description...*, p. 230.

[56] [J. B. Tavernier], *Les six voyages...*, vol. II, p. 399. — Бывшие монахи вплоть до XIX в. часто выступали во главе крестьянских восстаний, которые, как и во всех других феодальных государствах, обычно носили здесь религиозную окраску.

[57] T Bowrey, *A geographical account...*, p. 257.

[58] Когда стала вполне реальной угроза подчинения Сиама Францией, патриотическое движение захватило почти весь народ, в результате чего создалась иллюзия некоего внеклассового единства сиамцев. Однако тотчас после изгнания французских войск классовые противоречия вновь выступили наружу и при этом в еще более острой форме, чем прежде. Одной из первых задач, которая встала перед новым правительством Пет Рачи в 1688—1690 гг., было подавление ряда мощных крестьянских восстаний.

ГЛАВА III

ОТНОШЕНИЯ СИАМА С ИСПАНИЕЙ И ПОРТУГАЛИЕЙ В 30—80-х годах XVII в.

1. ИСПАНО-ПОРТУГАЛЬСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ СИАМА

Первыми на путь открытой агрессии против Сиама вступили Испания и Португалия [1].

Дипломатические демарши и попытки запугать сиамцев Испания предпринимала уже в первое десятилетие XVII в. В 1616 г. глава английской фактории в Сиаме сообщал своему начальству как достоверное слух о готовившемся нападении на Сиам испанцев [2]. Но при жизни королей Экатотсората и Сонгтама, прочно державших власть, испанцы и португальцы не решались осуществить свою угрозу. Только весной 1628 г., когда после смерти Сонгтама на престол взошел король-ребенок Четтатират, а господствующий класс Сиама разбился на враждующие группы, испанское правительство сочло момент подходящим для агрессии.

Предлогом для объявления войны послужил происшедший за четыре года до того инцидент с голландской яхтой «Зеландия». В 1624 г. испанская эскадра под командой Фернандо де Сильвы захватила это судно в сиамских территориальных водах (в низовьях Менама). Сиамское правительство не осталось безучастным к такому вопиющему нарушению международного права. Отряд сиамских войск отбил у испанцев «Зеландию», и она вместе с грузом была возвращена голландцам [3]. Тогда испанцы промолчали, теперь же решили направить против Сиама (со своей базы на Филиппинах) несколько военных судов под командой дона Хуана д'Алькрассы. Внезапно появившись в устье Менама, эскадра д'Алькрассы вероломно захватила сиамскую джонку, шедшую с грузом из Кантона (Гуанчжоу). После того как товары были перегружены на испанские корабли, джонку сожгли вместе со всем экипажем. Такая же судьба постигла сиамское торговое судно, возвращавшееся из Нагасак [4].

Португальцы первое время, официально не порывая с Сиамом, продолжали извлекать выгоды из торговли с ним, одновременно выполняя шпионские функции для своих испанских союзников. Но уже к концу 1629 г., когда к власти в Сиаме пришел Прасат Тонг и положение в стране стабилизировалось, португальцам стало ясно, что справиться с Сиамом силами одних испанцев не удастся.

Столкновения между сиамцами и португальцами начались в 1630 г. В ответ на враждебные действия Португалии король Прасат Тонг отдал приказ арестовать ее подданных, находившихся в сиамской столице, и захватывать португальские суда. Одновременно он обратился за помощью к голландцам. Голландская Ост-Индская компания, крайне заинтересованная в поражении старого соперника, охотно предоставила Сиаму военную помощь. В 1632 г. голландский генерал-губернатор на Яве Якоб Спекс направил в поддержку сиамскому флоту эскадру из пяти крупных военных судов под командой Антонио Кана [5].

Португальцы явно теряли перевес в морской войне с Сиамом и его союзниками и решили начать переговоры о мире. В июле 1633 г. в Аютию из Малакки прибыло посольство во главе с капитаном Себастьяном Монтос д'Авиллой [6]. Посольство встретило сдержанный прием, однако сиамский король по просьбе д'Авиллы освободил из-под стражи португальцев, арестованных в Аютии и захваченных в море.

В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что сиамское правительство не собирается удовлетворить все претензии португальцев (в частности, они требовали изгнать голландцев). Тогда д'Авилла, не дожидаясь окончания переговоров, бежал вместе с условно освобожденными португальцами.

---

[1] В 1580—1640 гг. Испания и Португалия находились в личной унии. Поэтому их внешняя политика на Востоке в тот период совпадала, хотя Португалия продолжала самостоятельно управлять своими колониями

[2] «Records...», vol. I, p. 63.

[3] Ibid., p. 174.

[4] J. van Vliet, *Description...*, pp. 52—53.

[5] Ibid., p. 38; «Records...», vol. I, 178.

[6] J. van Vliet, *Description...*, p. 53.

Произошло это в одну из сентябрьских ночей 1633 г., а через некоторое время испанцы и португальцы, воспользовавшись тем, что эскадра Кана возвратилась в Батавию, возобновили военные действия против Сиама. Два португальских фрегата блокировали вход в реку Тенассерим, тогда как другие корабли охотились на сиамские суда, шедшие в Китай, и совершали набеги на побережье.

Одновременно испанцы и португальцы поддерживали и раздували феодальные мятежи против сиамского короля, использовали в своих целях противоречия между Сиамом и государствами Малаккского полуострова. Так, в 1634 г. португальцы, заключив союз с султанами Джохора и Паханга, смогли совместно с ними направить на помощь восставшему против Сиама Патани объединенный флот — более 100 судов с 5 тыс. солдат, которым удалось снять сиамскую осаду [7]. Камбоджа, находившаяся с 1622 г. в состоянии войны с Сиамом и вступившая в 1629 г. в открытый союз с испанцами, начала с помощью испанских корабельных мастеров сооружать военный флот [8]. Однако союз испанцев и португальцев с местными правителями не мог быть прочным и вскоре распался. В дальнейшем ни малайские государства, ни Камбоджа уже не принимали никакого участия в испано-сиамской войне.

Вероломный поступок д'Авиллы и последовавшие за этим события вызвали взрыв возмущения в Сиаме [9]. Несмотря на то что на этот раз голландцы не оказали Сиаму реальной военной помощи, сиамцам удалось одержать ряд побед. Для ликвидации блокады Мергуи было послано большое войско, которым командовали восемь японских наемников. Чтобы создать у португальцев впечатление, что Сиам выступает в союзе с Японией, всех солдат переодели в японское платье. Однако решающим фактором, определившим победу сиамцев, явилось, по-видимому, не это обстоятельство, а то, что им удалось, несмотря на исключительные трудности продвижения по горным и лесным дорогам, быстро доставить в Мергуи на слонах несколько десятков пушек. Энергичный огонь сиамских батарей принудил португальские корабли покинуть гавань [10].

[7] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel II, p. 263.
[8] J. Bowring, *The kingdom...*, vol. II, p. 114.
[9] J. van Vliet, *Description...*, p. 53.
[10] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 87.

После снятия блокады Мергуи война приняла характер взаимного захвата кораблей. В 1634—1635 гг. сиамцам удалось завладеть несколькими испано-португальскими торговыми и военными судами. В числе их был захваченный близ Лигора испанский корабль, на котором находились высокопоставленные испанцы (в том числе заместитель коменданта Тайваня — дон Луис де Гусман [11]).

Добившись этих успехов, Прасат Тонг не счел нужным продолжать войну, мешавшую развитию сиамской внешней торговли. В 1636 г. он без всяких условий освободил всех пленных испанцев и португальцев. Луису де Гусману при этом было вручено письмо для передачи испанским властям на Филиппинах, содержавшее мирные предложения. Аналогичное письмо Сиам направил малаккским властям и португальскому вице-королю в Гоа [12].

Официальный мирный договор был подписан в 1639 г. (при активном посредничестве китайского посла в португальской колонии Макао) [13]. К тому времени испанцам и португальцам, истощенным борьбой с Голландией и Англией, стало уже не под силу продолжать и сиамскую войну. В ближайшие годы положение испано-португальцев в Юго-Восточной Азии еще более ухудшилось. В 1641 г. пал главный оплот португальцев в этом районе — Малакка. С той поры роль португальских купцов на сиамском рынке быстро сходила на нет [14]. Испания после разрыва унии с Португалией (1640) потеряла всякий интерес к сиамской торговле.

Таким образом, к 40-м годам Сиам успешно отразил первую агрессию против него европейских держав.

Правда, враждебные действия португальцев против Сиама не прекратились полностью. Уже в 1642 г. португальцы попытались захватить остров Джанк-Сейлон и даже официально объявили его своим владением [15]. Но эта авантюра кончилась полным провалом. Эпизодические нападения португальских кораблей на сиамские торговые

[11] J. van Vliet, *Description...*, p. 54.
[12] Ibid.
[13] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 150.
[14] С 40-х годов численность португальской общины в Сиаме резко возрастает за счет эмигрантов из Малакки и других мест, но эти беженцы в основном становились военными наемниками на службе Сиама.
[15] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 81.

суда имели место и в 60—70-х годах XVII в. [16]. В целом же начиная с 40-х годов Португалия уже не могла рассчитывать поставить Сиам под свой контроль силою, хотя и не теряла надежды завоевать господствующие позиции в этой стране другим, уже испытанным путем — обращением населения страны в христианство, подчинением его католической церкви, верной союзнице испанских и португальских королей.

2. ПОРТУГАЛЬСКИЕ МИССИОНЕРЫ В СИАМЕ

В XVI — первой половине XVII в. миссионерская деятельность в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке была полностью монополизирована Испанией и Португалией. Миссионеры, действовавшие в Индии и к востоку от нее, так же как и все христиане-католики в тех районах, были подчинены духовной юрисдикции португальского архиепископа в Гоа. Притязание Португалии на главенство в вопросах религии на Востоке энергично поддерживалось папой и орденом иезуитов, поставлявшим туда основную массу миссионеров — как правило, португальцев и испанцев.

Сиам, где господствовала религиозная и национальная терпимость, где скрещивались все основные пути Южной и Восточной Азии и можно было встретить представителей всех восточных народов, казался миссионерам особенно удобной базой для проповеди христианства.

Действительно, в XVII в. в Сиаме образовалась относительно многочисленная и многонациональная христианская община. Значительную часть этой общины составляли португальцы и их потомки от браков с местным населением. Некоторые португальцы обосновались в Сиаме еще в XVI в., но большинство переселилось сюда после захвата голландцами Малакки и других колоний Португалии. Среди тайского населения христиан было мало. Однако в Сиаме проживало значительное число японских и вьетнамских и — меньше — китайских и бирманских христиан-эмигрантов. Все они были вынуждены покинуть свои страны, разумеется, не столько из-за религиозных, сколько из-за социальных и политических разногласий. В одной лишь столице Сиама — Аютии к 60-м годам XVII в. насчитывалось свыше 2000 христиан-прихожан и 11 священников (10 португальцев и один испанец) [17].

[16] «Dagh-Register..., 1670—1671», p. 494; «Records...», vol. II, p. 40.

Католики, проживавшие в Сиаме, были весьма активны и, конечно, могли представлять серьезную опасность как внутренняя подрывная сила в случае новой испано-португальской агрессии. Однако самостоятельного значения в этом смысле община не имела. Попытка же христианизировать коренное население Сиама полностью провалилась.

К тому же с 60-х годов XVII в. португальские миссионеры тратили свою энергию не столько на обращение сиамцев в католичество, сколько на борьбу за церковную юрисдикцию с появившимися в это время в Сиаме французскими миссионерами.

Притязание португальского духовенства на церковную власть над христианами Востока основывалось на папской булле 1496 г., делившей весь нехристианский мир между Португалией и Испанией. Ко второй половине XVII в., вместе с утратой монополии на торговлю с Востоком, Португалия потеряла и церковную монополию. Среди католических стран на первое место стала выдвигаться Франция. Папам приходилось все больше считаться с требованиями французских королей. Пользуясь этим, французское духовенство начало создавать независимые от Португалии французские миссии в странах Востока.

Португалия очень ревниво отнеслась к вторжению французов в область, которую она издавна считала только своей. Борьба за церковную власть на Востоке приняла острые формы.

Уже в июне 1661 г. португальское правительство издало приказ об аресте французских епископов, посланных на Восток. Но приказ запоздал. Епископы успели миновать португальские владения в Индии. 28 апреля 1662 г. епископ Ламбер де Ла Мотт прибыл в сиамский порт Мергуи [18].

В декабре же 1662 г., когда приказ об аресте епископов достиг, наконец, Аютии, португальское духовенство, не смущаясь тем, что они находятся на сиамской территории, решило привести этот приказ в исполнение. Ламберу

[17] E. W. Hutchinson, *The French foreign mission...*, p. 10.
[18] E. W. Hutchinson, *Journey...*, p. 215.

де Ла Мотту пришлось спешно бежать в голландский квартал Аютии и искать там убежища у еретиков-протестантов [19].

В 1669 г. папа издал декрет, ограничивавший церковную власть архиепископа Гоа только теми территориями, которыми управляли португальцы. Церковная юрисдикция над христианами всех остальных стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, кроме Филиппин, где господствовали испанцы, переходила к французским апостолическим викариям, и последние стали выполнять в нехристианских странах все функции епископов. Несмотря на ожесточенное сопротивление португальской церкви, в 1672 г. архиепископ Гоа был вынужден подчиниться этому решению [20].

Впоследствии (1680) папа приказал, чтобы все священники, находившиеся во владениях французских апостолических викариев, приносили им присягу. После того как папская булла 1680 года была доставлена в Сиам (1682), вражда вспыхнула с новой силой.

Французские епископы стали требовать от португальских священников (доминиканцев, иезуитов и якобинцев) присяги, угрожая последним в случае непослушания отлучением от церкви. Архиепископ Гоа, скрепя сердце разрешив приносить такую присягу португальским миссионерам в Камбодже и Вьетнаме, запретил делать это, также под страхом отлучения, их собратьям в Сиаме. Мотивируя свой запрет, он ссылался на то, что сиамские короли еще в XVI в. предоставили португальцам для жительства участок земли в предместье Аютии. Здесь впоследствии выросла целая португальская слобода, пользовавшаяся внутренним самоуправлением, так же как и все другие слободы иностранцев, расположенные вокруг Аютии. На этом основании архиепископ объявил португальскую слободу частью португальского королевства и, следовательно, районом, подчиненным португальской духовной власти [21]. Церковный скандал принял огромные размеры. Ни та, ни другая сторона не желала идти на уступки. Однако французы опирались на авторитет папы, подкрепленный военным могуществом Франции, и исход борьбы можно было предугадать.

[19] Ibid., p. 216.
[20] [Beze], *Mémoire...*, p. 53.
[21] Ibid.

В этой обстановке Португалия решилась на дипломатический демарш, по-видимому, не имевший прецедентов в мировой истории. В 1683 г. к сиамскому двору явился португальский посол с официальной жалобой на «тиранию французских епископов» по отношению к португальским христианам. Функции министра иностранных дел в Сиаме в это время исполнял могущественный временщик короля Нарая грек-христианин Фалькон. Он понимал, что западные державы понесут большой моральный ущерб, если внутрицерковные распри христиан будут представлены на суд буддийского короля, и пытался потушить скандал. Но его попытки примирить враждующих церковников оказались безнадежными.

Французские епископы публично объявили португальского посла самозванцем, прибывшим якобы не от короля Португалии, а из Макао [22]. В ответ на это португальский посол, добившись аудиенции у короля Нарая, потребовал их высылки из Сиама на том основании, что они своими отлучениями препятствуют свободному отправлению религии, гарантированному португальцам королем Сиама.

Вероятно, немало изумленный подобным требованием, Нарай все же пообещал защитить португальцев и подействовать на епископов, чтобы они были более терпимы к португальским священникам. Однако такое «половинчатое» решение не удовлетворило ни португальских, ни французских церковников. Внутрицерковная склока продолжалась, обнажая неприглядные стороны христианского миссионерства и отталкивая многих новообращенных. Закрепиться в Сиаме португальцам так и не удалось.

[22] Ibid., p. 56.

ГЛАВА IV

АГРЕССИЯ ГОЛЛАНДИИ ПРОТИВ СИАМА

1. РАСЦВЕТ ГОЛЛАНДСКОЙ ТОРГОВЛИ В СИАМЕ

Победа в войне 1628—1639 гг. с Испанией и Португалией обошлась Сиаму недешево. Сиамский король вынужден был призвать на помощь голландцев. Помощь была оказана, но, конечно, не задаром. Голландцы использовали ситуацию для того, чтобы вырвать у Сиама новые льготы и привилегии, расправиться со своими торговыми соперниками на сиамском рынке, укрепиться в этой стране.

Эволюцию сиамо-голландских отношений с конца 20-х до 40-х годов XVII в. можно наглядно проследить по изменению тона дипломатической переписки этого времени между голландцами и сиамскими королями.

В письме голландского штатгальтера Фредерика Оранского к королю Сонгтаму, написанном в начале 1627 г., явственно ощущается заискивание. Сиамский король титулуется «знаменитейшим, высочайшим и могущественнейшим». Получение письма от Сонгтама расценивается как великая честь, которую тот «соблаговолил оказать покойному принцу Морицу Оранскому». Возвращение захваченной испанцами небольшой яхты «Зеландия» превозносится как величайшее благодеяние. Голландский штатгальтер обращается к Сонгтаму с униженной просьбой «соблаговолить, как и прежде, оказывать свои королевские милости голландской нации» [1].

Значительно суше тон письма Фредерика Оранского королю Прасат Тонгу, написанного восемь лет спустя (около 1635 г.). В этом письме сиамский король уже всего лишь «могущественный». Отношение Прасат Тонга к голландскому штатгальтеру характеризуется не как «благоволение», а как «любовь и привязанность», и сам Прасат Тонг не «покровитель», а только друг голландцев [2]. Одним словом, здесь голландский штатгальтер уже обращается к сиамскому королю, как равный к равному.

С 40-х годов переписка между штатгальтерами и сиамскими королями вообще прекращается. С письмами непосредственно к королю (а не к праклангу) теперь обращаются голландские генерал-губернаторы, и сиамские короли в нарушение всех правил феодального этикета вынуждены им отвечать.

Резкое изменение дипломатического тона за сравнительно короткий срок объясняется как изменением международного положения, так и рядом событий во внутренней истории Сиама, в которых не последнюю роль играли голландцы.

Тон первого письма характерен для периода, когда исход тяжелой и затяжной борьбы Голландии с Испанией и Португалией за восточные рынки был еще не ясен, когда позиции голландской Ост-Индской компании не только в Сиаме, но и на Яве были еще довольно непрочны, когда даже сама возможность удержать Батавию в руках компании зависела зачастую исключительно от подвоза сиамского риса [3].

Тон второго письма отражает военные и дипломатические успехи Голландии на Востоке в середине 30-х годов. Сусухунан (император) государства Матарам (на Яве) Агунг после неудачной осады Батавии вынужден был с большими потерями отойти и отказаться от мысли овладеть городом. Инициатива в войне между голландцами и португальцами явно переходила в руки голландцев. С 1633 г. они прочно обложили Малакку, и все попытки португальцев снять осаду оставались безуспешными. Значительно возросло влияние Голландии на небольшие государства Малаккского полуострова, часть которых выступала в союзе с ней против португальцев. И, наконец, сильно увеличился удельный вес голландской компании в сиамской торговле.

Упрочению позиций Голландии в Сиаме в большой степени благоприятствовала обстановка, сложившаяся в Сиаме в конце 20-х — начале 30-х годов. Пришедший

[1] «Records...», vol. I, pp. 148—149.

[2] Ibid., vol. I, pp. 182—183.

[3] Ibid., vol. I, p. 170; vol. II, p. 4.

в 1629 г. к власти Прасат Тонг сразу же оказался в исключительно трудном положении. Правители всех соседних государств отказались признать нового сиамского короля, открыто называя его «узурпатором и цареубийцей» [4]. Наряду с ведением войны против Испании и Португалии он должен был бороться с многочисленными феодальными мятежами, которые часто смыкались с внешней агрессией. Мятежи в северных провинциях опирались на поддержку Бирмы и Чиенгмая, на юге — испанцев и португальцев. На востоке Камбоджа, недавний вассал Сиама, занимала по отношению к нему явно враждебную позицию.

Особенно затяжной и упорный характер приняло восстание, вспыхнувшее в 1630 г. на юге — в княжестве Патани [5]. Восставшие не только стали перехватывать сиамские суда, идущие в Индонезию, но, собрав большое войско, двинулись на север и захватили значительную часть провинций Паталунг и Лигор. Мятеж грозил перекинуться в центральные районы Сиама. Одновременно поднялись Кедах, Сингора и Након-Лампанг [6]. Наконец, начались сильные трения между королем и могущественной японской наемной гвардией, которая ранее способствовала его продвижению к власти [7].

В такой обстановке внешней изоляции и внутренней неустойчивости Прасат Тонг готов был заплатить любую цену, лишь бы заполучить мощного союзника. Пристально следившие за развитием событий в Сиаме голландцы учли это. Голландия была первой из иностранных держав, признавших власть Прасат Тонга. Голландский посол Йост Схоутен (он же глава аютийской фактории) предложил Прасат Тонгу военную помощь не только против Испании и Португалии, но и против восставших вассалов — Камбоджи и Патани.

В награду за помощь Схоутен потребовал предоставления Голландии монополии на важнейшие предметы сиамского экспорта — оленьи и буйволовые шкуры и сапановое дерево, а также обширного участка земли для фактории. Земельный участок был отведен компании немедленно [8].

[4] Ibid., vol. II, p. 4.
[5] J. van Vliet, *Description...*, p. 37.
[6] Ibid.
[7] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 139.
[8] W. Blankwaardt, *Notes...*, p. 249.

Что же касается монополии, то Прасат Тонг обещал предоставить ее на следующий день после совместной победы над Патани.

В соответствии с договоренностью было решено весной 1634 г. нанести по Патани одновременный удар сиамских войск с суши и голландского флота с моря. Голландцы обещали выделить для этой операции шесть военных кораблей. Однако посылка их настолько затянулась, что они подошли к столице Патани только тогда, когда сиамская армия уже отступила, понеся большой урон [9]. Несмотря на сильное разочарование, Прасат Тонг щедро вознаградил голландцев — уменьшил вдвое взимавшиеся с них пошлины [10].

Голландская компания еще более укрепила свое положение в Сиаме после того, как Прасат Тонг изгнал из страны японцев. Японские торговцы были наиболее серьезными конкурентами голландцев на сиамском рынке. Не исключено, что в самом изгнании японцев активную роль сыграли голландские «советники» Прасат Тонга. Во всяком случае, тотчас же по получении известия о том, что «японцы изгнаны из Сиама и вряд ли вернутся», голландский генерал-губернатор на Яве Хендрик Броуер приказал расширить аютийскую факторию компании и построить для ее нужд «великолепное каменное здание», о котором с большой гордостью пишет ван Флит [11]. Теперь голландцы в сущности стали единственным связующим звеном между Сиамом и Японией.

Несмотря на то что Прасат Тонг вскоре вновь открыл свою страну для японцев и неоднократно пытался возобновить дипломатические отношения с японским сёгуном, прямая связь между Сиамом и Японией фактически прекратилась. Этому способствовало, в частности, закрытие Японии в конце 30-х годов для всех иностранцев, кроме китайцев и голландцев. Вся сиамо-японская торговля, которая до того находилась в руках сиамских и японских купцов, была теперь монополизирована голландцами, получившими, таким образом, возможность диктовать свои

[9] J. van Vliet, *Description...*, p. 39.
[10] «Records...», vol. II, p. 5. — До этого голландцы уплачивали за право торговли ежегодно около 5 тыс. гульденов (P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel II, p. 264).
[11] J. van Vliet, *Description...*, pp. 55—56.

цены на рынке [12]. С этого времени и вплоть до начала 60-х годов Голландия оставалась единственной крупной торговой державой на сиамском рынке. Она продолжала занимать здесь господствующее положение и в 60—80-х годах, несмотря на конкуренцию со стороны Англии и Франции.

Стоимостное выражение голландского экспорта из Сиама и импорта в эту страну в начале 30-х годов (ежегодно), по-видимому, можно определить приблизительно в 250 тыс. гульденов (так как общая сумма двухпроцентной пошлины, которую платили в то время голландцы, равнялась в среднем за год 5 тыс. гульденов [13]). В последующие десятилетия объем голландской торговли с Сиамом непрерывно увеличивался. В начале 60-х годов голландцы ежегодно посылали в Сиам более 20 крупных торговых судов [14]. К 1675 г., даже по неполным данным, только стоимость голландского импорта из Батавии в Аютию и экспорта из Аютии в Батавию превышала 550 тыс. гульденов. При этом стоимость ввоза в Аютию неизменно была выше (в 1,5—2 раза) стоимости вывоза оттуда в Батавию [15]. Это объяснялось, по-видимому, не столько большим товарным объемом голландского импорта по сравнению с экспортом, сколько голландской политикой сбивания цен на сиамские товары и взвинчивания цен на свои. Возможности для проведения такой политики обеспечивались господством голландского флота в Южных морях.

В голландском ввозе в Сиам первое место занимали ткани и изделия из них. Голландцы импортировали в эту страну ткани и готовую одежду собственного производства, индийские хлопчатобумажные ткани (последних было больше всего) и, в меньшем количестве, японские и китайские шелковые ткани и одежду.

Из товаров собственного производства Голландия ввозила в Сиам также гвозди, инструменты, корабельное

[12] В 30—40-х годах средняя прибыль, которую извлекали голландцы из сиамской торговли, была не менее, а, возможно, и более 100% (цифра 60-х годов, когда эта прибыль относительно уменьшилась в результате конкуренции других европейских держав. См. «Records...», vol. II, p. 29).

[13] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel II, p. 264.

[14] «Records...», vol. II, p. 44.

[15] См. «Dagh-Register... 1675», pp. 53, 121—122.

оборудование, металлы в слитках (железо, медь) и, изредка, военные материалы (порох, пули). Являясь фактически монопольным поставщиком этих товаров, голландская Ост-Индская компания получала от их продажи огромные прибыли и очень ревниво следила за тем, чтобы Сиам не смог ликвидировать ее монополию, наладив производство этих товаров у себя. Характерно, что упорные, повторявшиеся из десятилетия в десятилетие просьбы сиамских королей прислать им литейщиков, корабельных плотников, строителей, пороховых дел мастеров и прочих специалистов для обучения сиамцев неизменно, под разными предлогами, отклонялись голландской компанией, несмотря на то что король Нарай предлагал назначить им любое жалование, какое попросит компания [16].

Огромные доходы голландцы получали также от импорта в Сиам гвоздики, корицы, кардамона, мускатного ореха и других пряностей, не производившихся в Сиаме. После захвата Молуккских островов голландская компания стала монопольным владельцем этих товаров. Ввоз одной только гвоздики в Сиам в отдельные годы превышал 3,5 тыс. голландских фунтов [17].

Меньшее значение имел для голландской Ост-Индской компании экспорт различных бытовых предметов. Здесь, по-видимому, можно выделить только один товар массового потребления — небольшие складные зеркала [18]. Почти все остальные товары бытового назначения либо относились к числу предметов роскоши, либо просто ввозились в очень незначительных количествах (например, письменные принадлежности, очки, подзорные трубы).

Для удовлетворения потребностей королевского двора и сиамской знати голландцы ввозили в Сиам в сравнительно небольших количествах и такие товары, как пшеница, льняное и оливковое масло, вино, уксус, пиво и другие экзотические с точки зрения сиамцев виды продовольствия, а также медикаменты.

Довольно большую роль в голландском импорте играл ввоз наркотических средств, в частности опиума. Голландцы ввозили в Сиам ежегодно до 1,5 тыс. голландских фунтов этого опасного наркотика и, несомненно, в зна-

[16] «Dagh-Register... 1670—1671», p. 494.

[17] Голландский фунт — около 500 г.

[18] J. van Vliet, *Description...*, p. 90.

чительной степени способствовали распространению там курения опиума.

Товары, вывозившиеся голландскими купцами из Сиама, можно разделить на три группы: 1) товары, экспортировавшиеся в Голландию; 2) товары для потребления в голландских колониях на территории Индонезии и Малайи и 3) товары, шедшие в другие страны Азии.

В Голландию вывозились из Сиама в сравнительно небольших количествах кожи и олово, и эта часть голландского вывоза из Сиама имела для Голландии наименьшее значение.

К числу товаров второй категории относились рис, кокосовое масло, мед и высококачественный корабельный лес, вывозившиеся крупными партиями в Малакку и Батавию. Экспорт этих товаров из Сиама играл для Голландии особенно большую роль в первой половине XVII в., когда положение голландцев на Яве еще не было достаточно прочным. Но и в 50—70-х годах, в особенности в неурожайные годы, голландские купцы продолжали вывозить из Сиама в свои колонии значительные количества продовольствия.

Наиболее важную роль в голландском вывозе из Сиама играл экспорт товаров третьей категории. Сиамские кожи голландцы сбывали главным образом в Японию, тогда как основную массу олова, слоновой кости, слонов, ароматичные смолы и благовония они вывозили в Индию и страны Ближнего Востока. Именно эта часть экспорта из Сиама давала голландским торговцам бóльшую часть их прибылей. Особенно доходной была торговля шкурами оленей и диких буйволов, в то время в изобилии водившихся в лесах и речных долинах Сиама. Для скупки шкур голландцы создали в ряде районов страны сеть агентов из числа местных купцов, которым давали авансом ткани и другие товары. Агенты расплачивались этими товарами с местными охотниками, поставлявшими шкуры.

Около 1650 г. из Сиама в Японию ежегодно вывозилось более 300 тыс. оленьих и буйволовых шкур, причем львиная доля этого экспорта принадлежала Голландии [19]. В результате хищнической охоты, стимулировавшейся непрерывно возраставшим спросом голландцев, число оленей в лесах Сиама и Камбоджи к концу XVII в. резко

[19] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 67.

уменьшилось. Голландцы тем не менее успели нажить на этой торговле огромные барыши. Их прибыль от продажи шкур в Японии в отдельные годы превышала 200% [20] и редко была ниже 100%; прибыль в 55% считалась катастрофически низкой [21]. Немалые доходы давал также экспорт в Японию и Китай ценного сапанового дерева, амарака (краска, из которой в Японии изготовляли сургуч) и даже шкурок ската, вывозившихся из Сиама сотнями тысяч [22].

Одновременно голландцы усилили борьбу за монополию в посреднической торговле между Сиамом и Индией.

Если в первые десятилетия XVII в. они доставляли индийские ткани в Сиам морским путем вокруг Малаккского полуострова, то теперь голландские купцы появились и в Тенассериме (с 1634 г.) [23]. Они вступали в ожесточенную конкуренцию с издавна обосновавшимися здесь индийскими, персидскими и арабскими купцами, выступавшими посредниками в торговле между Сиамом и Индией.

Однако вытеснить из Тенассерима мусульманских купцов голландцам не удалось. Как замечает Д. Холл, «повсюду, где велась относительно честная конкуренция, азиат — араб, перс, индиец или китаец — всегда мог сохранить свои позиции. Только там, где голландцы прибегали к силе, как это имело место на островах Пряностей, они могли получить преимущество перед азиатским торговцем» [24].

Открыто прибегнуть к силе, т. е. захватить Мергуи и тем самым полностью овладеть тенассеримским торговым путем, у них еще не было возможности. С захватом же в 1641 г. Малакки, благодаря чему голландцы получили господство над проливом, вообще отпала надобность в этом. Так что в дальнейшем они стремились не столько к тому, чтобы захватить тенассеримский путь в свои руки, сколько к решению более широкой задачи — вообще закрыть его и направить весь поток товаров из стран

[20] «Dagh-Register... 1643—1644», p. 134.
[21] «Dagh-Register... 1661», p. 73.
[22] Ян Я. Стрейс, *Три путешествия*, стр. 67, 87 (цены на отдельные шкурки скатов доходили до 50—100 дукатов).
[23] Д. Холл, *История Юго-Восточной Азии*, стр. 215.
[24] Там же. — Острова Пряностей — Молуккские острова.

Ближнего Востока, Персии, Индии в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток через индонезийские проливы. Окончательно удалось им это в конце XVII в., но существенный ущерб тенассеримской торговле они стали наносить уже в середине столетия.

2. ПЕРВЫЕ СИАМО-ГОЛЛАНДСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Стремление Голландии к господству на сиамском рынке, естественно, не могло не вызывать противодействия со стороны сиамцев. Быстрое расширение в Сиаме областей, охваченных государственной торговой монополией, начинающееся как раз в середине 30-х годов, нельзя расценить иначе, как реакцию сиамского правительства на торговую политику голландцев. Вместо отдельных купцов голландской компании теперь все чаще приходилось сталкиваться на сиамском рынке непосредственно с государством, скупавшим товары у производителей. Монопольному покупателю, таким образом, был противопоставлен монопольный продавец.

Наряду с этим сиамское правительство начало проводить политику установления тесных торговых связей с правительствами других стран Востока и поощрения купцов этих стран. Основное внимание сиамского правительства было обращено на Индию. Здесь Прасат Тонгу удалось установить особенно тесные контакты с правителями государств, расположенных на Коромандельском побережье, и с навабом Бенгала. «Они ежегодно обмениваются посольствами, снабженными дружественными письмами и небольшими подарками, — писал в 1638 г. новый глава аютийской фактории Голландии ван Флит, — единственная цель таких посольств — это способствовать развитию торговли, ибо мусульманские и языческие купцы часто пользуются помощью этих посольств, чтобы платить меньше пошлин и получать бóльшую свободу торговли, а сиамские подданные (в индийских государствах.—*Э. Б.*) добиваются подобных же привилегий. Таким образом, эта дружба поддерживается не из политических соображений, а ради получения торговых прибылей» [25].

[25] Любопытно, что эти чисто торговые отношения сочетались с тщательным соблюдением традиционных феодальных церемоний.

Подобная активность сиамского правительства, конечно, не могла понравиться голландцам. Поэтому во второй половине 30-х годов отношения между Сиамом и голландской Ост-Индской компанией начали ухудшаться. Если Йост Схоутен в своей работе, написанной в 1632 г., восторгается Прасат Тонгом, как светлой и благородной личностью, мудрым правителем, то всего шесть лет спустя у ван Флита Прасат Тонг представлен как свирепый, кровожадный тупой тиран, разоривший страну и строивший козни против невинных голландцев. Чиновники Прасат Тонга, ведавшие торговлей, характеризуются как «завистливые мерзавцы, алчно взирающие на доходы Компании от торговли с Японией и Тайванем» [26].

Ухудшению сиамо-голландских отношений способствовало также изменение внешней политики Сиама во второй половине 30-х годов. Начиная с 1636 г. сиамское правительство явно повело курс на ликвидацию военных конфликтов и установление мира со всеми соседями.

В марте 1638 г. произошло примирение с Патани. Инициатива исходила от сиамского короля, который, по мнению ван Флита, принял это решение под влиянием буддийского духовенства [27]. Активную посредническую роль в переговорах между Сиамом и Патани сыграл правитель Кедаха, отражавший в данном случае, по-видимому, интересы всех купцов Малаккского полуострова, больше всего страдавших от военных действий в этом районе. В итоге переговоров Патани вновь признало верховенство сиамского короля и поднесло ему традиционный символ вассальной верности — букет цветов из золота. «Мятежники»-патанцы были официально амнистированы, все взаимные обиды и претензии навсегда преданы забвению [28].

Одновременно начались мирные переговоры с Испанией и Португалией, а на несколько месяцев раньше было отправлено посольство в Японию. К этому же периоду относится окончательный отказ Прасат Тонга от попыток восстановить вооруженным путем свое господ-

Так, правитель индийского княжества Пуликат, когда ему понадобились дешевые слоны, официально объявил себя вассалом сиамского короля (J. van Vliet, *Description...*, pp. 93—94).

[26] J. van Vliet, *Description...*, p. 56.

[27] Ibid., p. 41.

[28] Ibid.

ство над Камбоджей. Когда в 1642 г. между Голландией и Камбоджей началась война, Прасат Тонг не поддался искушению ввязаться в нее и, несмотря на настойчивые просьбы голландцев, отделался от них одними обещаниями [29].

Несколько лет спустя после описываемых событий ван Флит, который еще в 1638 г. злобно отзывался о Прасат Тонге, вынужден был дать другую, более объективную характеристику нового курса Прасат Тонга: «...желая обеспечить спокойствие для своего королевства, поощрить развитие внешней торговли и добиться для себя и своих подданных свободы торговли и права посылать свои корабли в любое место, он заключил договор о мире и дружбе со всеми индийскими принцами и вообще со всеми королями и государствами, которые известны в Индиях» [30].

Подобная внешнеполитическая деятельность сиамского короля раздражала голландцев не меньше, чем его экономическая деятельность. Вместо Сиама, истощенного войной и заинтересованного в военной помощи голландской Ост-Индской компании, им теперь предстояло иметь дело с Сиамом, богатевшим от торговли и не нуждавшимся ни в чьих услугах. В результате подчеркнуто дружественное отношение голландцев к Сиаму постепенно стало сменяться явно враждебным, и, по мере того как росла сила Голландии в Южных морях, эта враждебность проявлялась все более открыто.

Первый серьезный конфликт, отразивший изменение отношений между Голландией и Сиамом, произошел осенью 1636 г. Вина в данном случае, даже по мнению ван Флита, лежала целиком на голландцах. «Случилось так, — пишет он, — что некоторые из служащих Компании, вследствие своей развращенности и распущенности, нарушили сиамские законы и оскорбили священников (буддийских. — *Э. Б.*)» [31]. Разгневанная толпа окружила голландцев. Их связали и отвели к властям. Двое голландцев были приговорены сиамским судом к смертной казни по местному обычаю — затаптыванием слонами. Но благодаря дипломатическому искусству ван Флита Прасат Тонг помиловал осужденных и все голландцы были вско-

[29] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 192.
[30] J. van Vliet, *Historical account...*, p. 147.
[31] J. van Vliet, *Description...*, p. 57.

ре освобождены из-под стражи. Ван Флиту тем не менее пришлось подписать своего рода гарантийное обязательство, предусматривавшее, что все служащие голландской компании будут подчиняться законам и обычаям Сиама и приказаниям пракланга, основанным на этих законах, и что всю ответственность за возможные нарушения законов голландцами ван Флит берет на себя [32].

На сей раз победа оказалась на сиамской стороне. Сам ван Флит, конечно, ни в коей мере не считал себя связанным данным обязательством. Более того, в донесении начальству он требовал мечом смыть нанесенное компании «оскорбление» [33]. Но обстановка в данное время, как уже отмечалось, еще не позволяла Голландии начать открытые военные действия против Сиама.

В этих условиях было решено нанести Прасат Тонгу удар косвенно. Голландская компания объявила, что несмотря на примирение Сиама с Патани она все еще считает себя в состоянии войны с этим княжеством и будет вести против него военные действия, пока не будут удовлетворены претензии голландцев. Если учесть, что во время борьбы между Сиамом и Патани голландцы занимали пассивную позицию и фактически не оказали Прасат Тонгу никакой помощи, такое заявление было равносильно реальному объявлению Патани войны.

С этим заявлением в конце 1636 г. в Аютию прибыл в качестве чрезвычайного посланника голландского генерал-губернатора на Яве Йост Схоутен, официальной целью которого было доставить сиамскому королю письмо и подарки голландского штатгальтера Фредерика Генри Оранского [34].

Внешне посольство встретило дружественный прием. Письма штатгальтера и генерал-губернатора были торжественно провезены по городу в сопровождении почетного эскорта. Не менее торжественно прошла церемония публичного чтения писем. При этом все места, касавшиеся спорных вопросов, были опущены, «чтобы показать младшим чиновникам и народу полное согласие с Голландией» [35]. Схоутену была пожалована массивная золотая цепь. Прасат Тонг и пракланг послали штатгальтеру и

[32] «Dagh-Register..., 1637», p. 12.
[33] J. van Vliet, *Description...*, p. 57.
[34] «Records...», vol. I, pp. 182—183.
[35] F. H. Giles, *A critical analysis...*, p. 312.

генерал-губернатору ответный подарок — золотые короны, усеянные драгоценными камнями, и значительное количество риса. В письмах короля и пракланга, сопровождавших подарки, не было недостатка в дружеских заверениях.

Но на деле переговоры проходили в очень напряженной обстановке. Косвенным свидетельством этого может служить многозначительное замечание пракланга в его письме голландскому генерал-губернатору Антони ван Димену: «Из послания Вашей Чести наш король с большим удовольствием узнал о привязанности Вашей Чести к его и моим предкам и о Вашей старинной дружбе, уважении и готовности оказывать услуги Его Величеству. И несмотря на то что до сих пор не было возможности доказать полную искренность (Ваших заявлений.—*Э. Б.*), они были приняты так, как если бы Ваша привязанность и готовность услужить Его Величеству были полностью доказаны...» [36].

Расследование, проведенное сиамскими властями по жалобе голландцев на то, что жители Патани якобы ограбили голландских подданных, не привело ни к каким определенным результатам, и голландцам было предложено представить более веские доказательства того, что они потерпели материальные убытки. В то же время в ответной ноте пракланга вежливо, но твердо указывалось, что тон, в котором была заявлена претензия голландцев, недопустим по отношению к союзному государству [37].

В ходе переговоров Схоутен выразил также недовольство размерами поставок риса и потребовал продать 400 койянов очищенного и 400 — неочищенного риса. Сиамцы могли предложить ему лишь то же количество, что и прежде (соответственно 200 и 100 койянов). В ответ Схоутен пригрозил вообще прекратить закупки риса в Сиаме, заявив, что теперь голландцы могут доставать его и в других местах [38].

Подоплекой этого столкновения была не только нужда голландцев в рисе. Ультиматум Схоутена в данном случае, по-видимому, выражал реакцию голландцев на проявлявшуюся в Сиаме общую тенденцию монополизировать внешнюю торговлю и создать жесткий контроль над экс-

[36] «Dagh-Register... 1637», p. 10.
[37] Ibid., p 11.
[38] F. H. Giles, *A critical analysis...*, p. 313. — Койян — крупная мера объема сыпучих тел.

портом и импортом важнейших товаров. Беспокойство и недовольство голландцев по этому поводу получили отражение во многих материалах того периода [39]. Но угроза Схоутена не возымела результата. Извещая ван Димена о разрешении сиамского короля вывезти рис, пракланг вновь упомянул прежнюю цифру и лишь добавил (в виде подарка) еще 50 койянов [40].

Письмо Прасат Тонга к принцу Оранскому было составлено в более дружелюбном тоне, но и здесь под дипломатическими оборотами можно увидеть скрытое недовольство голландской политикой. Торжественно объявляя о своей готовности помогать Голландии всеми силами в борьбе с ее врагами, сиамский король, пожалуй, слишком подчеркнуто напоминает об аналогичной обязанности Голландии, ставя в зависимость от выполнения таковой поддержание «великой взаимной дружбы» [41]. В этом, по-видимому, заключался завуалированный намек на неоднократные нарушения Голландией своих обещаний во время войны Сиама с Испанией, Португалией, Патани и Камбоджей.

В целом переговоры 1636 г. характеризовали собой период как бы равновесия сил между Сиамом и Голландией. Противоречия уже успели выявиться, но ни одна из сторон не чувствовала себя настолько сильной, чтобы открыто начать враждебные действия. Поэтому посольство Схоутена практически окончилось ничем.

Новое обострение сиамо-голландских отношений произошло четыре года спустя, в июле 1640 г. К тому времени нажим голландцев в Сиаме заметно усилился. Так, когда весной 1640 г. в Аютию прибыл некий китайский купец и стал в больших размерах скупать оленьи шкуры, предлагая за них более высокую цену, чем голландцы, ван Флит потребовал от начальника порта (ведавшего вопросами экспорта) запретить купцу покупку шкур. Он сослался на грамоту Прасат Тонга от 1633 г., разрешавшую голландцам в 1633 г. вывозить шкуры из Сиама. Несмотря на то что документ этот, естественно, давно уже утратил силу, начальник порта (кстати, сам китаец)

[39] «Voyage lointaine...», p. 271; J. van Vliet, Description..., pp. 91, 93.
[40] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 20.
[41] Ibid., p. 9.

не осмелился заступиться за соотечественника и удовлетворил требование ван Флита [42].

В ряде случаев голландцам уже удается добиться смещения неугодных им сиамских чиновников (правда, не очень крупных) и замены их своими кандидатами [43]. Новым в отношениях между Голландией и Сиамом было и то, что, по совету ван Флита, ответ на очередное письмо Прасат Тонга впервые был прислан не штатгальтером, а генерал-губернатором.

Все возраставшее засилие голландцев в Сиаме начало всерьез беспокоить правительство Прасат Тонга. Было решено принять меры, которые подорвали бы господство голландской Ост-Индской компании на сиамском рынке. Господство же это основывалось прежде всего на системе широкого кредита, открытого компанией для своих поставщиков в Сиаме. В этом отношении отдельные восточные купцы с ней, конечно, не могли конкурировать. Сиамские же купцы-поставщики, получив в кредит импортные товары, фактически попадали в кабальную зависимость от компании и должны были продавать ей свои товары по ценам, которые она диктовала. Капиталов для оплаты товаров голландцев наличными у сиамских купцов, как правило, не было.

Чтобы прекратить такую практику, Прасат Тонг издал в 1640 г. указ, запрещавший торговать в его королевстве в кредит. Расчеты при каждой покупке должны были производиться наличными. В конкретных же условиях оплачивать деньгами крупные партии товаров могло только торговое ведомство короля.

Таким образом, этот указ вынуждал голландскую Ост-Индскую компанию (как и других иностранных купцов) вести торговые дела почти исключительно с чиновниками короля. Естественно, что голландцы не остались безучастными к такому шагу сиамского правительства.

Поводом для конфликта послужил отказ Прасат Тонга возместить компании долг умершего королевского чиновника Рачи Ибрагима, имущество которого, по традиции, перешло к королю (июнь 1640 г.). В знак протеста ван Флит отказался вручить королю письмо и подарки, присланные ван Дименом. Подобное оскорбление повлекло за

[42] «Dagh-Register... 1640—1641», p. 73.
[43] Ibid., p. 75, 283.

собой взрыв негодования при сиамском дворе. Члены правительства резонно полагали, что следующим шагом ван Флита будет вызов голландского флота для нападения на Сиам [44]. В гневе король отдал (12 июля) приказ в 24 часа выслать всех голландцев из Сиама, тех же, кто останется на следующий день, — казнить, а их имущество конфисковать. Приказ, однако, не был приведен в исполнение. В правительстве взяли верх сторонники более умеренной политики (Ойя Питсанулок и Ойя Чакри). Было решено ограничиться военной демонстрацией.

В течение короткого времени «весь город встал под ружье. Люди короля пришли с оружием. С ближайшего больверка подвезли к фактории (голландской компании в Аютии.—*Э. Б.*) пушки. Выставили слонов и кавалерию» [45].

Вслед за тем ван Флит был приглашен к праклангу, где ему предъявили ноту из четырех пунктов. В ней праклант заявлял, что он «не желает более терпеть высокомерное и вызывающее поведение» голландцев и что «Батавия не так уж далеко расположена от его владений... и его солдаты легко смогут найти туда дорогу...» [46].

В ответной ноте ван Флит заявил, что, «если король желает, чтобы голландцы уехали, они уедут с первой возможностью. Убытка для их торговли от этого не будет. Товары, производимые в Сиаме, всегда можно будет получить в других местах» [47]. Далее он, несомненно с целью шантажа, упомянул Камбоджу, предложив королю попробовать сперва свою силу против нее, а уж потом — против Батавии.

В ответ на угрозу натравить на Сиам его соседей Прасат Тонг предпринял шаги, направленные на сближение с Португалией. При сиамском дворе появился португальский посол, который в условиях приближающегося падения Малакки готов был обещать Прасат Тонгу все что угодно, лишь бы привлечь его на свою сторону. Торговля с Сиамом настолько важна для голландцев, утверждал посол в беседах с праклангом, что стоит прекратить ее только на три года — и все для них будет потеряно. Дерево, которое голландцы получают в Сиаме, их единственная опора. Без него они не смогут укреплять

[44] Ibid., p. 77.
[45] Ibid.
[46] Ibid., p. 78.
[47] Ibid., p. 79.

замки и строить корабли, и португальцы легко очистят от них Южные моря. После этого Португалия будет ежегодно присылать в Сиам для торговли не менее 40 судов, которые пока нужны, чтобы сдерживать голландцев [48].

Португальцев, естественно, уже ничто не могло спасти. Однако слабое место у голландцев они указали правильно.

Когда (в августе 1640 г.) Прасат Тонг издал указ, запрещавший купцам продавать голландцам дерево, а корабельным плотникам, пильщикам, столярам и другим ремесленникам, а также матросам — служить у них, ван Флит не выехал из Сиама, как грозился вначале. Наоборот, вскоре после объявления указа он обратился к праклангу с просьбой разрешить явиться на аудиенцию и вручить письмо и подарки, из-за которых разгорелся спор.

На этот раз уже сами сиамцы стали оттягивать аудиенцию, чтобы закрепить свой дипломатический успех. Но 1 октября 1640 г. она, наконец, состоялась. Конфликт был временно ликвидирован. Не желая обострять вновь отношений, сиамское правительство вскоре, однако, уплатило голландцам значительную часть долга Рачи Ибрагима.

Новый этап в сиамо-голландских отношениях начался осенью 1641 г., когда ван Флит уже стал губернатором только что завоеванной Малакки и после кратковременного отсутствия приехал в Сиам в ранге посла. Победоносное окончание войны с Португалией, а главное — захват Малакки, ключевой крепости Юго-Восточной Азии, безусловно, значительно усилили его позицию. Король Прасат Тонг поневоле был вынужден оказать ван Флиту более радушный прием, чем его предшественнику Схоутену, и не только с внешней стороны (почетный сиамский эскорт, сопровождавший письмо принца Оранского, был увеличен с 800 до 1200 человек [49]), но и по существу.

Ван Флиту удалось заключить с сиамским правительством выгодные торговые сделки, притом не за наличные, а в кредит [50]. Прасат Тонг снабдил голландского представителя письмами к правителям Лигора, Сингоры, Паталунга и Патани, обязывавшими этих правителей оказывать голландцам всяческое содействие [51]. Четырех голландских детей, специально присланных Ост-Индской компанией для изучения сиамского языка, культуры и обычаев (компания, по-видимому, имела в виду в будущем использовать их как агентов в Сиаме), Прасат Тонг предложил принять в свой пажеский корпус. Однако ван Флит в независимом тоне отклонил королевское предложение. С точки зрения сиамского придворного этикета это было очень тяжелым оскорблением для короля, но Прасат Тонг промолчал.

На протяжении 40-х годов взаимная неприязнь и соперничество между Сиамом и голландской компанией непрерывно продолжали возрастать. Голландцы постепенно вытесняли Сиам с рынков Дальнего Востока и Индонезии. В договоры, которые голландская компания заключала с различными государствами Малайи и Индонезии, обычно входила статья, запрещавшая продажу перца и других пряностей Сиаму [52]. Сиамские джонки, ходившие в Китай и Японию, не были гарантированы от нападений голландских кораблей. Серьезный конфликт возник в 1645 г. в связи с захватом голландцами у побережья Кохинхины судна, принадлежавшего натурализовавшемуся в Сиаме японцу [53]. Возмущение населения Сиама, в первую очередь местных японцев, этими пиратскими действиями едва не вылилось в вооруженное нападение на голландскую факторию в Аютии. Правительство Прасат Тонга воспрепятствовало кровопролитию, но голландцы воспользовались ситуацией, чтобы еще больше укрепить свою аютийскую факторию, превратив ее фактически в маленькую крепость.

Торговая борьба охватила даже отдаленный (по тому времени) Лаос. По признанию самих голландцев, они здесь «использовали все возможные средства, чтобы вставлять палки в колеса сиамцам, которые стремятся монополизировать всю торговлю (Лаоса. — *Э. Б.*) и захватить в свои руки все золото и благовония» [54].

Не ограничиваясь вытеснением сиамцев с внешних рынков, голландцы начали захватывать в монопольную собственность рынки на территории самого Сиама. Так, в 1643 г.

---

[48] Ibid., p. 81.
[49] F. H. Giles, *A critical analysis...*, p. 319.
[50] Прасат Тонгу пришлось отменить свой запрет 1640 г. торговать в кредит.
[51] F. H. Giles, *A critical analysis...*, p. 319.
[52] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 111.
[53] Ibid., p. 231.
[54] «Voyage lointaine...», p. 271.

они навязали губернатору Джанк-Сейлона договор, по которому все добытое там олово должно было продаваться голландцам [55].

В качестве ответной меры сиамское правительство все чаще стало налагать частичный или полный запрет на экспорт ряда товаров в Батавию, особенно таких, как лес и рис [56]. В противовес немногочисленным сиамским чиновникам, подкупленным голландцами, при дворе образовалась мощная антиголландская партия во главе с пракланго́м и генералом Ойя Сабартибаном, которого голландцы называли своим самым заклятым врагом [57]. В централизованной сиамской монархии того времени, конечно, не могло быть и речи о самостоятельной деятельности какого-либо министра или крупного чиновника, не санкционированной королем. Несмотря на то что король Прасат Тонг в те годы внешне выказывал «большое благоволение» к Голландии, сочувствие его, несомненно, было на стороне группировки Сабартибана. Так, антиголландские выпады пракланга никак не пресекались Прасат Тонгом, а губернатор Джанк-Сейлона, заключивший с голландцами договор, был на следующий же год вызван в Аютию, чтобы предстать здесь перед судом [58].

В конце 40-х годов давно назревший сиамо-голландский конфликт вылился, наконец, в форму вооруженного столкновения. Поводом для него послужил очередной феодальный мятеж в княжестве Сингора. Голландцы, первоначально пообещав оказать центральной власти военную помощь, затем взяли назад это обещание. Последовал разрыв. Голландские военные суда блокировали сиамское побережье (1649) [59]. Перевес голландцев был настолько очевиден, что Прасат Тонг вскоре капитулировал.

В знак примирения король Сиама в 1650 г. впервые направил посольство к голландскому генерал-губернатору на

[55] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 170. — Джанк-Сейлон, один из важнейших оловоносных районов Сиама, экспортировал в это время свыше 2000 бахар (около 370 т) олова в год (Ibid., p. 81).

[56] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 20.

[57] Ibid., p. 231; «Records...», vol. II, p. 20.

[58] P. A. Tiele, *De opkomst...*, deel III, p. 233. — Исход суда остался неизвестен, но договор об олове был несомненно аннулирован Сиамом, потому, что и в 70-х годах XVII в. голландцы продолжали безуспешно бороться за монополию на Джанк-Сейлоне.

[59] «Records...», vol. III, p. 238.

Яве (тогда этот пост занимал Корнелис ван дер Лейн), признав его, таким образом, равным себе по рангу. Генерал-губернатору были преподнесены исключительно богатые подарки (среди них, в частности, были золотая корона и 12 слонов) [60], имевшие скорее характер военной контрибуции. Ответное же голландское посольство не привезло вообще никаких подарков [61].

Вспыхнувшая вскоре первая англо-голландская война (1652—1654), в которой на стороне Англии выступала также и Португалия, породила у сиамцев надежды на реванш. Сиамские дипломаты стали говорить с голландцами в значительно более твердом тоне и в начале 1654 г. вновь потребовали обещанную помощь против мятежных феодалов Сингоры. Голландскому представителю Вестерволту было предложено дать объяснения по поводу продолжавшейся уже в течение двух месяцев блокады голландскими военными кораблями тенассеримской гавани и недопущения туда никого из иностранцев. В порядке репрессии за эти действия сиамское правительство наложило запрет на отпуск голландцам риса, а также вновь воспретило своим ремесленникам, занимавшимся обработкой дерева, выполнять для голландцев какие-либо работы [62].

Прасат Тонг, однако, недооценил силы голландцев. Несмотря на серьезные поражения, которые Голландия потерпела на европейском театре войны, в Юго-Восточной Азии голландский флот господствовал, и там Голландия могла еще диктовать. Вестерволт предъявил сиамскому королю встречный ультиматум: если все ограничения не будут немедленно сняты, голландцы перенесут свою факторию из Сиама в Камбоджу [63]. Осуществление этой угрозы, разумеется, в соединении с морской блокадой Сиама, означало бы фактически, что роль международного рынка со всеми вытекающими отсюда выгодами перешла бы от Сиама к Камбодже. Демарш Вестерволта заключал в себе также намек на возможный антисиамский военный союз Голландии с Камбоджей.

В результате Прасат Тонг был вынужден отступить. «Страх, что мы объединимся с его врагами и в союзе с ни-

[60] E. H. Giles, *A critical analysis...*, p. 321.

[61] «Dagh-Register... 1663», p. 661.

[62] «Records...», vol. II, pp. 9—10.

[63] Ibid., p. 14.

ми нападем на него, подействовал на короля», — доносил в 1655 г. сменивший ван дер Лейна на посту генерал-губернатора Метсёйкер Совету директоров голландской Ост-Индской компании [64].

Компания поспешила закрепить плоды своей победы. Весной 1655 г. новый глава аютийской фактории ван Рейк заключил с сиамскими представителями соглашение, по которому голландцам предоставлялась постоянная монополия на скупку шкур. В обмен на это голландская компания в лице своего генерал-губернатора (в Батавии) обещала королю «всегда оказывать помощь и всевозможные услуги» [65]. Кроме того, в соглашении было оговорено, что король может сохранить за собой некоторое количество шкур, однако не для самостоятельного вывоза, а только для продажи иностранным купцам, которые за ними приедут. При этом всякая подобная сделка должна была быть согласована с главой голландской фактории. Правда, при подписании договора ван Рейк, как подчеркивается в позднейшей сиамской ноте, обещал всегда удовлетворять «просьбу» пракланга (тогда Коса Тибоди) о продаже шкур на сторону [66]. Но на деле, несмотря на свое торжественное обещание. ван Рейк наотрез отказался разрешить продажу шкур китайцам, главным конкурентам голландской компании в торговле с Японией. Это явное нарушение договора повлекло за собой новый конфликт. Прасат Тонг отменил голландскую монополию. Опять назревало военное столкновение. Однако внезапная смерть Прасат Тонга в августе 1656 г. временно разрядила обстановку.

3. СИАМО-ГОЛЛАНДСКАЯ ВОЙНА 1663—1664 гг.

В период правления сына Прасат Тонга Нарая борьба с голландским засилием приняла новые, еще более острые формы, но это произошло не сразу. На первых порах голландцы даже выражали удовольствие по поводу перемены власти, потому что в ходе борьбы за престол погиб их самый упорный враг Ойя Сабартибан. В письме к директорам голландской Ост-Индской компании генерал-

[64] Ibid., p. 15.
[65] «Dagh-Register... 1664», p. 44.
[66] Ibid., p. 45.

губернатор и Батавский совет компании возлагали большие надежды на царствование Нарая, поскольку он еще при жизни отца «всегда выказывал дружественные чувства к Компании» [67]. В 1659 г. голландцам даже удалось добиться восстановления своей монополии на скупку кож [68].

В целом первые годы правления Нарая, когда он еще неуверенно чувствовал себя на троне, вынужденный бороться с феодальными мятежами, были золотым временем для голландской Ост-Индской компании.

Методы, которыми голландцы утверждали свою монополию на сиамском рынке, отличались большим разнообразием. Одним из мощных орудий в борьбе за эту монополию была так называемая система пропусков, введенная голландцами еще на рубеже 30—40-х годов XVII в., но прочно утвердившаяся (по отношению к Сиаму) лишь во второй половине 50-х годов. Согласно правилам, установленным голландской компанией, каждый корабль, выходящий из порта, где имелся голландский представитель, должен был получить на свой рейс письменное разрешение — пропуск от этого представителя. Все суда, которые не могли предъявить такой пропуск при встрече с голландскими кораблями в открытом море или даже в нейтральных портах, где голландцы обладали достаточными силами, подлежали немедленной конфискации. Практически это, конечно, касалось главным образов кораблей восточных купцов. Так, например, в начале 60-х годов голландцы захватили в гавани княжества Палембанг (Суматра) китайскую джонку, пришедшую из Сиама. Ссылки владельцев джонки на то, что они сиамские подданные и имеют надлежащим образом оформленное разрешение на плавание от сиамского короля, не возымели никакого действия [69].

Обращение к голландскому представителю за пропуском. однако, также не гарантировало восточных купцов от неприятностей. Об этом свидетельствует, например, эпизод, описанный в одной из сиамских нот (1664), предъявленных голландской Ост-Индской компании: «Примерно два с половиной года назад Коса Тибоди снарядил джон-

[67] «Records...», vol. II, p. 20.
[68] «Dagh-Register... 1659», p. 82.
[69] «Dagh-Register... 1663», pp. 37, 69, 187.

ку, нагруженную рисом... Для этого он просил пропуск у Лыанга Сурсина. Но тот, не желая дать пропуск, откладывал его выдачу со дня на день. Когда же джонка, наконец, получила пропуск и прибыла в Батавию, оставалось уже так мало времени на пребывание там (из-за перемены направления муссона. — *Э. Б.*), что рис и другие товары пришлось спешно распродать с немалыми убытками» [70].

Большие возможности для подавления торговых конкурентов давала голландцам монополия на торговлю шкурами. Ссылаясь на нее, они могли подвергнуть таможенному досмотру любое судно, находящееся в сиамском порту. При этом процедура досмотра принимала такой характер, что наносила тяжелый ущерб купцам, которые ей подвергались. Яркий пример этому приводится в той же ноте: «В год свиньи (1659. — *Э. Б.*)... когда в Сиам для торговли прибыли 13 китайских джонок из Японии и бросили якорь у селения Боангтонбури, г-н ван Рейк явился к Коса Тибоди и попросил его доложить, что китайцы якобы скупают оленьи шкуры. И по этой причине он просил разрешение с помощью королевских чиновников обыскать эти джонки. Согласно этой просьбе, Коса Тибоди направил в распоряжение ван Рейка несколько служащих, вместе с которыми тот спустился вниз по реке (в гавань, где стояли джонки. — *Э. Б.*), продержал их там 9—10 дней и, так и не обыскав их, вернулся обратно. В результате этой задержки китайцы пропустили время для возвращения в Японию. Поэтому китайцы больше не хотят торговать в Сиаме» [71].

Другим способом извлечения выгоды из голландской монополии на торговлю шкурами была выдача восточным купцам разрешения на скупку шкур — разумеется, за соответствующее вознаграждение. При этом голландские резиденты очень часто прибегали к такому мошенническому трюку: дав, например, китайскому купцу устное разрешение на скупку, они выжидали, пока он не соберет достаточно большую партию шкур, а затем отменяли свое разрешение и отбирали закупленный товар. Пострадавший купец при этом получал в виде компенсации чисто номи-

[70] «Dagh-Register... 1664», p. 43. — Лыанг Сурсин — начальник голландской фактории в Аютии в то время Ян ван Рейк.

[71] «Dagh-Register... 1664», p. 45. — Боангтонбури — часть современного Бангкока.

нальную сумму — значительно меньше той, которую он сам затратил [72].

Голландцы начали, так сказать, явочным порядком, распространять методы, применявшиеся ими в торговле кожей, и на торговлю сапаном, хотя сиамское правительство никогда формально не предоставляло им монополии на покупку этого ценного сорта дерева. Документы показывают, насколько бесцеремонный и вызывающий характер приняло к началу 60-х годов голландское хозяйничание на сиамском рынке.

«В год крысы (1660. — *Э. Б.*), — говорилось в ноте Сиама голландской компании от февраля 1664 г., — г-н ван Рейк попросил у пракланга разрешение на закупку сапана. С такой же просьбой обратились к праклангу китайцы, прибывшие в Сиам из Японии на трех джонках. В связи с этим пракланг обещал каждому половину имеющегося сапана. Но г-н ван Рейк заявил протест и потребовал от пракланга, чтобы он не продавал китайцам сапан. А затем упомянутый ван Рейк договорился с китайскими шкиперами, что он продаст им сапан, лежащий на складах Голландской Компании. Совершив эту сделку, он потребовал от пракланга, чтобы тот поставил на склады компании соответствующее количество сапана, что и было немедленно выполнено» [73]. Подобная спекуляция, естественно, должна была принести Ост-Индской компании немалую прибыль.

Одновременно ван Рейк и его коллеги стремились полностью захватить в свои руки торговлю и другими важными товарами (олово, тик, слоновая кость и др.).

С начала 60-х годов, однако, торговая экспансия голландской компании начинает наталкиваться на скрытое, но с каждым годом все более упорное противодействие сиамского правительства. Укрепив свою власть внутри страны, Нарай с недюжинной энергией взялся за выполнение программы, намеченной и частично начавшей осуществляться при Прасат Тонге. Быстрыми темпами велось строительство сиамского торгового флота. Сиамские торговцы в Японии и Китае все чаще перехватывали товары, которые голландцы привыкли считать объектом своей монополии. Рост сиамского торгового мореходства стал не

[72] «Dagh-Register... 1664», p. 46.

[73] Ibid., p. 45.

на шутку беспокоить голландцев [74]. Так, в декабре 1662 г. голландский генерал-губернатор Ян Метсёйкер писал в донесении, что торговая активность сиамцев в Японии «может сильно повредить» голландской торговле; «приобретая вкус к торговле», они будут продолжать ее «с еще большим рвением и капиталами» и скоро начнут ввозить туда «бенгальские ткани» [75], т. е. от вывоза местных товаров перейдут к интенсивной посреднической морской торговле между Индией и Дальним Востоком.

Наряду с развитием собственной морской торговли Нарай стремился привлечь в Сиам торговцев других азиатских и европейских стран, чтобы нанести этим еще один удар голландской торговой монополии. Продолжая политику своего отца, он, так же как и Прасат Тонг, поддерживал дружеские отношения с различными индийскими государствами и предоставлял индийским купцам существенные привилегии. При Нарае были установлены тесные торговые и дипломатические отношения с Персией [76]. С конца 50-х годов был направлен ряд посольств в Китай и Вьетнам.

Особенно много энергии Нарай затрачивал на привлечение в Сиам европейских купцов, в первую очередь англичан и французов, которые, по его мнению, могли создать наиболее серьезную конкуренцию голландцам на сиамском рынке. Так, уже в 1659 г. Нарай обращается к английской Ост-Индской компании с приглашением вновь открыть свою факторию в Аютии. В 1662 г. в Сиаме встретили радушный прием первые французские миссионеры, что подготовило почву для открытия французской фактории.

Таким образом, после тридцатилетней почти полной монополии на сиамском рынке голландцы вынуждены были потесниться.

Голландская Ост-Индская компания, естественно, не могла безучастно взирать на подобное развитие событий в Сиаме. Несмотря на неудачную войну с Англией в 1652—1654 гг., голландский флот, как уже говорилось, по-прежнему продолжал господствовать в Южных морях. Пользуясь безусловным военным превосходством в этом

[74] «Records...», vol. II, p. 39.
[75] Ibid.
[76] Ibid., vol. II, pp. 92—98; vol. III, pp. 341, 366, 372.

районе, компания повела активное контрнаступление, стремясь не только восстановить, но и значительно расширить свои позиции в Сиаме. Поведение голландцев в этой стране (особенно после открытия там в 1661 г. английской фактории) стало принимать все более вызывающий характер. Голландская компания явно искала предлога для объявления войны.

Уже в 1661 г. голландцы без предъявления каких-либо претензий захватили два сиамских судна, шедших с грузом из Китая и Японии [77]. В конце года произошел инцидент на Джанк-Сейлоне. В результате столкновения между голландцами и местными жителями несколько голландцев было убито. Но голландцам не удалось использовать это событие как предлог к агрессии. Не желая обострять отношений с ними, король Нарай немедленно наказал «виновных», а трех «зачинщиков» выдал голландским властям.

В 1662 г. напряженность в сиамо-голландских отношениях еще более усилилась. С одной стороны, голландцы стали вести себя в Сиаме откровенно нагло. По приказу ван Рейка, в частности, был конфискован груз кожи, переправлявшийся по Менаму в китайской джонке и принадлежавший королю Сиама. С другой стороны, сиамцы начали проявлять большую твердость в своей политике. Так, новый глава сиамского внешнеторгового ведомства индиец Абдул Раззак (носивший титул ойя пичит) заставил голландцев возвратить груз и распорядился построить на Менаме четыре заставы, чтобы контролировать проходящие суда и этим предотвратить повторение подобных эпизодов [78].

Еще серьезней было другое нововведение — внутренняя монополия Сиама на торговлю кожей (1662). Отныне все охотники и другие поставщики оленьих и буйволовых шкур должны были продавать их не голландским факторам и их агентам — местным купцам, а только государству. Одновременно был издан указ аналогичного содержания относительно торговли оловом в княжестве Лигор, где голландцы фактически единолично распоряжались торговлей этим металлом [79]. Была установлена также государственная

[77] Ibid., vol. II, p. 69.
[78] «Dagh-Register... 1663», p. 174; «Records...», vol. II, p. 33.
[79] «Dagh-Register... 1663», p. 656.

монополия на торговлю рисом, деревом, кокосовым маслом, гуммилаком, бензином и другими товарами.

Создалось своеобразное положение. Голландцы формально сохранили свою монополию, но теперь вынуждены были иметь дело с одним мощным продавцом, потеряв, таким образом, возможность диктовать цены. В качестве ответной меры голландская компания решила применить бойкот. «Год-два со шкурами можно будет подождать, сами они их все равно не вывезут», — доносил Энох Поолвут, сменивший в январе 1663 г. ван Рейка на посту главы аютийской фактории [80].

Поолвут, однако, ошибался. Сиамскому правительству удалось быстро снарядить 12 джонок, укомплектованных китайской командой. Эти суда, груженные кожей и другими товарами, были направлены в Китай и Японию. Теперь голландцы обеспокоились не на шутку. В апреле — мае 1663 г. Совет Ост-Индской компании в Батавии собирался несколько раз для обсуждения «сиамского вопроса», но не мог прийти ни к какому окончательному решению [81].

Наконец, план действий против Сиама был выработан. Голландские власти решили воздержаться от немедленного военного нападения, как, видимо, предлагали некоторые члены Совета. Наиболее целесообразным было сочтено начать войну осенью, когда джонки, посланные королем Нараем, будут возвращаться после продажи шкур с деньгами и дальневосточными грузами. Захват этих кораблей нанес бы тяжелейший удар внешней торговле Сиама. Эноху Поолвуту был послан секретный приказ подготовить тем временем факторию к эвакуации.

Сиам между тем не собирался идти на дальнейшее обострение отношений с Голландией. Поэтому, когда Поолвут, стремясь накопить побольше предлогов для объявления войны, заявил очередной протест по поводу того, что китайские купцы якобы скупают кожу в удаленных от центра провинциях, и обвинил в нарушении соглашения о голландской монополии Абдул Раззака, Нарай предпочел пожертвовать одним этим чиновником, а не развязывать новую опасную войну [82]. Абдул Раззак был снят со своего

[80] Ibid., p. 174.

[81] Ibid., pp. 158, 186, 188.

[82] «Dagh-Register... 1664», p. 39. — Сиамо-бирманская война, начавшаяся в 1661 г. значительными успехами Сиама, к весне 1663 г. вступила в неблагоприятную для Сиама фазу. Бирманские войска,

поста и даже арестован. Голландскому фактору вновь было разрешено покупать шкуры непосредственно у охотников и мелких скупщиков. (Последняя уступка, однако, не была так существенна, как показалось бы на первый взгляд, — ведь бóльшая часть предназначавшихся для торговли на тот год шкур уже была собрана государством и направлена на королевских джонках в Японию.)

Меры, принятые Нараем, не остановили Поолвута и его хозяев, подготавливавших военную агрессию против Сиама.

После получения секретного приказа Поолвут начал планомерно готовиться к эвакуации фактории. Прежде всего он постарался взыскать долги со всех должников компании. Затем он сам взял в долг у короля 100 кэтти и вскоре вернул их, «чтобы не возбуждать подозрений» [83]. Продемонстрировав, так сказать, свою платежеспособность, он уже без стеснения запустил руку в королевскую казну, получив от нее несколько займов подряд на общую сумму более 200 кэтти. Около 85 кэтти было взято в долг у крупных сиамских чиновников. Вдобавок к этому Поолвут добился от короля лицензии на выдачу ему в кредит 10 тыс. пикулей сапана, обещая расплатиться после очередного прибытия в Сиам судов компании [84].

Все товарные запасы и ценное имущество аютийской фактории были заблаговременно перевезены в форт Амстердам — миниатюрную крепость-склад в устье Менама, принадлежавшую голландцам. То, что не удалось вывезти из Аютии, было отдано на хранение проживавшим там английским купцам.

29 сентября 1663 г. у отмели, преграждавшей вход в устье Менама, бросили якорь три голландских военных судна: «Принцесс Ройял», «Хоогкаспель» и «Эльзенбург», которые должны были поступить в распоряжение Поолвута и, после эвакуации фактории, осуществлять блокаду побережья Сиамского залива.

Внезапное появление голландской эскадры, конечно,

нанеся сиамцам ряд тяжелых поражений, грозили уже вторжением в Центральный Сиам. Этот фактор, несомненно, также учитывался как Нараем, так и голландцами.

[83] «Dagh-Register... 1663», p. 660. — 1 кэтти = 120 гульденам.

[84] Ibid., p. 660. — Пикуль — около 60 *кг*. Из-за трудностей, вызванных сиамо-бирманской войной, Поолвут успел до отъезда получить только 4650 пикулей (Ibid.).

не могло не вызвать подозрений у сиамского правительства. Поэтому для прикрытия ее истинных намерений генерал-губернатор направил с нею дружественные письма к королю и пракланту, извещавшие о прибытии в скором времени в Аютию специального голландского посольства. На недоуменный вопрос пракланта, почему письма генерал-губернатора не сопровождаются, согласно традиции, подарками, Поолвут заверил его, что подарки прибудут вместе с послами в течение ближайших 20 дней.

Эта отсрочка была необходима голландскому фактору, чтобы спокойно завершить подготовку к эвакуации. Когда 20 дней прошло, Поолвут, сославшись на неблагоприятные ветры, отодвинул срок приезда посольства еще на шесть-семь дней и, чтобы рассеять подозрение, послал «навстречу» несуществующим послам джонку с частью своего персонала.

Между тем, как сообщает сам Поолвут, «простой народ стал сильно роптать». Продолжительное пребывание голландских кораблей в устье Менама вызвало у сиамцев резонное подозрение, что они поджидают здесь джонки, возвращающиеся из Японии [85].

Поолвут понял, что дальше медлить не стоит. 25 октября он, под предлогом увеселительной прогулки, со всеми оставшимися служащими фактории бежал на быстроходном судне из Аютии в форт Амстердам, а оттуда — на голландские корабли. Когда о побеге стало известно, король направил к Поолвуту двух чиновников, чтобы они выяснили мотивы его поступка. На вопрос послов Нарая Поолвут, не имея более подходящего предлога, передал (через посредство английских купцов), что он «обижен» действиями Абдул Раззака. Прежде чем Нарай успел прислать ему ноту с напоминанием о том, что Абдул Раззак смещен и наказан еще за полгода до того в результате жалобы голландцев, Поолвут со своей эскадрой отплыл из устья Менама. Первая же джонка, которую Поолвут встретил на пути, была им без всяких объяснений пущена ко дну. Матросов, не ожидавших нападения со стороны «союзника» Сиама и потому не сопротивлявшихся, голландцы побросали в воду. Товары перегрузили на свои суда [86]. Так началась сиамо-голландская война.

---

[85] «Dagh-Register... 1663», p. 661.
[86] Ibid., pp. 37, 46.

В то время как эскадра Поолвута ожидала возвращения королевских джонок в Сиамском заливе, другая эскадра должна была перерезать пути между Сиамом и Японией в районе Тайваня. Третья голландская эскадра крейсировала в Бенгальском заливе, охотясь за сиамскими судами, направлявшимися в Индию.

Не ограничиваясь военными действиями, голландцы развили также бурную дипломатическую деятельность.

В начале 1664 г. голландский губернатор Пуликата (на Коромандельском побережье) заявил официальный протест английским властям в форте Сен-Джордж (Мадрас) по поводу допущенной ими разгрузки в Масулипатаме сиамского судна, доставившего из Мергуи слонов. Он потребовал немедленной конфискации судна (вместе с грузом) и передачи его голландцам, ссылаясь на ранее заключенные между голландской и английской компаниями соглашения [87]. Англичане отклонили этот протест, сославшись на то, что судно пришло в Масулипатам, снабженное голландским пропуском (официально война еще не была объявлена), что груз судна был предназначен не для англичан, а для голкондского короля и что захват сиамского судна в нейтральном порту в таких условиях неминуемо вызвал бы войну между Голкондой и английской компанией [88]. Несмотря на требования голландцев, англичане отказались также прекратить торговлю с Сиамом, надеясь использовать создавшуюся ситуацию в своих интерасах. Голландцам, однако, удалось добиться от них обещания не поставлять в Сиам оружия и продовольствия [89].

На Яве голландцы принудили местных владетелей закрыть свои порты для португальских купцов, торговавших с Сиамом. Королевству Аче, придерживавшемуся традиционно дружественной политики в отношении Сиама, голландцы объявили войну и блокировали его берега [90].

Изолированный от союзников, утративший большую часть торгового флота и потерявший надежду на помощь Англии, Сиам вскоре вынужден был капитулировать.

---

[87] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 98.
[88] «Records...», vol. II, p. 57. — Голландцам сначала все же удалось захватить слонов Нарая. Но вскоре под давлением голкондского правительства они вернули всех слонов, кроме двух, которые якобы издохли («Dagh-Register... 1665», p. 392).
[89] «Records...», vol. II, p. 65.
[90] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 97.

Уже в январе 1664 г. пракланг Коса Тибоди направил в Батавию посольство. В письме генерал-губернатору Я. Метсёйкеру он выражал довольно наивную надежду, что неспровоцированное нападение голландцев на Сиам вызвано исключительно злой волей и интригами ван Рейка и Поолвута и что все недоразумения разрешатся, как только генерал-губернатор узнает правду [91]. В ноте, которую сиамские послы Чон Тибсиула, Най Сетти Раксабелад и Сари Лейла Вангса предъявили 16 февраля 1664 г. Батавскому совету компании, излагалась история взаимоотношений Сиама и Голландии начиная с 1655 г. и подчеркивалось, что сиамская сторона никогда не нарушала принятых на себя обязательств, тогда как голландские представители ван Рейк и Поолвут сплошь и рядом нарушали свои обязательства и совершали всевозможные злоупотребления [92].

Генерал-губернатор и Батавский совет, однако, меньше всего были настроены заниматься «абстрактными» рассуждениями о справедливости. Обвинения, предъявленные сиамцами, были попросту оставлены без ответа. Между тем на просторах Индийского и Тихого океанов по-прежнему продолжалась охота на сиамские суда. Только в июле 1664 г. голландская компания сочла возможным послать в Аютию ответное посольство во главе с чрезвычайным комиссаром Питером де Биттером, ловким дипломатом.

По праву победителя де Биттер предъявил сиамскому правительству крайне тяжелые условия. В число их входило, в частности, не более не менее как изгнание всех китайцев из Сиама [93]. Даже король Нарай, который был готов ради мира чуть ли не во всем уступать голландцам, не мог согласиться с таким требованием. Вокруг вопроса о китайцах завязалась упорная борьба.

«По всему королевству рассеяно много тысяч китайцев, — писал пракланг Коса Тибоди де Биттеру. — Они живут здесь с незапамятных времен, вступают в браки и смешиваются с сиамцами. Они находились под покровительством предков нынешнего короля и всегда считались

[91] «Dagh-Register... 1664», p. 38.
[92] Ibid., p. 43.
[93] Предлогом была выставлена война, которую голландцы вели в то время против китайского национального героя Чжэн Чэн-гуна, изгнавшего их с Тайваня.

законными подданными Сиама» [94]. Изгнание китайцев, отмечал далее пракланг, неизбежно вызовет серьезнейшие потрясения и мятежи; крайняя несправедливость этого требования усугубляется еще и тем, что в самой Батавии проживает множество китайцев и голландцы вовсе не собираются их изгонять.

После долгих прений голландские власти наконец согласились на «компромисс». Китайцы могли оставаться в Сиаме, но взамен сиамцы должны были на вечные времена отказаться использовать на своих судах (и даже брать в качестве пассажиров) жителей Китая, Японии, Кохинхины и Тонкина [95]. Учитывая, что командный состав и значительная часть матросов сиамских судов, в особенности совершавших дальние рейсы в бассейне Тихого океана, комплектовались почти исключительно из представителей указанных национальностей, этот пункт фактически почти полностью лишал Сиам его торгового флота.

Голландцам удалось вырвать у Сиама согласие на это, после чего переговоры пошли быстрее, и 22 августа 1664 г. торжественно был подписан мирный договор — первый в истории Сиама неравноправный договор с европейской страной [96].

В договоре, состоявшем из 18 параграфов, голландская Ост-Индская компания принимала на себя в сущности только три обязательства: не вредить управляемым сиамцами судам, «при условии, что они не идут в страну, с которой Компания находится во вражде» (§ 15); не вести военных действий против своих врагов на территории Сиама (§ 17); выплатить некоторую компенсацию за захваченные и потопленные сиамские суда (§ 9—10) [97].

Подавляющее же большинство пунктов договора закрепляло односторонние и очень существенные уступки со стороны Сиама.

Второй и третий параграфы договора давали голландцам «право торговли без помех всеми видами товаров, которые имеются в данном месте... с любым лицом, по своему выбору». Это наносило тяжелый удар по установленной в Сиаме государственной монополии на внешнюю

[94] «Dagh-Register... 1664», p. 526.
[95] Ibid., p. 247.
[96] Ibid., pp. 247—249.
[97] Сумма компенсации была в несколько раз ниже той, на которую претендовала сиамская сторона.

торговлю важнейшими видами товаров, являвшейся одним из самых существенных источников дохода короля.

Договор предоставлял голландской компании навечно монополию на экспорт оленьих и буйволовых шкур (§ 6). Компания соглашалась переуступить королю 7—10 тыс. штук «при условии, что их добыча будет находиться на обычном уровне или выше него» (§ 11).

Пятый параграф закреплял упоминавшийся выше запрет использовать на судах китайцев, японцев и вьетнамцев. Голландские власти позаботились также о том, чтобы установить контроль над внешнеполитическими отношениями Сиама. Посольство в Китай, например, они соглашались пропустить лишь при условии, что в нем будет состоять не более двух китайцев-переводчиков и притом если сама компания будет находиться в это время «в дружбе» с китайским императором (§ 12). Вообще же «джонки или суда Его Величества (короля Сиама. — *Э. Б.*) и его подданных имеют право плавать в Макао, Манилу, Кантон или другие места, пока Компания находится с ними в дружбе и союзе», но даже в этом случае сиамские суда должны получать пропуска от голландской компании (§ 13). В то же время договор предоставлял свободный доступ в сиамские порты всем союзникам Голландич (§ 14).

Очень важной уступкой, вырванной у Сиама, было право экстерриториальности для всех голландских подданных, какие бы преступления они ни совершали. Восьмой параграф договора гласил: «В случае... если кто-нибудь из служащих Компании совершит серьезное преступление в Сиаме, король и судьи (Сиама. — *Э. Б.*) не имеют права судить его, но он должен быть передан главе Компании (в Сиаме. — *Э. Б.*), чтобы быть наказанным согласно голландским законам, а если случится, что упомянутый начальник окажется соучастником в тяжком преступлении, Его Величество имеет право держать их обоих под домашним арестом, пока не известит о происшедшем генерал-губернатора» голландской Ост-Индской компании.

Вместе с тем договор обязывал сиамское правительство наказывать всех лиц, наносящих ущерб компании (§ 1), а ее должников «держать в строгом заключении, пока Компания не получит причитающееся, а в случае, если Компания не сможет получить долги таким способом... выдать упомянутых должников Компании».

Договор запрещал на вечные времена повышать экспортные и импортные пошлины, уплачиваемые Сиаму компанией (§ 4).

В последнем, 18-м, параграфе торжественно объявлялось, что «вышеуказанные пункты должны соблюдаться не только нынешним королем Сиама и нынешним генерал-губернатором Яном Метсёйкером и Советом Индии (Батавский совет. — *Э. Б.*), но также и их наследниками на вечные времена».

Вскоре после подписания этого договора голландцам удалось заставить Нарая пойти на еще одну, важнейшую, уступку — предоставить им право беспошлинной торговли на всей территории Сиама. При этом сами голландцы, несмотря на протесты Нарая, продолжали взимать высокие пошлины с сиамских кораблей, заходивших в принадлежащие голландцам порты [98].

4. СИАМО-ГОЛЛАНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60—80-х годах XVII в.

С окончанием сиамо-голландской войны отношения между Сиамом и голландской Ост-Индской компанией продолжали оставаться напряженными.

В марте 1665 г. в Батавию для ратификации договора прибыло сиамское посольство во главе с Лыангом Ратой и Минчай Париа. В письме пракланга к генерал-губернатору наряду с очередным протестом по поводу пиратских действий голландцев в открытом море вновь был поднят вопрос об использовании китайцев на сиамских судах. Пракланг обратил внимание на то, что китайцы используются в качестве моряков во всех странах Юго-Восточной Азии, и голландцы не возражают против этого. Почему же Сиам должен быть исключением? И если голландцы так настаивают на этом запрете, пусть они предоставят сиамцам для плавания в Японию своих штурманов и рулевых [99].

Голландцы, разумеется, не собирались отказываться от столь важного для них пункта договора. Однако, чтобы излишне не обострять отношений, они направили летом 1665 г. в Аютию одного штурмана и одного рулевого, полагая, по-видимому, что большой выгоды Сиам от этого

[98] «Dagh-Register... 1666—1667», p. 201.
[99] «Dagh-Register... 1664», p. 537.

все равно не получит. Так оно и вышло. В результате конфликта между голландцами и сиамо-малайской частью экипажа рейс не состоялся. Как сиамцы, так и малайцы наотрез отказались плыть под командой голландцев, считая, что те могут намеренно вызвать крушение [100].

Между тем голландские корабли продолжали нападать на сиамские суда в открытом море. Так, в начале 1666 г. они обстреляли и захватили близ Коломбо (Цейлон) сиамское торговое судно под тем предлогом, что оно без разрешения голландцев перевозило груз корицы и меди. Капитана голландцы увезли в свою факторию в Баласоре (Бенгал) [101]. В 1667 г. был задержан и ограблен сиамский корабль, направлявшийся в Китай [102]. Хотя в обоих случаях голландцы возвратили суда и конфискованные товары (частично или полностью) владельцам, торговые рейсы, разумеется, были сорваны.

В начале 70-х годов Сиам чуть было не оказался вновь втянут в войну с Голландией. В 1672 г. голландцы захватили сиамское судно с ценным грузом, шедшее из Бомбея в Бангкок [103]. Не желая возвращать богатую добычу, после того как Сиам заявил протест, голландские власти дали указание прекратить отправку товаров в Сиам и подготовить аютийскую факторию к эвакуации [104]. Но до войны дело не дошло: король Нарай, чувствуя свою слабость, не принял вызова.

В этот период голландцы, уже обеспечившие себе господство в торговле сиамской кожей, сосредоточили свое внимание на борьбе за другой важный источник дохода — торговлю сиамским оловом.

Еще в первое десятилетие после захвата Малакки голландцам удалось установить монополию на торговлю оловом в большей части южномалайских княжеств. Затем наступила очередь северномалайских и тайско-малайских княжеств, входивших в состав Сиама. К началу 60-х годов голландцы фактически захватили в свои руки всю торговлю оловом в Патани и Сингоре. При ратификации договора 1664 г. голландцам удалось добиться у короля Нарая согласия предоставить им оловянную монополию

[100] «Dagh-Register.... 1665», p. 391.
[101] «Dagh-Register... 1666—1667», p. 201.
[102] Ibid., p. 355.
[103] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 110.
[104] «Records...», vol. II, p. 103.

в Лигоре [105]. Таким образом, после войны 1663—1664 гг. все олово восточного побережья Сиама к югу от перешейка Кра оказалось в руках голландцев.

Менее благоприятно для голландской компании развивались события на западном побережье. Здесь упорное сопротивление голландской экспансии оказывало небольшое полузависимое княжество Кедах [106]. «Голландцы установили свою монополию на торговлю оловом везде, кроме Кедаха и Аче», — писал президент Суратского совета английской Ост-Индской компании [107]. Чтобы принудить Кедах к капитуляции, голландцы в 1665 г. приступили к систематической военной блокаде княжества, которая продолжалась несколько лет [108]. Блокада, однако, не принесла им желанных результатов. После короткого перемирия, в 1673 г. голландская компания вновь начала враждебные действия против Кедаха. На этот раз голландцы не надеялись только на свои силы. Оказав давление на сиамское правительство, они вынудили его послать войска против Кедаха. Официальным предлогом для этой войны была неуплата Кедахом Сиаму установленной дани за три года [109]. В январе 1674 г. у берегов Кедаха появился объединенный флот, состоявший из трех голландских и двадцати сиамских судов. Сиамцы, однако, действовали крайне неохотно и вскоре оставили голландцев одних продолжать осаду [110]. И на этот раз голландцам не удалось заставить владетеля Кедаха подписать договор о монополии.

Жестокая борьба за олово примерно в это же время разгорелась недалеко от Кедаха — на острове Джанк-Сейлон. Не сумев закрепить здесь свою монополию договорным путем, голландцы решили установить ее, так сказать, явочным порядком. В начале 70-х годов они в течение нескольких лет непрерывно блокировали остров. Крупный военный корабль и два-три шлюпа круглый год крейсировали вокруг острова, не пропуская в его порты ни один корабль без разрешения голландских властей [111].

[105] W. Nunn, *Some notes...*, p. 93.
[106] Его вассальная зависимость от Сиама символизировалась ежегодной посылкой сиамскому королю цветка из золота.
[107] «Records...», vol. II, p. 91.
[108] Ibid.; T. Bowrey, *A geographical account...*, p. 266.
[109] Ibid.
[110] «Records...», vol. II, p. 266.
[111] T. Bowrey, *A geographical account...*, p. 250.

Голландская блокада отрезала Джанк-Сейлон, один из немногих сиамских районов, который по тем временам можно было бы назвать чисто промышленным, от материка и, следовательно, от источников продовольствия. Жители острова вынуждены были уступать голландцам олово за бесценок и в то же время платить втридорога за привозимые ими товары. В особенно тяжелом положении оказалось население трех портовых городов острова. Все интересы жителей этих городов были связаны с торговлей и мореходством. Естественно, что голландская блокада лишала большинство из них работы. Губернатор Джанк-Сейлона, следуя указаниям из Аютии — не обострять и без того натянутых отношений с голландцами, не принимал никаких мер, чтобы снять блокаду. Поэтому постепенно назревавший взрыв народного возмущения был направлен не только против голландцев, но и — косвенно — против местных властей.

Непосредственным поводом к вооруженному столкновению послужило следующее обстоятельство. Летом 1675 г. в гавань Банквалы — главного порта Джанк-Сейлона, ускользнув каким-то образом от голландских кораблей, вошло торговое судно, принадлежавшее английскому купцу, но с командой из индонезийцев и представителей других восточных народов. Раздосадованные своим промахом голландцы даже не стали дожидаться, пока судно выйдет из гавани. Один из голландских кораблей поднялся по реке к Банквале и на виду у всего города захватил судно. В ответ на вежливую просьбу сиамских представителей освободить корабль голландский капитан сослался на то, что у судна нет пропуска компании и, кроме того, оно пришло из Аче, с которым голландская Ост-Индская компания находится в состоянии войны. Когда эти доводы были отведены сиамцами, как не имеющие никакой силы в нейтральном порту, на территории суверенного государства, «голландцы, надувшись от заносчивости, ответили, что все дороги и реки Джанк-Сейлона принадлежат им и, следовательно, этот корабль и его товары — их законный трофей» [112].

В толпе, присутствовавшей при объяснении, раздались крики негодования. Тогда один из голландцев выстрелил с борта шлюпа из мушкета и убил двух человек наповал.

[112] Ibid., p. 252.

Толпа отступила, но вскоре вернулась с оружием. «Без всяких приказаний начальства», как подчеркивает очевидец, жители Банквалы быстро и организованно разделились на три отряда. Один из них, самый большой, преградил голландцам путь ко дворцу губернатора, где они могли бы укрыться от народного гнева. Два других отряда двинулись по обеим сторонам реки к морю и в очень короткий срок запрудили реку близ устья срубленными тут же деревьями. Не сумев прорваться в центр города, голландцы решили вернуться назад, но и здесь встретили преграду. После короткой схватки вся команда голландского шлюпа была перебита, а само судно уничтожено. Это событие так напугало командира голландской эскадры, что он снял блскаду острова и увел оставшиеся суда в Батавию [113].

Таким образом, в 1675 г. жители Джанк-Сейлона одними из первых в Сиаме показали пример массовой борьбы с иностранными захватчиками, которая 13 лет спустя, во время французской интервенции, охватила всю страну и увенчалась победой сиамцев.

Когда в Аютии стало известно о происшедшем на Джанк-Сейлоне, перед сиамским правительством встал затруднительный вопрос, как разрешить этот конфликт, не доводя дело до открытой войны с голландцами и притом не уступая им Джанк-Сейлона.

К этому времени Сиаму удалось вырваться из изоляции, в которую он попал после войны 1663—1664 гг.: английская фактория в Аютии после перерыва с 1669 г. вновь открылась в конце 1674 г., и сиамская дипломатия могла использовать в своих переговорах с голландцами угрозу военного союза против них с Англией. Но все же неравенство сил было слишком очевидно.

Было принято половинчатое решение. В Аютии и других городах, обращенных к Сиамскому заливу, голландцам было по-прежнему разрешено торговать и пользоваться всеми своими привилегиями. Отношения с голландской компанией внешне выглядели даже дружественными. Но в то же время властям Джанк-Сейлона был послан тайный приказ ни под каким видом не допускать голландцев высаживаться и вести торговлю на западном побережье Сиама. Кроме того, губернатор, его заместители и ко-

[113] Ibid., p. 253.

менданты портов под страхом смертной казни обязывались организовать на Джанк-Сейлоне ускоренное строительство военного флота. Каждому из трех городов острова предписывалось построить и вооружить за свой счет два корабля. Эти шесть кораблей должны были крейсировать попарно в Бенгальском заливе, нападая на одиночные голландские суда и избегая встречи с превосходящими силами. Но главными задачами, которые ставились перед ними, были разведка и предупреждение прибрежных жителей о готовящемся нападении голландцев. В случае нападения голландцев на остров приказ обязывал жителей обороняться до последнего, не принимая никаких мирных предложений и даже не подпуская парламентеров [114].

В соответствии с приказом новый губернатор Джанк-Сейлона спешно собрал всех плотников и других ремесленников острова, занятых в корабельном строительстве. Быстрыми темпами началось сооружение береговых укреплений. Для перевозки оружия и боеприпасов использовали всех слонов, имевшихся на Джанк-Сейлоне и в близлежащих районах. Благодаря энергичным мерам обороноспособность острова значительно повысилась. Голландцам пришлось отказаться от планов захвата его (и контроля над оловом) силой, но дипломатические попытки в этом направлении они продолжали предпринимать долгое время.

Во второй половине 70-х годов голландцы предложили сиамскому правительству заключить договор сроком на 10 лет, по которому голландская Ост-Индская компания покупала бы все олово страны по цене за бахар 64 бат наличными или 80 бат с уплатой через год [115]. Таким образом, при условии открытия голландцам кредита они сулили Сиаму 25% надбавки (прибыль, которую рассчитывали получать в данном случае голландцы, была скорее всего в несколько раз больше этой цифры). Сиамское правительство отклонило предложение голландской компании, как невыгодное. Немалую роль здесь, по-видимому, сыграло опасение сиамского правительства, что, вытеснив с сиамского рынка всех остальных покупателей олова, голландцы в дальнейшем смогут не только сбивать на него цены, как они поступают в местах, где их монополия уже

[114] Ibid., p. 254.
[115] «Records...», vol. II, p. 212. — Бахар — ок. 185 кг.

установлена, но и вообще поставить сиамскую торговлю в полную зависимость от себя, единолично определяя размеры своих закупок.

Стремясь ослабить давление голландцев, король Нарай, как и Прасат Тонг, принимал все меры, чтобы создать себе прочную клиентуру среди восточных купцов, в первую очередь индийских и персидских, так как Индия и Персия были главными потребителями сиамского олова. Эти купцы («мавры», как их называют источники) пользовались в Сиаме особыми льготами и привилегиями. Им предоставляли ответственные должности на сиамской государственной службе. Особенно много индийцев и персов занимали высокие посты в портах Мергуи и Тенассерим на западном побережье Сиама. Наследственный губернатор («вице-король») провинции Тенассерим при Нарае был перс [116], как и руководивший в течение ряда лет сиамской внешней торговлей и иностранными делами пракланг Окпра Синнорат (ум. в 1677 г.) [117]. Личную охрану короля Нарая возглавлял индиец [118]. Улицы, на которых жили восточные купцы, были, по мнению европейских путешественников, самыми богатыми в Аютии [119]. Благодаря покровительству сиамских властей индийским купцам к концу 70-х годов удалось почти полностью вытеснить голландцев из торговли хлопчатобумажными тканями [120].

Покровительственную политику правительство Нарая проводило в отношении китайских купцов, конкурировавших с голландцами. Характерно, в частности, что Сиам дал убежище китайцам, вынужденным бежать из Камбоджи в Сиам после вооруженного столкновения между китайцами и голландцами в камбоджийской столице (1670) [121].

В борьбе против наступления голландской Ост-Индской компании на сиамскую торговлю правительство Нарая стремилось также укреплять и расширять свои связи с государствами Индонезии и Малайи — своими ближайшими торговыми контрагентами. Здесь торговые отношения начиная с 60-х годов все теснее переплетаются с по-

[116] M. Collis, *Siamese White*, p. 67.
[117] «Records...», vol. II, p. 212.
[118] Vivadhanajaya, *The Statement...*, p. 171.
[119] La Loubère, *Description...*, pp. 89, 91.
[120] «Records...», vol. II, p. 211.
[121] «Dagh-Register... 1670—1671», p. 4.

литическими, ибо по мере усиления голландцев на архипелаге индонезийские и малайские государства, независимость которых была поставлена под угрозу, в поисках поддержки и союза все чаще начинают обращаться к Сиаму — сильнейшему из государств Юго-Восточной Азии того времени. Юридически такие союзы обычно выражались в форме акта о признании тем или иным государством своей вассальной зависимости от Сиама. Так, еще в 1662 г. официально объявил себя вассалом Сиама султан Суккаданны (Калимантан) [122]. К началу 80-х годов традиционный букет цветов из золота — знак вассальной зависимости — посылали в Аютию Джамби (Суматра) и Джохор (Малайя) [123]. Сохранилось свидетельство о том, что, когда в 1686 г. сиамский посол Лыанг Чула прибыл в Батавию, «князья Явы и других островов обратились к нему с просьбой передать сиамскому королю их желание отдаться под его покровительство с тем, чтобы он избавил их от тирании голландцев, которые, сжигая их корабли, препятствуют им направить своих послов в Сиам» [124].

Сиамское правительство по мере возможности поддерживало требования своих номинальных вассалов во время переговоров с голландской компанией. Например, тот же Лыанг Чула заявил в Батавии протест против незаконных действий губернатора Малакки по отношению не только к Сиаму, но и к Джохору, султан которого «прожужжал все уши королю своими жалобами на голландцев» [125]. Протест, конечно, был оставлен без внимания.

Таким образом, сиамские и голландские интересы сталкивались не только на территории самого Сиама и на индийских и дальневосточных рынках, но и в области, которую голландцы уже начали считать как бы своей вотчиной.

Неизбежность новой и гораздо более серьезной войны между Сиамом и Голландией становилась все более ясной для обеих сторон. Сиамское правительство, предвидя ее, лихорадочно готовилось к обороне, в то время как голландцы тщательно разрабатывали план нападения, наиболее удобного по месту и времени.

Самыми выгодными для нанесения удара местами на

[122] «Records...», vol. II, p. 42.
[123] N. Gervaise, *Histoire Naturelle...*, p. 315.
[124] [Beze], *Mémoire...*, p. 185.
[125] Ibid., p. 184.

территории Сиама всегда были две крайние точки транссиамского торгового пути — Бангкок и Мергуи. К. Фалькон писал: «Голландцы могут закрыть вход в королевство, захватив Бангкок и Мергуи. После этого они смогут без труда заставить всех монархов (Индии. — *Э. Б.*) принять их законы» [126]. Хотя подобное утверждение и кажется на первый взгляд преувеличением, не следует забывать, что в случае успеха этого предприятия Голландия, уже господствовавшая в Малаккском и Зондском проливах, фактически полностью отрезала бы Индию от дальневосточных рынков. Об агрессивных планах голландцев против Сиама свидетельствует французский торговый агент в Сиаме Буро-Деланд. Ссылаясь на слова видного голландского чиновника, он указывает, что «в течение последних 25 лет (до 1682 г. — *Э. Б.*) голландцы имели перед собой две основные цели — Бантам и Бангкокскую крепость, владея которыми они могли бы контролировать все Южные моря» [127].

Подчинение Бантама и прочное закрепление на Яве были первоочередной задачей голландцев, и, пока она не была разрешена, компания не могла выделить крупные силы против Сиама. Но после подписания кабального договора с государством Матарам (1677) и в особенности после подчинения Бантама (1683—1684) голландская компания получила такую возможность.

В 1683 г. голландцы захватили у вьетнамского побережья сиамское судно с богатым грузом (стоимость ок. 85 тыс. гульденов). Одновременно голландский генерал-губернатор К. Спеелман отдал приказ закрыть фактории в Аютии и Лигоре [128]. Теперь война казалась неизбежной. Именно так расценивал события король Нарай в беседе с французским послом, вскоре после этого прибывшим в Сиам [129].

Однако война между Сиамом и Голландией все же не разразилась. Этому помешала обстановка, сложившаяся в то время в Юго-Восточной Азии и прежде всего активное проникновение в Сиам английской и французской Ост-Индских компаний, которое в 80-х годах достигло своей

[126] Ibid., p. 181.
[127] Цит. по кн.: E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, pp. 192—193.
[128] «Records...», vol. III, p. 274.
[129] E. W. Hutchinson, *Four french state manuscripts*, pp. 216 –222.

кульминации. Предвидя неизбежный конфликт между сиамцами и приглашенными королем Нараем западными «защитниками», голландская компания предпочла занять выжидательную позицию, чтобы выступить на сцену, когда силы всех ее противников будут истощены взаимной борьбой.

Дальнейшее развитие событий показало, что подобная тактика голландской Ост-Индской компании в Сиаме принесла ей на рубеже 80—90-х годов XVII в. известные выгоды, хотя в конечном счете голландцам не удалось в течение сколько-нибудь продолжительного времени пользоваться плодами своих дипломатических усилий.

ГЛАВА V

БОРЬБА АНГЛИИ ЗА СИАМСКИЙ РЫНОК

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ АНГЛИЧАН В СИАМ

В 1654 г., стремясь закрепиться на Индокитайском полуострове, английская Ост-Индская компания открыла факторию в Ловеке (Камбоджа). Но уже в 1659 г. в результате очередной феодальной войны эта фактория была разгромлена, а ее руководителям пришлось бежать в Аютию. Здесь их ждал дружественный прием. По приказу короля Нарая, им были бесплатно предоставлены питание и одежда [1]. Когда они уезжали из Сиама, король вручил им личное письмо к Бантамскому совету английской Ост-Индской компании с приглашением возобновить торговлю в Сиаме.

К этому времени у английской Ост-Индской компании вновь возрос интерес к Сиаму, на рынках которого можно было приобретать товары закрытой для англичан Японии и труднодоступного Китая, не говоря уже о ряде ценных местных товаров. Из различных пунктов в Совет директоров компании (в Лондоне) стали поступать донесения торговых агентов, указывавших на выгоды торговли с Сиамом. Так, агент компании Менстоун в донесении правлению компании от 20 июля 1660 г. приводил следующие доводы в пользу восстановления фактории в Сиаме: 1) Аютия — крупнейший торговый центр; 2) здесь правит могущественный король, прочная власть которого гарантирует спокойное развитие торговли; 3) Сиам — рынок сбыта для Филиппин, Японии, Китая и Кохинхины; 4) последние войны в Камбодже уничтожили там всю коммерцию, португальские, малайские и другие купцы, торговавшие там, переселились в Сиам; 5) в Сиаме имеются в изобилии разнообразные товары, в частности слоновая кость, росный ладан, масло, рис, кожи, жир, а также

[1] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 89.

товары, поступающие из Камбоджи, Японии и Китая.— медь, воск и др.; 6) Сиам располагает лучшим портом в Южных морях; 7) голландцы считают свою аютийскую факторию наиболее ценной после суратской [2].

В 1661 г. хартией Карла II английской Ост-Индской компании была предоставлена монополия на торговлю с Индией и Китаем [3], что значительно упрочило ее положение. В новых условиях компания, в частности, сочла момент подходящим и для восстановления фактории в Сиаме. Осенью 1661 г. в Аютию с этой целью прибыли агенты компании Джон Саут и Томас Котс [4].

Сиамское правительство, полагая, что возобновление деятельности английской фактории явится серьезным ударом по голландской торговой монополии в Сиаме, делало все от него зависящее, чтобы поощрить развитие английской торговли. Английской фактории было предоставлено безвозмездно то же самое обширное каменное здание, которое она занимала в начале XVII в. Король Нарай решил простить компании ее старые долги — 20-х годов. Сумма этих долгов (очевидно, вместе с процентами) к 60-м годам достигла огромной цифры — 120 тыс. бат [5].

Первые отчеты английских факторов в Сиаме полны оптимизма и надежд на большие барыши. Постепенно, однако, выяснилось, что конкуренция с голландцами совсем не такое простое дело, как казалось вначале. Англо-голландская борьба за сиамский рынок, вспыхнувшая вновь после сорокалетнего перерыва, велась с неослабевающим упорством и изобретательностью с обеих сторон. Но перевес в ней продолжал оставаться на стороне голландцев, обладавших бóльшим опытом, бóльшими средствами и лучшей организацией.

Первоначально (1661—1663) аютийская фактория англичан подчинялась Суратскому совету английской Ост-Индской компании. Поскольку отдаленность Сурата затрудняла конкретное руководство компании в Сиаме, факторию было решено передать в ведение Мадрасского

[2] «Records...», vol. II, p. 28.

[3] И, естественно, также со всеми странами, находящимися между ними.

[4] «Records...», vol. II, p. 28.

[5] «Records...», vol. IV, p. 184. — Прожиточный минимум в Сиаме в это время оценивался в 6 бат в год (J. van Vliet, *Description...*, p. 78).

совета компании. Несколько лет спустя факторию переподчинили Бантамскому совету компании, затем вновь Суратскому и т. д. Отсутствие единого руководства и достаточного контроля в значительной мере парализовали деятельность фактории и благоприятствовали крупным хищениям, которые стали там обычным явлением. Часто сменявшие друг друга факторы в большинстве случаев заботились прежде всего о личном обогащении [6].

Отрицательную роль в развитии английской торговли в Сиаме в 60-х и начале 70-х годов играла также позиция, занятая правлением компании в Лондоне. В то время как агенты на местах советовали прежде всего развивать посредническую торговлю между Сиамом и странами Дальнего Востока, директора компании считали, что ради покупки товаров для Китая и Японии, как это делают голландцы, содержать факторию в Сиаме вообще невыгодно. Прежде всего следует выяснить, «можно ли здесь продать большое количество английской мануфактуры и дешево купить товары для английских рынков» [7].

Подобная торговая политика в сиамских условиях не могла принести успеха. И действительно, на протяжении 60-х годов аютийская фактория англичан дважды терпела крах, а в 1669 г. вообще перестала функционировать [8].

По мере ослабления торговой деятельности английской Ост-Индской компании в Сиаме отношение англичан к сиамским властям становилось пренебрежительным и даже вызывающим. Так, в августе 1668 г. английские корабли пытались напасть на сиамские торговые суда, стоявшие в гавани Гоа [9].

2. АНГЛИЙСКАЯ ФАКТОРИЯ В АЮТИИ В 1674—1682 гг.

Сиамская торговля вновь привлекла английскую Ост-Индскую компанию пять лет спустя после закрытия аютийской фактории, в конце третьей англо-голландской войны (1672—1674). На этот раз инициативу взял в свои руки Бантамский совет компании.

[6] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 108—109, 140.

[7] «Records...», vol. II, p. 90.

[8] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 109.

[9] «Records...», vol. II, p. 90.

Непосредственным толчком к возобновлению торговых отношений явилась переписка между Бантамским советом и сиамским правительством по поводу захвата голландцами принадлежавшего англичанам имущества на острове Джанк-Сейлон. В ответ на протест компании король Нарай выразил ей сочувствие и осудил «голландские бесчинства» [10], дав понять, однако, что прекратить их единолично ему не под силу. В то же время он предложил англичанам вновь открыть факторию в Сиаме, обещая оказать поддержку их торговле. Письмо заканчивалось знаменательной просьбой не вредить сиамским торговым судам и не нападать на них. По-видимому, описанный выше инцидент в Гоа был далеко не единственным. Суда английской Ост-Индской компании, как, впрочем, и других европейских компаний, весьма часто совмещали торговую деятельность с пиратской, каперской, особенно в отношении восточных купцов.

Ободренный приглашением Нарая, Бантамский совет направил в Сиам трех своих членов — Хэмона Гиббона, Бенджамена Сангера и Вильяма Рамсдена в сопровождении группы служащих. В декабре 1674 г. Гиббон и его коллеги прибыли в Сиам. Здесь их приняли с почестями, английской Ост-Индской компании были предоставлены большие привилегии, зафиксированные в тарре (жалованной грамоте) пракланга от 13 февраля 1675 г. Английские торговцы в Сиаме были освобождены от пошлин. Им разрешили свободно торговать (покупать и перепродавать) всеми товарами, торговля которыми не составляла государственной монополии Сиама, а также покупать олово, свинец, медь и после получения каждый раз специального разрешения слоновую кость и рога носорога. Чтобы облегчить успешное развитие английской торговли, король Нарай предоставил компании крупный беспроцентный заем деньгами и товарами — на сумму 31 840 бат [11].

Наконец, в ноябре 1675 г. английская Ост-Индская компания получила от сиамских властей еще одну, исключительно важную, привилегию — монополию на закупку олова в ряде районов Малаккского полуострова (в Чумпоне, Чайе, Татунге и Помпине) [12]. Это давало компании не

[10] «Records...», vol. II, pp. 109—110.
[11] Ibid., vol. II, pp. 117, 121, 122, 133.
[12] Ibid., vol. II, pp. 125—126.

только торговые, но и стратегические выгоды, так как оловянные рудники, отведенные для английских закупок, были расположены вдоль кратчайшего пути через полуостров из Андаманского моря в Сиамский залив (на перешейке Кра).

Разумеется, все эти блага король Нарай предоставил английской компании отнюдь не из личной симпатии к Гиббону и его коллегам. В своей борьбе с Голландией Сиам нуждался в военной и технической помощи. Сообщая о полученном займе и привилегиях, Гиббон, Сангер и Рамсден в том же донесении пишут, что король просит прислать ему инженеров, артиллеристов, литейщиков и других специалистов для оказания содействия в налаживании обороны Сиама [13].

Компания, однако, не спешила выполнить просьбу Нарая. Не помогло королю даже то, что в феврале 1676 г. он снарядил специальный корабль, чтобы Сангер мог скорее добраться до Бантама и передать его просьбу Совету. Вместо помощи инженерами и военными специалистами, Бантамский совет прислал королю Сиама художественные изделия из хрусталя и вежливое письмо [14].

Расценив этот ответ как желание английской компании еще что-нибудь выторговать, Нарай предложил ей в середине 1678 г. монополию на торговлю перцем в Патани [15]. Здесь, по подсчетам самих англичан, пославших специальную комиссию для обследования, годовой урожай перца составлял 1500—2000 пикулей. Кроме того, значительное количество перца завозилось в Патани извне. Несмотря на столь щедрый подарок, компания по-прежнему не желала оказывать Сиаму никакой военной поддержки.

В то же время торговля обычными товарами к лету 1678 г. вновь пришла в полный упадок. Заем, предоставленный сиамским правительством для развития английской торговли, так же как и средства, полученные от Бантамского совета, Гиббон и Сангер использовали только для того, чтобы отдавать деньги в рост под большие проценты, а доходы от этого предприятия клали себе в карман [16]. Служащие фактории, не принимавшие участия в дележе барышей, стали забрасывать Бантамский совет

[13] Ibid., vol. II, pp. 134—135.
[14] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 126, 134.
[15] Ibid., p. 138.
[16] Ibid., p. 140.

жалобами и доносами, в результате чего там было принято решение назначить ревизию.

В сентябре 1678 г. в столицу Сиама прибыл представитель Бантамского совета английской Ост-Индской компании Ричард Барнеби, облеченный чрезвычайными полномочиями. В ходе расследования, предпринятого им, были обнаружены значительные злоупотребления и хищения, совершенные руководителями компании в Сиаме [17]. Желая укрепить факторию новыми, опытными кадрами, Барнеби привлек на службу компании бывшего известного интерлопера [18] Джорджа Уайта [19], уже несколько лет работавшего в Сиаме лоцманом на Менаме. В числе служащих компании, приехавших с Барнеби из Бантама, находился талантливый греческий авантюрист Констанций Фалькон, которому суждено было сыграть крупную роль в истории Сиама 80-х годов XVII в. [20]. К той же группе примыкал младший брат Джорджа Уайта, Сэмюэль, направленный в 1677 г. на сиамскую службу Мадрасским советом английской Ост-Индской компании [21] (он служил лоцманом и капитаном сиамских судов, ходивших в Индию).

Опираясь на этот штаб, Барнеби развил энергичную деятельность. Уже в октябре он обращается к Бантамскому

[17] Сам Барнеби впоследствии также не избежал аналогичных обвинений и, по-видимому, не без основания (J. Anderson, *English intercourse...*, p. 143).

[18] Интерлоперы — не входившие в Ост-Индскую компанию английские частные лица, которые нарушали ее торговую монополию.

[19] Дж. Уайт, много лет проведший на Востоке, прекрасно знал экономику Индии и Юго-Восточной Азии и оставил много ценных работ по этому вопросу.

[20] Констанций Фалькон (настоящее имя Константин Жеракис) родился в 1648 г. на острове Кефалония в семье грека-католика, содержавшего кабак. Уже при жизни Фалькона вокруг его имени были созданы самые разнообразные легенды, которые и запечатлены в биографиях его, написанных разными авторами. Основные достоверные факты сводятся к следующему. Еще в детском возрасте он бежал из дома и поступил юнгой на английское судно. Попав в Англию, он принял протестантство. В 1670 г. в качестве простого матроса на судне Фалькон появился на Востоке. Впоследствии он перешел на службу в английскую Ост-Индскую компанию и принимал участие в англо-голландской войне 1672—1674 гг., а после нее служил в Бантаме. Обладая большими лингвистическими способностями, он быстро овладел несколькими восточными языками, в том числе малайским и тайским. Это, а также смелость и сообразительность Фалькона привлекли к нему внимание Барнеби, который взял его с собой в должности помощника артиллериста.

[21] M. Collis, *Siamese White*, p. 55.

совету с требованием прислать ему средства на возведение нового здания фактории, вооруженную охрану и врача-хирурга. (Последнее, несомненно, было вызвано ростом влияния французских врачей-миссионеров при сиамском дворе.) Одновременно он просит помощи в строительстве у правительства Сиама. Активность Барнеби, направленная на расширение английской торговли в Сиаме, произвела благоприятное впечатление на сиамский кабинет. По приказу короля Нарая Барнеби были выделены лес, кирпич и известь [22].

В переговорах с сиамским королем, которые Барнеби повел вскоре после своего прибытия в Аютию, Нарай выразил готовность передать компании остров Патани (у берегов одноименного княжества) с правом укреплять его [23]. Причины, побудившие Нарая сделать это предложение, выясняются из разговора Барнеби с праклангом. Последний указал на то, что голландцы давно уже зарятся на княжество Патани, от торговли в котором они уже получают большие прибыли. «Но король никогда не согласится уступить его голландцам, потому что он видит: всюду, где им удается обосноваться, они кончают попыткой завоевания» [24], — заявил пракланг. Таким образом, целью Нарая было, уступив базу в уже фактически не принадлежавшем ему Патани менее опасным для него тогда англичанам, ликвидировать возможность создания военной базы голландцев на ближайших подступах к основной территории его королевства и поставить между собой и голландцами английскую крепость.

Барнеби с энтузиазмом откликнулся на предложение короля. В своем докладе Бантамскому совету он обращает внимание на сравнительную легкость, с которой можно укрепить остров, и на торговые выгоды, которые можно извлечь из богатого золотом и перцем княжества.

Однако этот план остался неосуществленным. Уже в результате поездки служащего фактории Сэмюэля Поттса в августе 1678 г. стало ясно, что обосноваться в не признававшем тогда власть Нарая княжестве можно только вооруженным путем. При этом предстояло бы бороться не только с патанцами, но и с голландской Ост-Индской компанией, так как она, конечно, не стала бы

[22] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 146.

[23] «Records...», vol. II, p. 183.

[24] Ibid.

добровольно отказываться от выгод, полученных по договорам, которые она успела навязать местному правительству. Пойти на открытую войну с Голландией английская Ост-Индская компания не решилась [25].

Чтобы компенсировать эту неудачу, Барнеби попытался вырвать у сиамского правительства обязательство ежегодно закупать определенную квоту английских товаров независимо от того, нужны они ему или нет [26]. Такое соглашение обеспечило бы английской Ост-Индской компании гарантированный сбыт всех неходких товаров, которые не удавалось продать в других странах Востока. В сущности это было равносильно выплате Сиамом компании весьма значительной ежегодной денежной дотации. Ничего конкретного в обмен на это обязательство, кроме туманных обещаний дружбы и союза, Барнеби не предложил. Более того, он потребовал, чтобы сиамский король уволил и впредь не нанимал артиллеристов-англичан, которые дезертировали со службы английской Ост-Индской компании [27]. Естественно, что для сиамского правительства не было никакого смысла заключать подобное, одностороннее соглашение, и оно не состоялось.

3. АГЕНТЫ АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ НА СИАМСКОЙ СЛУЖБЕ

Потерпев неудачу с соглашением о квоте товаров, Барнеби и Дж. Уайт решили обеспечить барыши для компании иным путем. Когда в 1679 г. в Сингоре началось очередное восстание против Сиама, Барнеби тайно направил в помощь ей корабль с продовольствием и боеприпасами под командой Фалькона [28]. Подобные рейсы в восставшие малайские княжества приносили огромную прибыль и совершались, по-видимому, неоднократно [29].

[25] Возможно, что Бантамский совет английской компании в конце концов предпринял бы какие-нибудь шаги в отношении Патани, но в 1683 г. сам был вынужден прекратить свое существование после подчинения Бантама голландцами.

[26] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 61.

[27] Ibid., p. 144.

[28] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, pp. 248—249.

[29] На случай задержания сиамскими властями этих судов была заготовлена версия, что их снаряжает за свой счет Фалькон, но тот, как известно, прибыл в Сиам без гроша в кармане.

Но на сей раз компанию постигла неудача. Корабль Фалькона потерпел крушение в сиамских водах у Лигора. Сам Фалькон поспешно бежал. Сиамским властям стало известно, что было погружено на судно. На Фалькона и английскую Ост-Индскую компанию пало серьезное подозрение. Чтобы замести следы и предупредить возможное судебное следствие, Барнеби и Уайт организовали уход Фалькона со службы компании «по собственному желанию». При этом Барнеби дал Фалькону «в награду за усердие» колоссальную по тем временам сумму — 1600 бат [30], а тот немедленно передал ее «в дар» пракланту [31].

Взятка обеспечила Фалькону в ведомстве пракланта место переводчика без жалования. Незначительность этой должности не смущала ни Фалькона, ни его хозяев. Главное было сделано — английская Ост-Индская компания официально теперь не имела ничего общего с Фальконом, на случай если бы всплыло сингорское дело; кроме того, если бы ему удалось вывернуться, в важнейшем из сиамских министерств, ведавшем одновременно иностранными делами, внешней торговлей и финансами, компания имела бы своего человека.

Действительно, «капиталовложения», сделанные руководителями аютийской фактории англичан, вскоре оправдались с огромными процентами. Благодаря своим незаурядным способностям Фалькон быстро поднялся по служебной лестнице. Наиболее эффектным эпизодом его деятельности в это время, обратившим на него внимание короля Нарая, было так называемое разоблачение «мавров» (мусульманских купцов).

Сиам на всем протяжении XVII в. поддерживал оживленные дипломатические отношения с Персией. Частый обмен посольствами, однако, имел главным образом не политические, а коммерческие цели. Послов обеих стран неизменно сопровождали многочисленные купцы, использовавшие дипломатический иммунитет послов для преодоления таможенных рогаток. Продажа товаров, принадлежащих сиамскому королю, при этом, как правило, по-

[30] Для сравнения можно указать, что судно, на котором Фалькон плыл в Сингору, стоило 80 бат (E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 248), а годовое жалование помощника артиллериста (должность, которую занимал Фалькон на службе у компании) было еще меньше.

[31] [Beze], *Mémoire...*, p. 9.

ручалась мусульманским купцам (индийцам и персам). Фалькону удалось добиться, чтобы эта миссия при очередном посольстве была возложена на него. При подсчете выручки оказалось, что прибыль, полученная Фалькоком, вдвое превышала обычную![32] (Не исключено, впрочем, что здесь дело не обошлось без дотации английской Ост-Индской компании.) Восхищенный коммерческими и организаторскими способностями Фалькона, король приблизил его к себе.

Вскоре греческий авантюрист стал пользоваться при сиамском дворе очень большим авторитетом. По мнению ряда западных авторов, как современников Фалькона, так и позднейших исследователей, он даже начал определять внешнюю и внутреннюю политику Сиама. Это мнение, однако, ошибочно.

Фалькон, безусловно, оказывал весьма значительное влияние на короля Нарая, особенно в последние два-три года его правления. Но, как показывают факты, даже в эпоху наивысшего могущества Фалькона во многих случаях сиамская внешняя политика проводилась вопреки его желаниям. Скорее напротив, могущество Фалькона объяснялось тем, что он всегда с исключительной ловкостью применялся к поворотам сиамской внешней политики, которую король Нарай и поддерживавшая короля группа феодалов начали проводить еще задолго до появления в Сиаме Фалькона.

Отвергая руководящую роль Фалькона в сиамской внешней политике 80-х годов XVII в., следует тем не менее признать, что деятельность Фалькона, всегда заботившегося прежде всего о собственных интересах, а затем об интересах своих английских или французских хозяев, в значительной мере усугубила последствия ошибочной политики короля Нарая, Так, ошибка короля Нарая, состоявшая в том, что в борьбе с голландцами он готов был пустить на территорию Сиама войска других европейских держав и даже позволить им сооружать здесь крепости, была позднее мастерски использована и раздута Фалькоком во время французской интервенции в Сиаме.

Одним из первых поручений Нарая Фалькону была разработка плана военных укреплений. Не имея специального инженерного образования, Фалькон, однако, быстро составил такой план, «с помощью англичан», как замечает хорошо осведомленный иезуит де Без[33]. Осуществление этого плана также было поручено Фалькону и его советникам. Строительство велось с большим размахом. Насколько вновь построенные крепости увеличили военную мощь Сиама, не ясно[34]. Но несомненно, что новая барщина легла тяжелым бременем на плечи сиамских крестьян. Даже очень расположенный к Фалькону де Без пишет о глубоком возмущении народа, о письменных и устных жалобах крестьян.

Недовольство действиями Фалькона проникло и в сиамское правительство. Во главе оппозиции стал наиболее влиятельный из министров Нарая пракланг Пья Коса Тибоди. Он протестовал против строительства крепостей европейского типа, ссылаясь на то, что у сиамцев нет опыта их обороны. Кроме того, он обвинил Фалькона в том, что тот «по неопытности» возводит крепости таким образом и в таких местах, что противнику будет нетрудно их захватить и использовать как свои опорные пункты в войне против Сиама[35].

Защищаясь, Фалькон выдвинул против пракланга встречное обвинение: тот, дескать, хулит его реформу потому, что получил взятку от мусульманских купцов. Борьба окончилась победой Фалькона. Пья Коса Тибоди по приговору королевского суда был смещен с должности и подвергнут жестокому телесному наказанию, в результате которого умер (1683).

После этого Нарай предложил пост пракланга Фалькону, но тот благоразумно отказался, «чтобы не возбуждать к себе еще большей ненависти»[36]. По-видимому, и сам король понимал, что официальное назначение иностранца сомнительной репутации на один из важнейших постов в стране вызовет взрыв всеобщего возмущения. Поэтому вплоть до самой смерти Фалькону приходилось довольствоваться скромным званием королевского казна-

[32] Ibid., pp. 10—11.

[33] Ibid., p. 13.

[34] Во всяком случае показательно, что несколько лет спустя, собираясь вступить в войну с голландцами, Нарай готов был отдать приказание срыть эти крепости (E. Hutchinson, *Four french state manuscripts....* p. 222).

[35] [Beze], Mémoire..., p. 13.

[36] Ibid.

чея (ойя вичайен), хотя европейцы в переписке с ним неизменно называли его первым министром [37].

Благодаря щедрым подаркам короля, беззастенчивому казнокрадству и ведению крупных торговых операций ниццй Фалькон быстро превратился в богатейшего человека в Сиаме. Ему лично принадлежало несколько торговых судов. В Аютии и Луво (Лопбури) — летней резиденции короля — он построил себе по роскошному каменному дворцу. Фалькона обслуживали сотни рабов.

Чувствуя непрочность своего положения, он щедрой рукой подкармливал всех европейских авантюристов и в скором времени создал личную гвардию из нескольких десятков англичан и португальцев. Уже в начале своей карьеры он стал продвигать на важные государственные посты тесно связанных с ним европейцев.

На раннем этапе своей деятельности в Сиаме Фалькон, естественно, отдавал предпочтение англичанам. Так, ему удалось добиться назначения Сэмюэля Уайта, уже служившего в сиамском флоте, шабандаром (комендантом) порта Мергуи [38]. Это внешне скромное звание на деле давало его носителю огромную власть. Шабандару Мергуи была поручена оборона всего западного побережья Сиама. Ему были подчинены все морские и сухопутные вооруженные силы в этом районе и весь королевский торговый флот. Ему же принадлежало право сбора всех пошлин и налогов в провинции Тенассерим.

На должность губернатора Мергуи Фалькон сумел продвинуть своего бывшего шефа Ричарда Барнеби, который летом 1682 г. оставил службу в компании, хотя и сохранил с ней тесные связи [39]. Бывший служащий английской фактории Томас Иветт был назначен заведующим сиамской факторией в Масулипатаме [40].

Деятельность Барнеби, Сэмюэля Уайта, Иветта и других англичан на сиамской службе принесла мало пользы Сиаму и немалые выгоды Ост-Индской компании. Корабли компании, заходившие в Мергуи, стали пользоваться

[37] Пост первого министра (чакри) в эти годы оставался вакантным.

[38] M. Collis, *Siamese White...*, p. 66.

[39] В начале 1682 г. Барнеби, обвиненный в служебных злоупотреблениях, был отозван в Бантам. Там он, однако, быстро добился реабилитации, после чего вернулся в Аютию, где поступил на сиамскую службу (J. Anderson, *English intercourse...*, p. 172).

[40] M. Collis, *Siamese White...*, p. 55.

особыми привилегиями и преимущественными правами по сравнению с кораблями всех других стран. Дело дошло до того, что, когда принадлежавший компании корабль «Голден флис» потерпел аварию недалеко от Мергуи, Уайт приказал полностью отремонтировать его за счет сиамского государства [41].

Тесные связи Уайта и Барнеби с руководителями английских факторий в Индии выражались и в том, что они неоднократно участвовали в качестве компаньонов в различных торговых предприятиях этих факторий. Томас Иветт, работая сиамским фактором в Масулипатаме, также оказывал немаловажные услуги Ост-Индской компании, заключая с ней сделки, явно невыгодные для Сиама. В результате одной такой сделки (когда член Мадрасского совета компании Елиху Йель предложил рубины для сиамского короля) англичане получили настолько неоправданно большую сумму, что даже Фалькон был вынужден отменить эту покупку и вернуть рубины [42].

Немалые убытки сиамская казна потерпела и от методов «руководства торговлей», которые Уайт применял в провинции Тенассерим. Он заставил восточных купцов, прибывавших в Мергуи, продавать ему свои товары за ничтожную цену (несогласных тут же бросали в тюрьму). Затем он перепродавал эти товары государству по предельно высокой цене, а разницу делил с Фальконом. Большой доход приносили Уайту и Барнеби также ассигнования на строительство укреплений. Значительную часть этих денег они клали себе в карман [43].

Постепенно вытесняя из местного аппарата сиамцев и «мавров», Уайту удалось почти целиком заполнить его своими людьми. Число англичан, нахлынувших при нем в Мергуи, достигало 200 человек [44].

[41] Ibid., pp. 80—81.

[42] «Records...», vol. IV, pp. 186—188. — Елиху Йель впоследствии стал председателем Мадрасского совета компании.

[43] M. Collis, *Siamese White*, pp. 118—119.

[44] В качестве типичного представителя этой клики можно назвать хотя бы секретаря и ближайшего помощника Уайта Френсиса Давенпорта, оставившего интересные записки. Американец по происхождению, он вынужден был бежать из Бостона в Англию, спасаясь от судебного преследования. Здесь он вновь нарушил уголовный кодекс, в результате чего ему пришлось перебраться на Восток. В Бирме за какие-то преступления он был продан в рабство. Вскоре, однако, его выкупил известный армянский купец Иосиф Маркорян. После этого Давенпорт поступил на службу к Сэмюэлю Уайту, который предло-

4. УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СИАМОМ И АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИЕЙ

С конца 70-х годов XVII в. поведение англичан в Сиаме становится все более вызывающим. Так, в 1679 г. английский инженер, состоявший на сиамской службе, Джордж Лоуренс был уличен в убийстве трех человек. Переданный властям Ост-Индской компании в Бантаме, он вскоре опять каким-то образом очутился на свободе [45]. В 1682 г. разыгрался скандал с Ральфом Лембтоном, братом члена Суратского совета компании. Р. Лембтон получил взаймы от сиамского правительства торговый корабль со значительным грузом олова, меди и других товаров для продажи в Сурате. Однако, когда речь зашла о возврате долга, он наотрез отказался платить и удержал корабль (май 1683 г.). Пракланг был вынужден направить английской компании специальную ноту. Но протест сиамского правительства остался безрезультатным. По-видимому, он даже не рассматривался правлением Ост-Индской компании [46].

Возмущение сиамцев вызвало также поведение нового главы английской фактории в Сиаме Сэмюэля Поттса, который занял этот пост в феврале 1682 г. (вскоре после отставки Барнеби). Подавляющее большинство современников характеризует его как человека, достигшего полного морального разложения. Пользуясь статусом экстерриториальности, сознавая свою безнаказанность, Поттс делал все, что хотел. Некоторые из «подвигов» Поттса кратко излагаются в ноте короля Нарая Ост-Индской компании Англии от 11 августа 1687 г.: «Самюэль Поттс, уполномоченный Английской Компании, в 2226 г. (1682 г.— *Э. Б.*) ...собрал несколько хулиганов, которые нарушали покой королевской столицы... своими постоянными дебошами и стрельбой из мушкетов на улицах по ночам, несмотря на строгое запрещение министров Его Величества. Когда же власти задержали одного из главарей этих

жил ему 90 ф. ст. в год (сумма, в 4,5 раза превышавшая жалованье английского фактора в Мадрасе). Одной из его обязанностей был строгий учет награбленных сокровищ (в числе их находилось, между прочим, и имущество его благодетеля Иосифа Маркоряна, у которого было захвачено два корабля). Впоследствии Давенпорт не задумываясь предал и самого Уайта (M. Coll's, *Siamese White*, p. 99).

[45] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 148.

[46] Ibid., pp. 171—178, 199.

бродяг, упомянутый Сэмюэль Поттс и его приверженцы вырвали его из рук правосудия, применив оружие» [47].

Разгульный образ жизни, который вел английский фактор, требовал больших денег. Чтобы пополнить свои средства, Поттс стал прибегать к систематическим хищениям во вверенной ему фактории. Так, в одном из представленных им правлению компании актов на списание испорченных товаров он упоминает 500 ящиков японской меди, ...съеденных муравьями [48].

Когда же общая сумма растрат достигла такой величины, что ее стало невозможно объяснить даже с помощью фантастических муравьев, Поттс решился на крайнюю меру. В ночь на 6 декабря 1682 г. английская фактория внезапно загорелась. Вскоре прибыли сиамские пожарные. Пожар, по-видимому, можно было еще потушить, но Поттс запер дверь фактории и никого туда не допускал [49]. Фактория и ряд прилегающих к ней зданий сгорели дотла. Убытки сиамского правительства в результате разрушения арендованных англичанами зданий оценивались в 16 тыс. бат. Сразу же после пожара, как и позднее, многие, в том числе и соотечественники Поттса, прямо обвиняли его в поджоге фактории. К этому же выводу склоняются и современные исследователи [50].

Сам Поттс также выдвинул версию о поджоге, но приписал его, конечно, не себе, а сиамцам. Специальная комиссия Стренга, присланная Ост-Индской компанией осенью 1683 г., допросила ряд свидетелей — англичан и не пришла ни к какому определенному заключению. Администрация компании, по-видимому, решила, что с Поттса теперь все равно уже нечего взять, а самый факт пожара в фактории еще можно будет использовать. Дело это, таким образом, временно заглохло, чтобы впоследствии снова всплыть как один из основных предлогов для английской агрессии против Сиама.

Своими действиями Поттс настолько скомпрометировал себя в глазах сиамцев, что даже английскому агенту Фалькону пришлось отречься от него. Это не означало, разумеется, что Фалькон порвал и с английской Ост-Индской компанией. Но к этому времени двадцатилетний

[47] «Records...», vol. IV, p. 185.

[48] A. Hamilton, *A new account...*, vol. II, p. 169.

[49] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 174.

[50] Ibid.; E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 78.

опыт отношений с компанией после ее возвращения в Сиам показал правительству Нарая тщетность надежд получить от Англии какую-либо реальную помощь, и Фалькон, который, как уже говорилось, никогда не был (и не мог быть) ведущей фигурой сиамской внешней политики, независимо от своих симпатий и антипатий, также вынужден был изменить свою политику.

Переломный момент в отношениях между английской Ост-Индской компанией и Сиамом наступил еще весной 1682 г. после изгнания англичан из Бантама по требованию голландцев. Это событие нанесло непоправимый удар престижу Англии в Сиаме. 12 апреля англичане выехали из Бантама [51], а уже в мае Фалькон, как чуткий барометр, отражавший состояние политической погоды, сделал явный шаг к сближению с Францией — внезапно с большим шумом и театральными эффектами отрекся от «протестантской ереси» и вернулся в лоно католической церкви. В мае же он вступил в серьезный конфликт с английской Ост-Индской компанией [52].

Незадолго до этого сиамское правительство потребовало, чтобы Ост-Индская компания платила за пользование предоставленными ей ранее безвозмездно зданиями [53]. Это мотивировалось тем, что льготы, которые компания получила в Сиаме, не уравновешиваются выгодами от ее импорта. После скандала с Лембтоном ведомство пракланга перестало авансировать английскую факторию и заключать с ней сделки на льготных основаниях. Наконец, сиамское правительство решительно потребовало возвратить заем, полученный Гиббоном, Рамсденом и Сангером еще в 1675 г. (из 32 тыс. бат к 1682 г. было возвращено только 12 тыс.). Правление Ост-Индской компании в Лондоне, однако, не признало этого долга, заявив, что Гиббон и его коллеги были неправомочны брать заем [54].

Чтобы ослабить напряженность и не порывать окончательно с англичанами, Фалькон выразил готовность пойти на компромисс. Барнеби во время своего руководства факторией предоставил ему авансом, для продажи в Японии, тканей на сумму около 25 тыс. бат. Теперь, в мае 1682 г., Фалькон предложил Поттсу сбалансировать этот долг с долгом английской компании Сиаму и получить остаток оловом и медью. Таким образом, аютийская фактория англичан избавлялась от необходимости платить наличными огромную сумму, что было для нее практически невозможно, и одновременно получала дефицитный товар по приемлемым ценам (не оставался, конечно, в обиде и сам Фалькон).

Но Поттс наотрез отверг предложение Фалькона и требовал, чтобы тот внес всю сумму долга английской фактории. Однако Фалькон этого не сделал.

Только после пожара в фактории, когда дела ее пришли уже в совершенный упадок, Поттс согласился на сбалансирование долгов и получил остаток японской медью. Тем не менее сделка эта не была признана Ост-Индской компанией, и требование возврата «долга Фалькона» впоследствии вошло в ультиматум, предъявленный компанией Сиаму.

5. ПОСОЛЬСТВО СТРЕНГА

В сентябре 1683 г. в Сиам из Лондона прибыли представители Ост-Индской компании Вильям Стренг (глава посольства) и Томас Йель. Основной целью их миссии было заключение выгодного торгового договора с сиамским правительством, а также выяснение обстоятельств пожара в английской фактории.

Вскоре после приезда послы были приняты праклангом. Им были оказаны соответствующие почести. Однако высокомерный тон Стренга и требование односторонних уступок мало способствовали успеху переговоров. Крайняя бестактность английских представителей заключалась уже в том, что они вручили праклангу письмо

---

[51] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 171.

[52] Любопытно, что ни один из западных исследователей, придающих огромное значение тончайшим нюансам личных взаимоотношений Фалькона с английскими и французскими деятелями, не обратил внимания на это вряд ли случайное хронологическое совпадение. Так, Хатчинсон объясняет решение Фалькона переменить хозяев красноречием французского торгового агента в Сиаме Буро-Деланда (E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 85), тогда как гораздо большее влияние на это решение оказала конкретная расстановка сил европейских держав на Востоке к тому времени.

[53] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 159.

[54] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 71.

от Карла II японскому императору с просьбой переправить это письмо адресату и в то же время не привезли аналогичного послания сиамскому королю, хотя прибыли непосредственно из Лондона. Нараю и пракланту были адресованы лишь письма за подписью директоров Ост-Индской компании. С точки зрения сиамского двора, где дипломатическому этикету придавалось исключительное значение, это было оскорблением [55].

В начале переговоров Стренг в резкой форме потребовал немедленной высылки из Сиама всех интерлоперов, нарушавших торговую монополию компании на Востоке. На это пракланг с достоинством ответил, что Сиам равно открыт для торговцев всех национальностей, независимо от того, принадлежат ли они или не принадлежат к какой-либо компании. При этом он дал понять, что защита монополии Ост-Индской компании отнюдь не входит в обязанности сиамского правительства, а это дело самой компании. Она может защищать свои права как хочет и где хочет, но только не на чужой (в данном случае — сиамской) территории. Для того чтобы Стренг крепче усвоил эту истину, пракланг на следующий прием одновременно с ним пригласил известного английского контрабандиста Пайна и ряд других интерлоперов.

После такого малообещающего начала стороны приступили к обсуждению пунктов торгового договора. Здесь Стренг также выдвинул неприемлемые для Сиама условия. Он потребовал, чтобы Сиам ежегодно закупал английских товаров на сумму 30 тыс. ф. ст. [56] (подразумевалось, что ассортимент товаров будет определять Ост-Индская компания). На это пракланг резонно возразил, что в Сиаме нет сбыта и для тех товаров, которые Ост-Индская компания засылала в страну до сих пор. Он заметил, что практика отправки в Сиам из Сурата и Мадраса залежалых товаров, не нашедших сбыта в Индии, вряд ли принесет прибыль компании. Качество и ассортимент товаров, привезенных непосредственно из Англии

[55] Тем не менее письмо к японскому императору было принято с обещанием передать его при первой возможности. Пракланг при втом ограничился лишь ироническим вопросом, не собираются ли англичане отречься от христианства, поскольку, как известно, в Японию христиане не допускаются (J. Anderson, *English intercourse...*, p. 202).

[56] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 77.

на корабле Стренга и Йеля, также были подвергнуты критике. Для Сиама первоочередной интерес представляло английское оружие. Кроме того, сиамское правительство было заинтересовано в английских железных изделиях [57]. А всего этого послы не предлагали.

Серьезный конфликт вызвало требование Стренга об отмене государственной торговой монополии в Сиаме на медь в пользу Ост-Индской компании. Когда оно было отвергнуто, Стренг стал тайно скупать медь на черном рынке. Эти махинации вскоре были раскрыты, и ему предложили покинуть Сиам [58].

Разгневанный столь «непочтительным» обращением, Стренг приказал всему персоналу английской фактории выехать вместе с ним. Попытки примирения, предпринятые вторым участником посольства Томасом Йелем, который был сторонником более гибкой политики и продолжал поддерживать дружеские отношения с Фальконом, не увенчались успехом. Покидая в январе 1684 г. Сиам, Стренг направил Фалькону письмо, полное угроз и оскорблений. Одновременно он обратился к властям Ост-Индской компании с предложением немедленно начать агрессивные действия против Сиама.

6. ПОСОЛЬСТВА ХАРБИНА И КУН ПИЧАЙ ВАЛИТА

Предложение Стренга нашло сочувственный отклик в Лондоне и было учтено впоследствии в конкретном плане нападения на Сиам и Могольскую империю, разработанном тогдашним президентом английской Ост-Индской компании Джошуа Чайлдом. В Суратском совете компании Стренг, напротив, получил большой нагоняй. Члены Суратского совета считали, что он действовал слишком грубо и не использовал всех возможностей мирного (т. е. более дешевого) утверждения в Сиаме. Особенно резкому осуждению подверглось оскорбительное поведение Стренга по отношению к Фалькону. Руководители Суратского совета в 1684 г. еще имели достаточные основания считать Фалькона своим человеком.

Чтобы исправить промахи Стренга, в начале 1685 г. из Сурата в Сиам было направлено новое посольство,

[57] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 204.

[58] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 83.

в состав которого наряду с участником прежнего посольства Томасом Йелем входили также видные служащие компании Роберт Харбин (глава посольства) и Даниэль Гиффорд [59].

Сам Фалькон также не собирался окончательно порывать с Ост-Индской компанией. Оскорбления Стренга мало подействовали на его самолюбие. Уже спустя несколько дней после отъезда Стренга из Аютии он отправляет в Англию письма и богатейшие подарки королю Карлу II, его министрам, директорам компании, членам парламента и другим влиятельным лицам. Распределением подарков должен был руководить находившийся в то время в Англии бывший хозяин и компаньон Фалькона Джордж Уайт.

Подарки были погружены на судно, принадлежавшее английскому интерлоперу, которое должно было также доставить сиамское посольство — Кун Пичай Валита и Кун Пичит Майтри во Францию. Хотя посольство это официально направлялось только ко двору Людовика XIV, однако первую свою остановку в Европе оно сделало в Лондоне. Послов принял Карл II. Никаких конкретных соглашений при этом не было достигнуто, но слух о заключении англо-сиамского договора распространился довольно широко. Даже в начале XVIII в. английские торговцы, посещавшие Сиам, продолжали ссылаться на этот несуществовавший договор, по которому Ост-Индской компании якобы были предоставлены большие торговые привилегии [60]. Позднейшие исследователи опровергают факт заключения договора [61].

Перед Кун Пичай Валитом и Кун Пичит Майтри была несомненно поставлена задача в последний раз попытаться заключить с Англией соглашение о военном союзе против Голландии. Об этом, конечно, больше всего хлопотал Фалькон, интересы которого, даже после полного разрыва Сиама с Англией, оставались тесно связанными с ней (там хранилась значительная часть его капиталов). Заключение союза с Англией в этот период не могло служить препятствием для переговоров с Францией, так как, хотя интересы Франции и Англии сталкивались на Востоке, формально эти государства были союзниками.

[59] Ibid., p. 91.
[60] A. Hamilton, *A new account...*, p. 182.
[61] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 243.

Но неофициальные переговоры сиамской делегации в Лондоне, несмотря на посредничество Джорджа Уайта, не увенчались успехом. Правда, король Яков II, сменивший в начале 1685 г. Карла II, обратился к Фалькону с очень любезным письмом, в котором называл его своим возлюбленным другом и горячо благодарил за подарки. Письмо это, однако, не содержало никаких конкретных обещаний [62]. (К тому же, по всей вероятности из-за противодействия руководителей Ост-Индской компании, оно достигло Сиама только полтора года спустя — за несколько месяцев до открытого нападения Англии на Сиам, когда оно могло послужить только одной цели — усыплению бдительности сиамцев.)

Не принесло конкретных результатов и посольство Харбина, Гиффорда и Йеля, несмотря на то что оно было подготовлено значительно лучше, чем посольство Стренга. Подробная инструкция, составленная для послов Сиратским советом, предписывала им проявлять максимум такта и вежливости, особенно по отношению к Фалькону. В случае неудачи такой политики послы, однако, должны были перейти к угрозам. В число требований, которые посольству предстояло выдвинуть, помимо претензий, уже предъявленных Стренгом, входило также требование уступить компании какой-либо остров у сиамского побережья с правом его укреплять [63].

Но Ост-Индской компании больше ничего не удалось выторговать у короля Нарая. Посольство Харбина прибыло в Аютию в октябре 1685 г., в самый разгар торжеств по случаю приезда первого французского посольства [64]. В обстановке, когда военный союз между Францией и Сиамом, казалось, был уже предрешен, английских послов ожидал очень сухой прием. Обещаниям англичан больше уже никто не верил, а их угрозы никого не страшили. Дело ограничилось возобновлением деятельности английской фактории. Однако она просуществовала на этот раз менее года: прежде чем посольство Харбина достигло Аютии, в Лондоне уже было решено начать войну против Сиама.

[62] «Records...», vol. III, p. 340.
[63] Ibid., vol. III, pp. 294, 349, 352.
[64] С французским посольством вернулось в Сиам и посольство Кун Пичай Валита.

7. ПЛАНЫ АНГЛИЙСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СИАМА

Уже в 1682 г. Сэмюэль Поттс во время конфликта из-за долга Гиббона, обращаясь к директорам английской Ост-Индской компании, предлагал «послать флот, чтобы захватить сиамские суда на пути из Японии» [65].

Осенью 1684 г. неофициальный представитель английской компании в Сиаме Сэмюэль Бэррон, который прибыл в Аютию вскоре после отъезда Стренга, направил руководству компании подробный план ведения войны против Сиама, основанный на тщательном изучении местной обстановки. Ссылаясь на опыт голландской агрессии против Сиама в 1649 г., он утверждал, что для победы над Сиамом потребуются сравнительно небольшие силы. По его мнению, для этого достаточно было бы послать два крупных (50—60-пушечных) и два малых (10—15-пушечных) военных корабля. Эту эскадру он предлагал разделить на две группы. Одна из них должна была крейсировать у входа в Сиамский залив, перехватывая сиамские суда, идущие в Китай и Японию, другая же — «опустошать сиамское побережье..., чтобы поразить ужасом прибрежных жителей, а также уничтожать и захватывать сиамские и индийские суда» [66].

Военные действия на море Бэррон предлагал дополнить экономической и политической диверсиями внутри Сиама. Он советовал, во-первых, переманить многочисленных китайских купцов, проживавших в Сиаме, «в какую-нибудь новую английскую колонию в Южных морях» [67] и, во-вторых, спровоцировать антиправительственные восстания в малайских княжествах Южного Сиама (Патани, Сингоре и др.). По мнению Бэррона, малайцев легко было «побудить к восстанию против короля и к подчинению достопочтенной Компании» [68]. Бэррон даже представил предварительную смету расходов, необходимых для организации мятежей. Он оценивал эти расходы в 5—6 тыс. долл. [69].

План Бэррона попал в Лондон в начале лета 1685 г. и сразу же получил горячую поддержку со стороны пре-

[65] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 71.
[66] «Records...», vol. III, pp. 326—329.
[67] Ibid.
[68] Ibid.
[69] Ibid.

зидента английской Ост-Индской компании Джошуа Чайлда, который, со своей стороны, дополнил его важным пунктом — захватом Мергуи.

Большинство буржуазных исследователей истории английской Ост-Индской компании вообще не упоминает, а некоторые прямо отрицают наличие территориальной экспансии в политике компании в XVII в. Факты тем не менее свидетельствуют, что уже тогда деятельность компании в странах Востока отнюдь не ограничивалась одной лишь торговлей. И хотя политика Чайлда и по своему размаху и по своим результатам не может идти ни в какое сравнение с захватнической политикой Ост-Индской компании в XVIII—XIX вв., можно с полным основанием сказать, что он был одним из первых руководителей Ост-Индской компании, планировавших и начавших осуществлять территориальную экспансию. При этом в рассматриваемом случае речь шла об агрессии не только против одного Сиама.

Планы, разработанные Джошуа Чайлдом и Советом директоров Ост-Индской компании, включали также нападение на империю Великих Моголов. Основным театром военных действий должен был стать Бенгальский залив. Предполагалось, что после заблаговременной эвакуации английских торговых факторий из Бенгала английские корабли внезапно нападут на Читтагонг, высадят десант и захватят город. Затем, укрепив Читтагонг, опираясь на него, перейдут к осаде Дакки, одновременно уничтожая суда Могольской державы в открытом море [70].

На восточном побережье Андаманского моря в то же время планировалось осуществить захват Мергуи. При этом преследовалось несколько целей: во-первых, получить удобную военно-морскую базу с прекрасной гаванью и богатыми запасами корабельного леса и провианта; во-вторых, лишить французов возможности завладеть этим портом (базируясь одновременно на Мергуи и Пондишери, французы, независимо от времени года, могли бы господствовать в Бенгальском заливе; в таком же точно положении оказались бы и англичане, владея Мергуи и фортом Сен-Джордж в Мадрасе); в-третьих, наложить руку на торговый путь Мергуи — Бангкок. В отличие от голландцев, стремившихся вообще закрыть этот путь,

[70] M. Collis, *Siamese White*, p. 190.

конкурировавший с торговым путем через индонезийские проливы, и французов, которые хотели завладеть Мергуи, чтобы противопоставить этот путь голландскому, правление английской Ост-Индской компании рассчитывало использовать свое господство в Мергуи для обогащения чисто паразитическим способом. Мергуи, как отмечал Джошуа Чайлд в секретной инструкции Мадрасскому совету компании, важен для компании не столько в торговом, сколько в финансовом отношении, так как главная цель английской Ост-Индской компании на Востоке — сбыт европейских товаров (Мергуи всегда был прежде всего центром торговли восточными товарами). Владея Мергуи, по мнению Чайлда, компания могла бы поднять как угодно высоко пошлины на товары, привозимые местными и мусульманскими (т. е. индийскими, арабскими и персидскими) купцами [71]. Таким образом, Ост-Индская компания Англии в дальнейшем без всяких затрат со своей стороны имела бы солидный постоянный источник доходов.

Правительство Якова II одобрило планы Джошуа Чайлда и Совета директоров компании. Был отдан приказ снарядить эскадру из 10 судов во главе с вице-адмиралом Николсоном. Для действий на суше эскадре придали шесть рот пехоты [72] — весьма значительную силу по тем временам.

Теперь необходимо было только найти какой-нибудь удобный предлог для объявления войны Сиаму. Несмотря на то что Джошуа Чайлд еще в июне 1685 г. направил Суратскому и Мадрасскому советам приказание захватывать и конфисковать товары, принадлежащие сиамскому королю и его подданным [73], местные власти компании не решились немедленно начать враждебные действия, так как это вызвало бы взрыв возмущения во всех странах Востока. Претензии к Сиаму, накопившиеся у Ост-Индской компании к лету 1685 г., были слишком ничтожны, чтобы оправдать развязывание войны. Но их можно было создать искусственно. Эту «задачу» англичан облегчила так называемая голкондская война, разразившаяся в конце 1685 г.

[71] «Records...», vol. IV, p. 39.
[72] M. Collis, *Siamese White*, p. 190.
[73] «Records...», vol. III, p. 371.

8. ГОЛКОНДСКИЙ ИНЦИДЕНТ

В изложении «голкондской войны» как у ее современников, так и у позднейших историков много неясностей и противоречий. Эти противоречия доходят до того, что если одни авторы говорят о сиамо-голкондской войне, как о реальном факте [74], то другие отрицают самый факт ее как таковой [75]. Еще бóльшая разноголосица царит в вопросе о причинах этой войны. Тут и бегство в Голконду проворовавшегося сиамского чиновника, и оскорбленное самолюбие Сэмюэля Уайта, и христиано-мусульманская вражда, и торговое соперничество, и интриги Фалькона [76]. Главной же и едва ли не единственной причиной реально происшедшего голкондского инцидента, которая выявляется при непредубежденном анализе материалов, была хорошо продуманная и тщательно подготовленная провокация со стороны английской Ост-Индской компании. На это указывает вся последовательность фактов.

Как сообщают современники событий, вплоть до 80-х годов XVII в. Сиам находился с Голкондой в неизменно дружественных отношениях [77]. Только с начала 80-х годов, когда прием англичан на сиамскую службу принял особенно массовый характер, а капитаном (впоследствии — адмиралом) сиамского флота в Бенгальском заливе был назначен Сэмюэль Уайт, — только после этого сиамо-голкондские отношения стали резко ухудшаться. Это несомненно было следствием вызывающего поведения английских моряков в индийских портах и режима террора по отношению к мусульманским купцам в сиамских портах, установленного Уайтом и его покровителем Фальконом.

Особенно напряженным положение стало с конца 1683 г., когда Сэмюэль Уайт и Ричард Барнеби фактически получили в свои руки всю полноту власти на западном побережье Сиама. Едва обосновавшись здесь, они начали энергичное строительство военного флота, который, по мысли короля Нарая, должен был обеспечить оборону страны в случае нападения Голландии. Однако Фалькон

[74] F. T. Choisy, *Journal...*, p. 185.
[75] M. Collis, *Siamese White*, p. 205.
[76] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, pp. 322—324.
[77] «Dagh-Register... 1663», p. 659; J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 40, 233.

и Уайт готовили для строившихся судов иное назначение. Опираясь на этот флот, они рассчитывали нанести решительный удар не только голкондской торговле, но и всему «туземному» мореходству в районе Бенгальского залива.

Ловко используя действительные и мнимые конфликты с индийскими и бирманскими властями, Фалькон в конце 1684 г. добился решения сиамского правительства направить «карательную экспедицию» против Голконды и Пегу, в случае если их правительства не удовлетворят требования Сиама. Эти требования им должен был передать чрезвычайный сиамский посол. Однако прежде чем снаряженные Уайтом суда для доставки посольства и — при его неудаче — для карательных действий вышли из Мергуи, туда прибыл приказ Нарая отменить экспедицию. Причиной этому послужили, с одной стороны, энергичные протесты проживавшего в Сиаме влиятельного индийского купечества, которое направило ко двору специальную делегацию, а, с другой стороны, мнение большинства членов сиамского правительства о том, что подобная авантюра не принесет Сиаму ничего, кроме вреда [78]. Фалькон на сей раз, несмотря на все свое красноречие и влияние, потерпел поражение.

Тем не менее, по распоряжению Уайта (несомненно, согласованному с Фальконом), эскадра в начале 1685 г. вышла в море. Поскольку вариант с отправкой посольства отпал, Уайт, чтобы как-то мотивировать отправку экспедиции, официально приказал командиру эскадры капитану Котсу направиться в голкондский порт Мадаполам, чтобы заказать на тамошней верфи несколько кораблей. В тайной инструкции Котсу предлагалось, когда постройка этих судов будет почти закончена, придраться к тому, что она якобы умышленно затягивается, и начать военные действия. В этой инструкции содержалось также указание захватывать все встречные суда, за исключением принадлежащих английской Ост-Индской компании [79].

Прежде чем идти в Мадаполам, Котс, согласно той же инструкции, направился в Мадрас. Здесь, в центре Ост-Индской компании на Коромандельском побережье, его ожидал самый радушный прием. С помощью компании

[78] M. Collis, *Siamese White*, p. 83.
[79] Ibid., p. 83.

Котс быстро укомплектовал свой экипаж английскими, голландскими, французскими и датскими авантюристами, проживавшими в Мадрасе (большинство из них, как показали дальнейшие события, состояло на службе компании или находилось под ее юрисдикцией). Кроме того, Ост-Индская компания снабдила Котса провиантом, амуницией, боеприпасами и, что было особенно важно, артиллерией. Снаряженная таким образом эскадра Котса в мае 1685 г. отплыла из Мадраса в Мадаполам [80].

Здесь Котс заключил договор на постройку трех кораблей и стал выжидать удобного момента для нападения. Ему удалось существенно увеличить свои силы, завербовав международного авантюриста дона Жозефа де Хередиа, владельца крупного, хорошо вооруженного судна.

В ноябре 1685 г., когда постройка заказанных кораблей была уже близка к окончанию, в Мадаполам прибыло судно «Новый Иерусалим», принадлежавшее жителю Мадраса, богатому армянскому купцу Иоанну Маркоряну, с грузом драгоценных камней, общей стоимостью 500 тыс. ф. ст. (сумма, колоссальная по тем временам [81]). Это обстоятельство ускорило пиратское выступление Котса и Хередии.

В ночь на 21 ноября они внезапно напали на стоявшие в гавани «Новый Иерусалим» и судно короля Голконды «Красная гвоздика» и захватили их, а затем подвергли артиллерийскому обстрелу город Нарсапур. Потом они стали крейсировать вдоль берегов, грабя и топя суда [82]. Это нападение Котс мотивировал в точности по инструкции Уайта. Захват же судна Иоанна Маркоряна он объяснил тем, что тот якобы занимает официальный пост в Бирме, с которой Сиам воюет. Последнее объяснение было не более основательно, чем первое: властям Бирмы не предъявлялось никаких нот с претензиями [83], и никакой войны с ней Сиам тогда не вел.

Возмущение пиратскими действиями Котса охватило все государства на побережье Бенгальского залива. Веко-

[80] Ibid., p. 85.
[81] Жалование фактора в Мадрасе составляло 20 ф. ст. в год (M. Collis, *Siamese White*, p. 102).
[82] Особенно интересовали их суда, груженные рисом, так как в Индии тогда был жестокий голод.
[83] M. Collis, *Siamese White*, p. 87.

вая торговля Сиама с Коромандельским побережьем была прервана, чего собственно и добивались англичане. Им оставалось только прибрать ее к своим рукам. Но удар, нанесенный действиями Котса сиамской торговле, неожиданно отозвался и на самой Ост-Индской компании Англии.

Индийцы, разумеется, были не настолько наивны, чтобы не понимать, кто стоит за спиной Котса и Уайта. Подробности комплектования и снабжения этой якобы сиамской эскадры, конечно, им были известны. Более того, они знали, что английская фактория в Мадаполаме уже после нападения Котса передала ему восемь пушек с ядрами [84]. Терпение голкондских властей истощилось.

В конце ноября губернатор Масулипатама Алибек вызвал к себе представителя английской Ост-Индской компании Фримена и, прямо обвинив компанию в подготовке нападения Котса, объявил о приостановке ее торговли до тех пор, пока конфликт не будет разрешен [85]. Власти Ост-Индской компании немедленно отреклись от Котса и постарались представить дело так, будто они сами жертвы его пиратских действий (этот довод впоследствии очень пригодился компании как обоснование агрессии против Сиама). Представители компании взяли на себя миссию «умиротворителей» и заставили Котса возвратить Иоанну Маркоряну его товары. При этом Котс, правда, успел припрятать рубинов на 4 тыс. ф. ст. Но эта сумма была ничтожна по сравнению с полумиллионной добычей, которую он безропотно отдал по первому требованию компании (еще одно доказательство ее огромного влияния на Котса и других «независимых» англичан на сиамской службе).

Далее с помощью компании 13 декабря была достигнута договоренность, что Котс возвратит захваченные им суда, а голкондцы предоставят ему полностью законченные корабли, «задержка» в строительстве которых послужила поводом для конфликта. Удовлетворенные соглашением, голкондские власти сняли эмбарго с английских товаров, после чего дипломатическая активность компании сразу затихла [86].

Почувствовавший это Котс вновь обрел вызывающий

[84] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 260.
[85] Ibid., p. 261.
[86] M. Collis, *Siamese White*, p. 88.

тон. 30 декабря, воспользовавшись тем, что в Мадаполаме не было войск, он с вооруженным отрядом в 50 человек попытался захватить местного губернатора. Попытка эта, однако, сорвалась.

Несмотря на вероломство Котса, голкондцы все же выдали ему два корабля. В обмен он отдал одно из задержанных им судов, но «Новый Иерусалим» Маркоряна, вопреки соглашению, удержал у себя. На прощание Котс вновь поднялся по реке к Нарсапуру, обстрелял его и захватил защищавшую город батарею. Прибрежные деревни Рамешвари и Антраведи Котс сжег до тла, а пленных, захваченных им на индийских судах, обратил в рабство. Затем, послав часть эскадры захватывать суда у бирманского побережья, он направился в обратный путь и 20 марта 1686 г. достиг Мергуи [87].

Тем временем известия о пиратских действиях англичан под прикрытием сиамского флага достигли Аютии. Над авантюристами начала собираться гроза. Чтобы обелить себя, Фалькон обвинил во всем Уайта, а тот свалил все на самоуправство Котса. Возмущенный предательством своих покровителей, Котс инсценировал попытку самоубийства. Тогда же к королю поступили многочисленные жалобы на неслыханные вымогательства и беззакония, которые творил Уайт в провинции Тенассериm. Котсу, Херединu и Уайту было предложено явиться ко двору и предстать перед специальной следственной комиссией [88].

Дело, однако, затянулось — сначала из-за болезни Уайта, затем из-за оттяжек, устроенных Фальконом. Последний, получивший значительную долю из награбленного Котсом и Уайтом, прекрасно понимал, что взаимные разоблачения ни к чему хорошему для него не приведут. Поэтому, попугав Уайта опалой и казнью, он добился назначения председателем следственной комиссии самого себя, что, конечно, предрешило оправдание Котса и Уайта. Уайту были возвращены все чины и звания. Котс отделался устной нотацией. Через несколько дней Фалькон произвел его в адмиралы [89].

[87] Ibid., pp. 92—94.
[88] Ibid., pp. 107, 112; J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 278—279.
[89] Показательно, что все оправдательные документы, представленные Уайтом в процессе «разбора» дела, были на английском языке (M. Collis, *Siamese White*, p. 83).

Такая неожиданная развязка не была случайна. Она объясняется, с одной стороны, тем, что в то время (это был период между первым и вторым французскими посольствами в Сиам) Фалькон, благодаря своим дипломатическим успехам, находился на вершине могущества. С другой стороны, немаловажную роль сыграло, конечно, и то обстоятельство, что следствие по делу Уайта хронологически совпало с временем, когда король Нарай уже начал чувствовать себя очень неуверенно среди своих подданных и поэтому, естественно, не желал портить отношения с европейскими наемниками.

9. НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ ПРОТИВ СИАМА. БОРЬБА ЗА МЕРГУИ

Голкондские события дали Ост-Индской компании эффектный предлог для вмешательства в сиамские дела. Теперь оставалось лишь подтянуть необходимые военные силы. Пока же власти компании в Индии не спешили выражать свое негодование пиратскими действиями Котса и Уайта. (Компания ограничилась лишь вручением самому Котсу письменного протеста, который Уайт и Фалькон, естественно, постарались скрыть.) Напротив, было сделано все возможное, чтобы, усыпив бдительность сиамского правительства, обеспечить этим внезапность нападения на Сиам.

19 августа 1686 г. в Аютию прибыло английское судно «Прудент Мери» под командой капитана Сэмюэля Лейка. В задачу Лейка входило заблаговременно вывезти из Сиама персонал английской фактории и ее товары. Для того чтобы сиамское правительство ничего не заподозрило, Лейк был снабжен написанным в самых дружественных тонах письмом президента Суратского совета английской Ост-Индской компании Джона Чайлда (верховного представителя компании на Востоке) к сиамским министрам, а главе аютийской фактории Харбину было дано указание убеждать власти Сиама в том, что эвакуация фактории имеет временный характер [90]. Почти одновременно с прибытием «Прудент Мери» (23 августа) в Аютию было доставлено письмо Якова II к Фалькону, написанное еще в

[90] «Records...», vol. IV, p. 191.

марте 1685 г. [91]. Английские офицеры, доставившие это письмо, добровольно приняли участие в подавлении восстания макассарцев в Аютии в 1686 г. Все это должно было убедить короля Нарая в расположении Англии.

Но после прибытия в Индию осенью 1686 г. эскадры адмирала Николсона компания сразу сбросила маску. Без объявления войны она на всех наиболее оживленных морских путях от Красного моря до Тихого океана начала охоту на сиамские суда. В Мокке (Аравия), в Аче (Суматра), в Баласоре и других индийских портах англичане, не считаясь с международным правом, захватывали корабли сиамцев [92].

В Лондоне тем временем шла энергичная дипломатическая и военная подготовка дальнейшего наступления против Сиама. Министерству иностранных дел было поручено выяснить позицию Франции в случае нападения английской Ост-Индской компании на Сиам и аннексии Мергуи. При этом войну между Англией и Сиамом предполагалось представить как благо для Франции [93].

11 июля 1686 г. Яков II подписал специальный указ, запрещавший английским подданным служить восточным монархам. Корабли восточных государств, на которых были бы обнаружены английские моряки, предписывалось захватывать и конфисковать [94]. Несмотря на общую форму этого указа, он был направлен прежде всего против Сиама. Несколько месяцев спустя Яков II дополнил его специальным письмом к Барнеби и Сэмюэлю Уайту, в котором недвусмысленно приказывал им изменить сиамскому королю и сдать Мергуи Ост-Индской компании [95].

Указ Якова II вместе с подробной инструкцией Совета директоров английской Ост-Индской компании о ведении войны против Сиама и захвате Мергуи (октябрь 1686 г.) [96] был получен в Индии весной 1687 г. 23 июня

[91] Обычно английские суда покрывали в это время расстояние от Англии до Сиама за шесть-восемь месяцев.

[92] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 314—315; M. Collis, *Siamese White*, p. 195; «Records...», vol. IV, p. 52.

[93] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 130.

[94] Ibid., p. 131.

[95] M. Collis, *Siamese White*, p. 201.

[96] «Records...», vol. IV, p. 37. — Инструкция, как указано в ее тексте, была составлена на основе консультации, данной небезызвестным Джорджем Уайтом (другом и бывшим хозяином Фалькона). Этот факт опровергает разделяемое всеми западными историками

1687 г. из Мадраса в Мергуи были направлены два английских корабля (фрегат «Куртана» и шлюп «Джеймс») с отрядом пехоты. Всей экспедицией командовал капитан Энтони Вельтден. Ему было вручено четыре письма Мадрасского совета компании — к королю Нараю, к Констанцию Фалькону, который титуловался в письме первым министром, к губернатору провинции Тенассерим и, наконец, к Барнеби и Сэмюэлю Уайту [97].

Содержание первых трех писем было более или менее идентичным. В них компания заявляла, что она намерена силой оружия отстаивать свое «право» на возмещение убытков, якобы причиненных Сиамом, и с этой целью устанавливает блокаду Мергуи, которую, однако, готова снять, если ее требования будут удовлетворены. (О том, что, получив «возмещение убытков», она потребует уступки Мергуи «на вечные времена» [98], в письмах предусмотрительно умалчивалось.) Общая сумма денежных претензий компании, подробно перечисленных в письме к Фалькону, достигала 65 тыс. ф. ст. Сюда включалась, между прочим, даже сумма амортизации кораблей, которые доставили английскую военную экспедицию в Мергуи.

В письме к Барнеби и Уайту им и всем англичанам, находившимся на сиамской службе, предлагалось в соответствии с указом Якова II немедленно оставить ее, перейти на службу Ост-Индской компании и подчиняться всем распоряжениям последней. В случае отказа, говорилось в письме, их будут рассматривать как государственных преступников.

Хотя подготовка английской агрессии против Сиама велась в глубокой тайне, сиамское правительство знало о ней уже с осени 1686 г. Все дело англичанам испортило пьяное бахвальство капитана Лейка. Не зная меры в употреблении спиртных напитков, он публично оскорблял сиамцев и европейцев, состоявших на сиамской службе, грозя им жестокой расправой после победы Ост-Индской компании над Сиамом. Арестованный сиамскими властями, Лейк

мнение, будто Дж. Уайт в то время был заклятым врагом компании, и проливает некоторый свет на позицию Фалькона, который якобы отошел от компании вслед за Дж. Уайтом. Известно, что Фалькон до самой смерти поддерживал с Дж. Уайтом самые дружественные отношения.

[97] «Records...», vol. IV, pp. 128—141.

[98] Ibid., vol. V, p. 99.

тут же рассказал все, что ему было известно о готовящемся нападении [99].

Сиамское правительство, несмотря на признание Лейка, дало возможность английским кораблям беспрепятственно покинуть Сиам. Более того, англичанам не было запрещено в дальнейшем посещать Сиам и вести здесь торговлю. Однако привилегия беспошлинной торговли была отменена, и, торгуя в Сиаме, они должны были платить такие же пошлины, как и восточные купцы [100]. Одновременно сиамские власти приняли меры по усилению обороны морского побережья. Коменданту бангкокской крепости (к тому времени им стал французский граф Форбен) было приказано ускорить строительство новых фортов и быть начеку. Аналогичные указания получил Сэмюэль Уайт, ствечавший за оборону западного побережья Сиама. Вместе с тем ему было предложено задержать обычную отправку сиамских кораблей в торговые рейсы.

Вернувшись после прощения в Мергуи, С. Уайт получил здесь еще бóльшие права, чем имел прежде. Полномочия, предоставленные ему благодаря энергичной поддержке Фалькона, были таковы, что фактически лишали губернатора и так называемый Совет семи (этот Совет, состоявший из виднейших чиновников, играл ту же роль при губернаторе, что Совет министров при короле, но пользовался относительно бóльшими правами) всякой власти [101].

В частности, Уайту разрешили значительно повысить налоги в этой провинции на нужды обороны. В тех же целях королевская казна выделила ему значительные средства. Уайту было предоставлено неограниченное право мобилизации крестьян на оборонительные работы.

Строительство укреплений, однако, велось крайне медленно. Деньги, ассигнованные для этого, Уайт, не смущаясь, использовал для расширения личных торговых операций. Чувствуя, что долго продержаться на сиамской службе ему все равно не удастся, он стал действовать еще более дерзко, чем раньше. Так, получив перед отъездом из Аю-

[99] Руководители Ост-Индской компании были так раздосадованы этим внезапным разоблачением, что даже не стали хлопотать об освобождении Лейка. По их мнению, что бы сиамцы с ним ни сделали, все равно этого ему будет мало («Records...», vol. IV, p. 95).

[100] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 249.

[101] M. Collis, *Siamese White*, p. 140.

тии с государственных складов значительные продовольственные и иные припасы для мергуйского гарнизона, он тут же продал их обратно казне, заработав на этой операции свыше 22 тыс. бат. По одним только подложным ведомостям на выплату денег несуществующим лицам он добавил к своим доходам около 20 тыс. бат. Помимо уплаты налогов, Уайт заставлял крестьян продавать ему провизию по предельно низким ценам [102]. Огромные богатства ему приносила самочинная пиратская война в Бенгальском заливе, которую он продолжал вести и в ходе которой формально захватывались только голкондские, а практически — все индийские торговые суда [103].

Когда Сэмюэлю Уайту стало известно о готовившемся нападении Ост-Индской компании на Сиам, он, по мнению английских историков Андерсона и Коллиса, оказался перед выбором: 1) бежать из Мергуи в Англию, 2) вернуться в Аютию, 3) оборонять Мергуи от англичан или 4) сдать Мергуи Ост-Индской компании [104]. Но анализ фактов показывает, что так вопрос не стоял и не мог стоять.

Всеми своими интересами Уайт с начала и до конца был связан с Англией. Достаточно сказать, что деньги, награбленные в Сиаме, он систематически переводил в Англию. Отдельные конфликты Уайта с некоторыми руководителями Ост-Индской компании (особенно в Мадрасе), чему английские историки придают столь большую роль, в сущности не могли иметь никакого значения для общей линии его поведения. Это подтверждается хотя бы тем, что уже после того как Уайт узнал о неизбежности войны между Сиамом и Ост-Индской компанией — в конце ноября 1686 г., он, собрав все свои наличные деньги, направил их для хранения именно Мадрасскому совету английской Ост-Индской компании [105]. Важно отметить также, что между Уайтом и Мадрасским советом существовало взаимное доверие. Так, при обсуждении состава будущей

[102] Ibid., p. 144.

[103] После судебного разбирательства в Аютии Уайт стал лишь несколько осторожнее и сфабриковал фальшивый приказ Нарая, задним числом уполномочивающий его вести эту войну, обманом заставив подписаться под таким приказом остальных членов Совета семи (M. Collis, *Siamese White*, pp. 159, 172).

[104] M. Collis, *Siamese White*, p. 157.

[105] Ibid., p. 146.

английской администрации Мергуи (август 1687 г.) мнимые враги Уайта были настолько уверены в его преданности, что даже еще не зная, какую он занял позицию в уже развязанной войне, единодушно назначили его заместителем губернатора [106]. Ему, естественно, незачем было бежать от мести компании за его пиратские действия. Эти действия, инспирированные самой же компанией, были использованы ею лишь как эффектный предлог для агрессии против Сиама [107]. Защищать же интересы индийских купцов и в действительности преследовать Уайта за то, что он их грабил, разумеется, никогда и не входило в намерение компании.

Таким образом, нетрудно понять смысл действий С. Уайта в конце 1686 — первой половине 1687 г. Вопреки прямому предостережению сиамских властей, он направил все торговые суда в обычные рейсы, и почти все они в скором времени были захвачены англичанами [108]. Вместо того, чтобы стянуть все имеющиеся в его распоряжении войска и военные суда для защиты Мергуи, он бросил большую часть флота со значительным отрядом пехоты для осуществления совершенно бессмысленной авантюры — захвата мыса Неграйс в Бирме [109], в то время как остальные сиамские суда продолжали крейсировать в Бенгальском заливе.

После резкого выговора, полученного из Аютии, и приказа немедленно эвакуировать Неграйс (февраль 1687 г.) Уайт решил прибегнуть к радикальной мере — разоружить и распустить сиамских солдат и матросов, находившихся в Мергуи. В мае ему почти удалось осуществить этот план — сиамские войска были выведены из города, там осталась только одна вооруженная сила — английская колония (судя по данным Ост-Индской компании, более 120 человек, не считая членов семей) [110]. В сущности все уже было готово для сдачи. Поэтому прибытие в Мергуи «Куртаны» и «Джеймса» и высадка английского десанта

[106] «Records...», vol. IV, p. 169.

[107] Очень характерно также, что официальный протест сиамскому правительству против пиратства Уайта и Котса англичане заявили только полтора года спустя после событий в Голконде — в середине 1687 г., т. е. уже после фактического начала войны с Сиамом.

[108] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 312, 313.

[109] M. Collis, *Siamese White*, p. 148.

[110] Ibid., pp. 151, 168, 182; «Records...», vol. IV, p. 280.

явились фактически не первым, а последним этапом в захвате Мергуи Ост-Индской компанией.

Немедленно после оглашения писем Мадрасского совета все англичане во главе с Сэмюэлем Уайтом единодушно объявили, что они покидают сиамскую службу и переходят на службу компании. Безоружные жители Мергуи были лишены возможности сопротивляться — город оказался полностью во власти командира экспедиции Энтони Вельтдена. Чтобы еще больше упрочить свое положение и оградить себя от неожиданностей, Вельтден предложил Совету семи и губернатору Тенассерима заключить 60-дневное перемирие — для того, чтобы сиамское правительство могло дать ответ на английский ультиматум [111].

Перемирие было торжественно заключено, но едва ли не на следующий день Вельтден уже начал его беззастенчиво нарушать. В первую очередь он наложил руку на местное казначейство. Желая вознаградить перебежчиков, он предложил им самим взять из казны все, что, по их мнению, сиамский король остался им должен. Функцию раздачи «недополученного жалования» принял на себя Уайт. Значительную часть денег он без дальних слов положил себе в карман [112]. Не был обижен и Вельтден [113]. Одновременно с ограблением казны англичане разрушали оборонительные сооружения — выдергивали вбитые в дно колья, перерезали канаты, защищавшие вход в реку, приводили в негодность пушки береговых батарей. 9 июля, по приказу Вельтдена, был внезапно захвачен стоявший в гавани сиамский военный корабль «Решение» [114].

Ост-Индская компания уже считала город своей полной собственностью. Стремясь устрашить местных жителей, англичане жестоко терроризировали их. Английский путешественник Александр Гамильтон, побывавший в тех местах тридцать лет спустя, охарактеризовал деятельность Вельтдена кратко, но выразительно: «Он вел себя очень нагло по отношению к властям и без всякой причины убил многих сиамцев» [115].

---

[111] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 338.
[112] M. Collis, *Siamese White*, p. 209.
[113] По отзывам современников, он прибыл в Мергуи в драном кафтане, а вернулся в Мадрас богачом (M. Collis, *Siamese White*, pp. 195, 225).
[114] Ibid., p. 216.
[115] A. Hamilton, *A new account...*, vol. II, p. 65.

Празднуя «победу», англичане чуть ли не ежедневно устраивали разнузданные оргии, причем по традиции, заведенной Вельтденом, каждый тост сопровождался орудийным салютом. В ночь на 12 июля, например, было произведено 64 таких салюта. Выстрелы из пушек при этом далеко не всегда были холостыми. По свидетельству участника событий американца Давенпорта, орудия заряжались камнями и картечью [116]. В ноте сиамского правительства Ост-Индской компании от 11 августа 1687 г. приводится случай, когда англичане, развлекаясь, обстреляли дом губернатора провинции. Вся эта артиллерийская стрельба, отмечается в ноте, имела целью еще больше запугать жителей города и сломить их волю к сопротивлению [117].

Но террор не принес захватчикам желаемого результата. Напротив, он ускорил взрыв народного негодования. Толпы крестьян, вооруженных чем попало, двинулись к Мергуи. На море близ города появились сотни рыбачьих лодок, спешно переоборудованных для военных нужд. В самом Мергуи горожане под руководством патриотически настроенных чиновников тайно установили в прибрежном лесу новую батарею. Так как арсенал находился в руках Уайта, необходимо было срочно наладить производство боеприпасов. Эта задача была успешно решена. В качестве артиллерийских снарядов использовали, в частности, сосуды, наполненные порохом. Крестьяне окрестных деревень отказывались продавать оккупантам продовольствие, весь свой скот они угнали в горы [118].

Благодаря разветвленной шпионской сети Уайту стало известно о готовившемся восстании. Желая разузнать планы сиамцев более подробно, он сам обратился к членам Совета семи с предложением поднять восстание против англичан [119]. Но сиамские власти, конечно, уже были слишком хорошо с ним знакомы, чтобы ему поверить.

Наиболее осторожные из офицеров Вельтдена советовали своему командиру взять на борт всех местных англичан или хотя бы их семьи, но он наотрез отказался это сделать. Его интересовали главным образом вопросы личного обогащения, и он старался каждый свободный вершок

---

[116] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 343.
[117] «Records...», vol. IV, p. 197.
[118] M. Collis, *Siamese White*, pp. 217—218, 222; J. Anderson, *English intercourse...*, p. 342.
[119] M. Collis, *Siamese White*, p. 220.

корабля загрузить каким-либо ценным товаром, награбленным в Мергуи. Даже свинцовый балласт корабля Вельтден решил заменить оловянным, так как олово ценилось в 10 раз дороже свинца. Лишние люди, на которых к тому же пришлось бы расходовать дефицитный провиант, были ему ни к чему [120].

Чрезмерно полагаясь на свой перевес в военной технике и опыте, Вельтден и Уайт считали, что сиамцы не осмелятся против них выступить, а если выступят, то не скоро — во всяком случае не раньше, чем об этом придет приказ из Аютии. Такое представление у них могло сложиться под влиянием событий, связанных с подавлением восстания макассарцев в Аютии, очевидцем которого был Уайт. Тогда сиамцы проявили пассивность. Однако теперь ситуация была совершенно иная, и англичане получили должный отпор.

Вечером, 14 июля, когда Вельтден и Уайт с охраной после очередной попойки в доме последнего направились в порт, чтобы продолжить пиршество на корабле, их внезапно атаковала толпа вооруженных сиамцев.

Одним из первых упал Вельтден, оглушенный ударом дубины. Бросив капитана, англичане в беспорядке бежали, но почти все были настигнуты и перебиты. Добраться до лодки удалось только Уайту, хорошо знавшему местность. Повезло и Вельтдену, так как сиамцы приняли его в первую минуту за мертвого; очнувшись, он под покровом тропической ночи пробрался на фрегат «Решение», где уже находился Уайт.

Одновременно с атакой на Уайта и Вельтдена сиамцы осадили и подожгли укрепленный дворец Уайта, а батарея, скрытая в лесу, открыла огонь по стоявшему в гавани английскому шлюпу «Джеймс». Шлюп вскоре загорелся, и команда его была вынуждена капитулировать. Повстанцам удалось также овладеть несколькими небольшими сиамскими военными судами, команда которых состояла преимущественно из англичан. Командир этой эскадры английский авантюрист Кропли, сдавшись в плен, тут же изъявил желание вновь поступить на службу к сиамскому королю. Сиамские власти вновь оказали ему доверие. Он не только не был наказан, но даже был оставлен на прежнем посту.

[120] Ibid., pp. 224—225.

В ту же ночь подвергся нападению и флагман английской эскадры «Куртана», стоявший в глубине бухты, вне досягаемости сиамских батарей. Нагрузив бамбуковые плоты горючим материалом, сиамцы подожгли его и пустили плоты по ветру в сторону «Куртаны». Английским морякам пришлось обрубить якорные канаты и спешно уходить из бухты [121].

Кровавая борьба шла на суше. Все англичане, оказывавшие вооруженное сопротивление во дворце Уайта и других местах, были перебиты. Погибло более 60 (по другим сведениям, 128—129) англичан [122]. В числе их был и губернатор Мергуи, бывший патрон Фалькона Ричард Барнеби. Однако, как признают даже английские авторы, во время этой «мергуйской бойни» не пострадал никто из жен и детей английских военных и служащих [123]. Тем англичанам-мужчинам, кто сразу сдавался в плен, также была оставлена жизнь.

К утру 15 июля в руках англичан остались только два корабля — «Куртана» и «Решение». Вельтден немедленно созвал военный совет, чтобы выработать план дальнейших действий. Часть офицеров предлагала вернуться в гавань и бомбардировать город. Другие возражали, ссылаясь на то, что в гавани, где трудно маневрировать, сиамцы, располагая большим количеством лодок, легко смогут взять корабли на абордаж. Некоторые советовали вступить в переговоры, чтобы выяснить судьбу англичан, не сумевших добраться до корабля, и попытаться выкупить оставшихся в живых. Было решено отойти от Мергуи на несколько миль и дожидаться подкреплений, блокируя в то же время подходы к порту [124].

Однако уже на следующий день сиамцы выслали против Вельтдена эскадру из четырех судов европейского типа и 14 малайских гребных судов — прау [125]. В результате вполне понятной пассивности командира эскадры капитана Кропли англичанам удалось уйти от преследования, но блокировать гавань они больше не могли. Более того, им самим пришлось искать убежища в лабиринте островов прилегающего к тенассеримскому побережью архипелага,

[121] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 343—344.
[122] M. Collis, *Siamese White*, p. 237; «Records...», vol. IV, p. 280.
[123] M. Collis, *Siamese White*, p. 237.
[124] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 347.
[125] Ibid.

так как вернуться в Мадрас в это время года мешали неблагоприятные ветры.

Вскоре сиамцы добились нового успеха. В августе 1687 г. ничего не подозревавшие мадрасские власти направили в Мергуи фрегат «Жемчуг» с воинскими подкреплениями и вновь назначенным губернатором Мергуи Ходжем, который должен был ведать гражданской администрацией на завоеванной территории. Благодаря принятым сиамцами мерам этот корабль разминулся с «Куртаной» и «Решением» и беспрепятственно вошел в гавань Мергуи, где был окружен сиамскими судами. Англичанам пришлось сдаться [126].

10. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП АНГЛО-СИАМСКОЙ ВОЙНЫ

После жестокого поражения у Мергуи англичане уже больше не решались открыто нападать на сиамское побережье, хотя и продолжали охотиться на сиамские торговые суда. Ослабление натиска Англии в значительной степени объяснялось также обстановкой, сложившейся в связи с прибытием в Сиам осенью 1687 г. второго французского посольства и размещением в Бангкоке и Мергуи французских гарнизонов. Последние Стюарты, тесно связанные с Людовиком XIV, ни за что не решились бы на открытый военный конфликт с Францией.

Английская Ост-Индская компания в создавшихся условиях заняла выжидательную позицию. Было решено пока что обосноваться в Бирме. С этой целью в сентябре 1687 г. Вельтден направился к мысу Негрейс (который еще Уайт облюбовал как удобное место для военно-морской базы) и поднял здесь британский флаг, объявив эту территорию собственностью английского короля [127]. База у Негрейса должна была компенсировать компании потерю Мергуи.

Сиамское правительство со своей стороны также не стремилось раздувать конфликт с Англией. После того как в июле 1687 г. в Аютию прибыл гонец из Мергуи с официальным уведомлением Ост-Индской компании о том, что

[126] Ibid., p. 356; M. Collis, *Siamese White*, p. 263.
[127] «Records...», vol. IV, p. 230.

она начинает войну против Сиама (хотя фактически война началась еще за девять месяцев до этого), и с упоминавшимся выше ультиматумом, сиамское правительство не приняло вызова. Однако ему было ясно, что удовлетворение наглых требований англичан повлечет за собой новые, еще более наглые претензии с их стороны, и действительно, как мы видели, требование уступить Мергуи хотя и не входило в ультиматум, но уже стояло в повестке дня. Поэтому сиамское правительство приняло половинчатое решение — войны не объявлять, а пригласить английских представителей в Аютию для подробного обсуждения их требований. В таком духе и был составлен письменный ответ на английскую ноту. В нем вновь подчеркивалось дружественное отношение Сиама к Англии и давались заверения, что все претензии Ост-Индской компании, которые окажутся справедливыми, будут полностью удовлетворены. «В случае же отказа (английских представителей прибыть ко двору. — *Э. Б.*) король уполномочивал власти и совет провинции Тенассерим вести переговоры от его имени с упомянутым капитаном (Вельтденом. — *Э. Б.*) или с другим лицом, назначенным Английской Компанией или властями Мадраса» [128].

Но прежде чем гонец с этой нотой достиг Мергуи, англичане уже были изгнаны оттуда. Англо-сиамская война, независимо от намерений короля Нарая и его правительства, из односторонней превратилась в двустороннюю. И 11 августа 1687 г. сиамское правительство официально объявило о состоянии войны с Ост-Индской компанией.

Нота, направленная английской компании, состояла из вводной части, 10 параграфов и заключительной части [129]. Она кратко излагала историю англо-сиамских отношений, начиная с момента появления англичан в Сиаме. В вводной части ноты ее авторы вновь подчеркивали «любовь, заботу и благосклонность», которые король Нарай и его предшественники «всегда проявляли по отношению к иностранным купцам, в особенности к английским купцам», и утверждали, что «только неизбежная необходимость принуждает Его Величество поднять оружие против упомянутой Английской Компании и всех находящихся на ее службе для поддержания своей чести и защиты своих портов и

[128] Ibid., vol. IV, pp. 195—196.
[129] Ibid., vol. IV, p. 199 сл.

своих подданных, до тех пор пока Его Величество король Великобритании своей властью над указанной Компанией не положит конец этой борьбе, вызванной беззаконным поведением Компании и ее служащих, нарушивших общий мир и не имевших иных целей, как лишать мирных жителей их собственности, благодаря чему упомянутая Компания так безмерно обогатилась...».

Затем перечисляются конкретные претензии сиамского правительства к Ост-Индской компании. Общая сумма подсчитанных к тому времени убытков, понесенных сиамским государством по вине компании, оценивается в 204 800 бат. В эту сумму входят, в частности, займы, полученные Ост-Индской компанией еще в 20-х годах XVII в. (§ 1) [130].

Далее в ноте напоминаются хулиганские выходки Поттса и других англичан (§ 2) и обстоятельства, связанные с пожаром в английской фактории (§ 3).

Нота отвергает как несостоятельные утверждения Ост-Индской компании, будто ее торговля в Аютии терпит убытки из-за помех, чинимых сиамским правительством. Страдающей стороной, указывается в ноте, является как раз сиамский король: он даровал компании освобождение от всех пошлин, в результате этого доход казны снизился на 40 тыс. бат, но Сиам ничего не получил взамен. «Упомянутая Компания не делала никаких попыток к развитию такой (взаимовыгодной. — *Э. Б.*) торговли, редко посылала своим заведующим факторий товары для местного рынка, кроме мануфактуры низкого качества... как явствует из заявлений ее же служащих... Поэтому не Сиам, а сама Компания виновата в том, что ее доходы не соответствуют ее ожиданиям» (§ 4).

В 5-м параграфе разоблачается мошенническая проделка Елиху Йеля (с драгоценными камнями). Далее излагаются обстоятельства голкондской войны (§§ 6, 7), причем приводится версия, которая восторжествовала после реабилитации Уайта на процессе в Аютии. (О причинах, заставивших короля Нарая оправдать задним числом разбойные действия Котса и Уайта, говорилось выше.)

8-й параграф напоминает о деле капитана Лейка и иллюстрирует рядом примеров вероломство Ост-Индской компании. В 9-м параграфе содержится протест против захвата англичанами сиамских кораблей и жестокого обращения с их экипажем. Губернатор и Совет Ост-Индской компании, отмечается в ноте, «обращаются с захваченными моряками хуже, чем обращаются с рабами и пленниками самого варварского народа в мире...».

10-й, самый большой, параграф целиком посвящен событиям в Мергуи.

При этом в нем, как и в 9-м параграфе, действия англичан рассматриваются главным образом с точки зрения нарушения ими международного права. Нота отмечает, в частности, что самый акт объявления войны Сиаму был вручен не сиамскому правительству, а директору французской фактории в Пондишери (§ 10). Сиамскому правительству стало известно об объявлении войны только в апреле 1687 г. (§ 9), т. е. спустя полгода после начала враждебных действий, и то из чужих рук. Претензии, которыми Ост-Индская компания мотивирует объявление войны, явно беспочвенны и смехотворны (§ 10). Поведение Вельтдена в Мергуи во время установленного им самим перемирия аргументированно квалифицируется как грубейшее нарушение международного права.

В заключительной части ноты указывается, что «поскольку не осталось другого средства для защиты королевства Его Величества от коваоных злодеяний Английской Компании в мирное время, Его Величество считает необходимым и объявляет, что он впредь будет захватывать все имущество и служащих Английской Компании без исключения на суше и на море, по эту сторону мыса Доброй Надежды, всюду, где только сможет, и приказывает всем генералам, губернаторам, капитанам и прочим офицерам, солдатам и морякам, своим подданным и иностранцам, находящимся у него на службе, захватывать все суда, товары и прочее имущество Английской Компании и ее служащих, и запрещает под страхом смерти любые сношения, торговые сделки и соглашения с Английской Компанией... и отменяет все разрешения, паспорта, пропуска, привилегии и вольности, дарованные... указанной Компании или ее служащим».

[130] Из 1-го параграфа, между прочим, можно заключить, что англичане мотивировали неуплату этого долга гражданской войной у себя на родине. Однако данное объяснение явная ложь, поскольку первая английская фактория в Сиаме была закрыта за 20 лет до начала Великой английской революции. Любопытно, что Фалькон, который несомненно принимал участие в составлении ноты, а возможно, даже был ее автором, ни словом не опровергает эту ложь.

В ноте, однако, специально оговаривалось, что все эти санкции не касаются англичан, не состоящих на службе Ост-Индской компании. Они сохраняли все свои права и привилегии. Подчеркивалось также, что с Англией в целом и с английским королем Сиам по-прежнему поддерживает мирные и дружественные отношения. Более того, авторы ноты выражали довольно наивную надежду, что Яков II призовет Ост-Индскую компанию к ответу за ее преступления против Сиама.

Война между Сиамом и Ост-Индской компанией после освобождения Мергуи велась в основном на море. Два вновь построенных сиамских военных корабля были направлены под командой французских капитанов в Сиамский залив, чтобы перехватывать там английские торговые суда, шедшие в Китай. Несколько военных кораблей с той же целью крейсировали в Бенгальском заливе [131].

В апреле 1688 г. один из сиамских кораблей под командой энергичного капитана, имя которого осталось неизвестно, подошел к английской фактории в Портоново (Индия). В намерение сиамцев входило внезапно высадить десант и овладеть факторией. Англичане, предупрежденные перебежчиком, сумели отразить нападение, однако сиамцы захватили стоявший в гавани английский корабль. Вслед за тем сиамцам удалось заключить соглашение с маратхским правительством, и оно послало войска для осады Портоново. Окруженные со всех сторон, отрезанные от провианта и воды, англичане уже готовы были сдаться, несмотря даже на то, что Мадрасский совет компании спешно послал им на помощь три корабля. Но в самый последний момент сиамцы получили приказ из Аютии прекратить военные действия. Английский корабль, захваченный ими и уведенный в Пондишери, был возвращен Ост-Индской компании (4 мая 1688 г.).

Такой поворот дела явился следствием существенного изменения обстановки в Сиаме к весне 1688 г. Прибытие осенью 1687 г. в Сиам второго французского посольства и размещение на территории страны (в Бангкоке и Мергуи) крупных отрядов французских войск не только не укрепили положение Нарая, но, напротив, еще больше ослабили его. Возмущение народа французским засилием стало принимать все более открытые формы, грозя взрывом.

[131] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 360.

В такой обстановке расходовать силы на продолжение войны с английской Ост-Индской компанией было для сиамского правительства непозволительной роскошью. Поэтому, если в октябре 1687 г. незадачливых «губернатора» Мергуи Ходжа и его заместителя Хилла доставили из Мергуи в Аютию в цепях и бросили там в тюрьму, теперь, всего несколько месяцев спустя, они, так же как и остальные англичане, арестованные в Аютии, были торжественно освобождены [132]. Более того, Нарай предложил возвратить англичанам захваченный в Мергуи фрегат «Жемчуг», с тем чтобы Хилл вернулся на нем в Мадрас с мирными предложениями сиамского правительства. Ходж и Хилл приняли это предложение, и весной 1688 г. «Жемчуг» отплыл в Индию [133].

Желая облегчить себе ведение мирных переговоров, Нарай и Фалькон решили полностью отречься от участников антианглийского восстания в Мергуи. В беседах, которые Фалькон вел с Ходжем, оставшимся в Сиаме, уже и речи не было о том, что англичане сами первые грубо нарушили перемирие. Всю вину за мергуйские события Фалькон возложил на «кучку пьяных и обезумевших людей», которые не имеют никакого отношения к сиамскому правительству. «Зачинщики» восстания были арестованы и доставлены в Луво, где их подвергли жестоким пыткам [134]. Большинство было приговорено к смертной казни. Таким образом, сиамские власти делали все, чтобы дать удовлетворение Ост-Индской компании за «мергуйскую бойню».

Компания, однако, не успела ответить на мирные предложения Нарая. 18 мая 1688 г. он вместе с Фальконом был арестован заговорщиками и к власти пришел генерал Пет Рача, основавший впоследствии новую династию.

[132] Ibid., p. 357.
[133] Ibid., p. 361.
[134] Ibid., p. 358.

ГЛАВА VI

ПОПЫТКА ФРАНЦИИ ПОДЧИНИТЬ СИАМ И ИЗГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ

1. ПЕРВЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ МИССИОНЕРЫ В СИАМЕ

Французы появились в Сиаме значительно позже других европейцев. Специфические особенности феодально-абсолютистской и католической Франции по сравнению с буржуазными и протестантскими Голландией и Англией обусловили и ряд характерных отличий ее методов проникновения в Сиам от голландских и английских. Если в экспансии Голландии и Англии в XVII в. миссионерская деятельность фактически не играла никакой роли, прибытию французских купцов (и солдат) в Сиам предшествовало появление разведчиков-миссионеров.

С выдвижением Франции на первое место среди католических держав, естественно, должно было возрасти и желание французского духовенства взять в свои руки монополию в миссионерской деятельности, которая до тех пор безраздельно принадлежала Португалии.

В 1652 г. в Рим прибыл иезуит Александр Роде, один из немногочисленных иезуитов-французов, проповедовавших в то время на Востоке. 25-летнее пребывание во Вьетнаме и других странах Азии привело его к выводу, что военные поражения Португалии, изгнание католиков из Японии и враждебность к иезуитам во многих странах создали серьезную угрозу католицизму на Востоке. Александр Роде предложил папе Иннокентию X создать новую организацию для пропаганды христианства в восточных государствах. Получив соответствующие полномочия, он вскоре представил папе трех кандидатов, которые вместе с ним должны были возглавить миссионерскую деятельность к востоку от Индии, — французов Пинье, де Монморанси и Паллю [1].

[1] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, pp. 43—44.

Португалия, действуя через римских иезуитов, сумела сорвать этот план, передававший духовное главенство на Востоке Франции. Роде был послан в Персию, где вскоре умер.

Его ученик Франсуа Паллю, однако, продолжал энергичные действия против испано-португальских иезуитов и, опираясь на поддержку Людовика XIV, в 1659 г. добился от папы Александра VII разрешения основать так называемую Французскую иностранную миссию (она существует и поныне) [2]. Людовик XIV назначил новой миссии ежегодную дотацию в 1000 экю. Руководителей Французской иностранной миссии Паллю, Котолленди и Ламбера де Ла Мотта папа Александр VII возвел в епископский сан, использовав для этого остававшиеся в течение многих столетий «вакантными» епископские посты на Ближнем Востоке. Так, Паллю получил титул епископа гелиопольского, Котолленди — метеллопольского, Ламбер де Ла Мотт — бейрутского. В то же время он назначил их апостолическими викариями соответственно Китая, Тонкина и Кохинхины. Подчиняться они должны были непосредственно папе. В конце 1660 г. новые епископы и группа французских миссионеров выехали на Восток.

28 апреля 1662 г. епископ Ламбер де Ла Мотт прибыл в Мергуи [3]. Котолленди умер в дороге, и его викариат (Тонкин) перешел к Паллю, а Ламберу де Ла Мотту «прирезали» пять провинций Китая за счет викариата Паллю.

Первоначально Ламбер де Ла Мотт рассчитывал через Бирму попасть в Юньнань, но, узнав о вторжении в Бирму маньчжурских войск, повернул на Аютию, чтобы оттуда перебраться в Кохинхину.

Но, очутившись в Аютии, французский епископ сразу оценил удобства этого места для ведения христианской пропаганды. Здесь скрещивались все основные пути Южной и Восточной Азии, здесь можно было встретить представителей всех восточных народов.

Поэтому Ламбер де Ла Мотт и прибывший вскоре вслед за ним Паллю решили сделать Аютию штаб-квартирой Французской иностранной миссии и распространять отсюда христианство на все страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

[2] Ibid., p. 44.
[3] E. W. Hutchinson, *Journey...*, p. 215.

Однако они столкнулись со значительными трудностями, причем первые препятствия их предприятию поставили не «язычники», а их же собственные единоверцы. Португальские священники, как уже говорилось, наотрез отказались сотрудничать в «святом деле» со своими французскими собратьями, а тем более подчиняться им. Тем не менее французские миссионеры умело использовали поддержку папы, который в это время всемерно старался сотрудничать с Людовиком XIV. Политика папского престола во второй половине XVII в. в конечном счете привела к подчинению деятельности всей огромной армии миссионеров, работавших на Востоке, интересам Франции.

Собственно миссионерскую деятельность в Сиаме епископы начали с того, что вступили в тесный контакт с сиамскими властями и благодаря их поддержке значительно расширили материальную базу своего духовного предприятия. В эти годы наибольшего обострения голландско-сиамских отношений правительство Сиама настойчиво искало союзников. Французские миссионеры, естественно, старались использовать данное обстоятельство. Они расписывали перед сиамцами могущество и бескорыстие Франции и намекали на возможность ее помощи Сиаму в борьбе против «нечестивой» Голландии.

Король Нарай оказывал миссионерам самую широкую поддержку. Он подарил им обширный участок земли и построил для них за свой счет церковь и двухэтажное каменное здание семинарии [4]. Детям сиамцев было разрешено обучаться в семинарии. Местные власти не препятствовали религиозной пропаганде миссии. Французские миссионеры начали проникать и в провинции.

В 1670 г. был основан филиал миссии в Питсанулоке, резиденции наследника престола. В 1675 г. здесь построили школу и церковь. В 1673 г. филиал миссии со школой и церковью был открыт в летней резиденции сиамских королей — Луво, в 1674 г. — в Бангкоке. Миссионеры обосновались на острове Джанк-Сейлон, в древней столице Сиама Сукотай, крупнейшем порту Мергуи, городе Тенассериме и ряде других мест [5]. Они приобрели влияние во всех наиболее важных в стратегическом или экономическом отношении пунктах страны.

[4] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 48.

[5] E. W. Hutchinson, *The French foreign mission...*, p. 15; J. Anderson, *English intercourse...*, p. 234

Миссионеры энергично взялись за дело, стремясь организовать вокруг себя старых христиан и привлечь новых. В этих целях они составили тайский словарь и грамматику таи, перевели на тайский язык евангелие, жития святых и другие религиозные произведения. В 1672 г. они основали первую в Сиаме типографию [6]. Большинство миссионеров наряду со своей основной духовной специальностью владело еще какой-нибудь полезной гражданской специальностью (врачи, механики, часовщики, математики, даже астрономы), что позволяло им внедрять свою идеологию в самые различные слои сиамского общества.

Так, прибывший в Сиам в 70-х годах врач-миссионер Шербоно завоевал такое расположение короля Нарая, что тот назначил его губернатором острова Джанк-Сейлон, одной из важнейших провинций Сиама [7]. Это был первый, но не последний случай, когда миссионеры получили возможность непосредственно использовать в своих интересах административную власть.

Методы, которыми французские миссионеры распространяли христианскую веру, ярко живописуются английским моряком Гамильтоном. Число христиан в Сиаме, как он замечает, колебалось в зависимости от урожая. В голодные годы миссионеры на деньги, занятые у короля, скупали зерно и распределяли его небольшими порциями среди крестьян, пожелавших креститься. Когда голод проходил, крестьяне, естественно, возвращались к старой, привычной вере и число христиан падало до минимума [8]. Но хитроумно оперируя цифрами, епископы могли вызывать в Европе энтузиазм своими быстрыми «достижениями».

Первые сообщения о деятельности миссионеров в Сиаме доставил во Францию ближайший помощник и биограф Ламбера де Ла Мотта — де Бурж, отплывший из Сиама в октябре 1663 г. с жалобой на португальских священников и просьбой о присылке новых миссионеров (в феврале 1669 г. он вернулся с шестью новыми миссионерами и пап-

[6] E. W. Hutchinson, *The French foreign mission...*, p. 18.

[7] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 241. — Насколько научной по тому времени была врачебная методика миссионеров, судить трудно. Во всяком случае она была самым тесным образом связана с пропагандой христианства. Так, будущий епископ Лано, безуспешно пытавшийся лечить брата короля Нарая, объяснял королю свою неудачу тем, что его пациент недостаточно верил в «истинного бога» (E. W. Hutchinson, *The French foreign mission...*, p. 19).

[8] A. Hamilton, *A new account...*, vol. II, p. 166.

ской буллой, подтверждавшей полномочия апостолических викариев) [9].

В 1666 г. в Европу возвратился сам епископ Паллю, причем он привез ценные сведения не столько о состоянии религии в Сиаме, сколько о его политическом и экономическом положении. В письме на имя Людовика XIV он предлагал незамедлительно открыть французские торговые фактории на сиамском побережье, перечисляя многочисленные выгоды, которые можно будет извлечь из этого предприятия [10]. Тогда же впервые была пущена версия о готовности сиамцев и их короля перейти в христианскую веру, если ее им растолкуют надлежащим образом. Сами Паллю и Ламбер де Ла Мотт, видимо (по крайней мере, на первых порах), искренне верили в это. Их заблуждение понятно. Христианским миссионерам было дико видеть в «языческой» стране терпимость, немыслимую ни в одной из европейских стран того времени. Они объясняли это тогда только особой склонностью короля Нарая и сиамцев к христианству. (Впоследствии, однако, христианские миссионеры неоднократно имели возможность убедиться, что в Сиаме одинаково терпимо относятся и к христианству, и к исламу, и к индуизму, и ко всем разновидностям буддизма [11].)

Сведения, доставленные епископом Паллю, вызвали определенный интерес не только у французского двора, но и у руководителей недавно (в 1664 г.) реорганизованной Кольбером (тогда глава французского правительства) французской Ост-Индской компании.

Компания получила монополию на торговлю с Востоком сроком на 50 лет с правом захвата земель, объявления войны и заключения мира [12].

Франция в морской торговле тогда еще сильно отставала от Англии и Голландии, которые уже в первой половине XVII в. заняли прочные позиции в Индии и Индонезии. До 1664 г. французские суда, как правило, не плавали

[9] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 229, 233.

[10] V. Thompson, *Thailand — the new Siam*, p. 172.

[11] Так, в 1668 г. радушный прием был оказан миссиям из Голконды и Аче, прибывшим в Сиам с целью обратить короля Нарая в мусульманство. Аналогичные миссии впоследствии прибывали из Персии и также были приняты с почетом. Тем не менее ни одна из них не увенчалась успехом (J. Anderson, *English intercourse...*, p. 243).

[12] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 53.

дальше Мадагаскара. Первой задачей, поставленной Кольбером перед французской Ост-Индской компанией, был захват Мадагаскара и создание там базы для торговли с Западной Индией. На Мадагаскар была отправлена крупная военная экспедиция, но она потерпела поражение.

После этого внимание было перенесено непосредственно на Индию. В январе 1670 г. Франция направила в индийские воды военную эскадру из трех крупных кораблей, вооруженных 236 пушками. Во главе ее был поставлен полковник де ля Эй, получивший титул вице-короля с правом назначать военных губернаторов на оккупированной территории. Французам удалось захватить один из пунктов на Цейлоне и город Сен-Томе в Индии (близ Мадраса). Вскоре, однако, они были выбиты оттуда голландцами. В общем, хотя французам и удалось в конце 60—70-х годах XVII в. основать несколько торговых факторий в Индии (главная была открыта в Пондишери в 1674 г.), дела их в этой стране шли не блестяще. Укрепившиеся здесь раньше голландцы и англичане сильно тормозили развитие французской торговли с Индией.

Перспектива создания опорных пунктов в Сиаме, откуда открывался доступ не только к индийской, но и к дальневосточной торговле и где в то же время позиции Англии и Голландии были гораздо менее прочными, чем в Индии, естественно, не могла не привлекать французских купцов. Однако сравнительная слабость французской компании не давала ей тогда возможности заняться «освоением» Сиама без ущерба для индийской торговли. Поэтому в планах компании до середины 80-х годов XVII в. Сиаму отводилось второстепенное место.

В начале 1670 г. задержавшийся из-за первой франко-голландской войны Паллю отплыл в Сиам. Он вез королю Нараю очень любезное письмо Людовика XIV и не менее любезное письмо папы Клемента IX [13]. В этих письмах они горячо благодарили Нарая за «особенное благоволение» к французским миссионерам и рассыпались в комплиментах его «милосердию, справедливости и всем прочим королевским добродетелям, но в особенности величию души». Письма сопровождались богатыми подарками [14]. Путешествуя сложным кружным путем, Паллю

[13] Ibid., pp. 42—43.

[14] Эти подарки не дошли до Сиама. По дороге их перехватили голландцы (F. H. Turpin, *History...*, p. 40).

компании Буро-Деланд, который должен был стать первым директором французской торговой фактории в Сиаме. Буро-Деланд был снабжен письмами и ценными подарками королю и виднейшим чиновникам. По приезде (сентябрь 1680 г.) Буро-Деланд сразу же вступил в тесный контакт с епископом Лано, в недавнем прошлом одним из ближайших помощников епископа Ламбера де Ла Мотта, еще в 1674 г. посвященным в сан епископа метеллопольского, а после смерти де Ла Мотта в 1679 г. назначенным на его место. Подобно своему предшественнику Лано придавал большое значение проникновению миссионеров в придворную и чиновничью среду, и при нем оно приняло еще больший размах.

Согласно данной Буро-Деланду инструкции, он обязан был выполнять все указания епископа. Лано в свою очередь всемерно поддерживал Буро-Деланда. Прежде всего он перевел письма и подготовил церемонию вручения подарков [20].

Буро-Деланду был оказан при сиамском дворе торжественный прием. Король Нарай тотчас приказал направить во Францию ответное сиамское посольство.

Во главе посольства, выехавшего в декабре 1680 г. на корабле, который доставил в Сиам Буро-Деланда, стоял Пья Пипат Коса, старый опытный дипломат, трижды ездивший с дипломатическими миссиями в Пекин. В посольство входили также чиновники высоких рангов Лыанг Сривисан и Кун Наконвичай и около 30 чиновников низших рангов. Переводчиком при посольстве ехал миссионер Гайм, ближайший помощник епископа Лано, директор аютийской семинарии. Послы везли с собой богатые и многочисленные подарки (в том числе двух слонов и молодого носорога) и письма короля Нарая и пракланга к Людовику XIV, папе, Кольберу и главе французской Ост-Индской компании Берри [21].

[20] Ibid., p. 137. — Характер сотрудничества между французскими миссионерами и купцами, равно как и методы, которыми миссионеры рассчитывали завоевать души восточных монархов, ярко раскрываются в следующем факте. В 1681 г., вскоре после прибытия Буро-Деланда, епископ Лано с группой миссионеров направился в Кохинхину. В качестве подарка королю Кохинхины он вез с собой две пушки новейшего образца, полученные от французской Ост-Индской компании (J. Sottas, *Histoire...*, p. 138).

[21] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 64; J. Anderson, *English intercourse...*, p. 242.

Письмо короля Нарая к Людовику XIV было гравировано на тонком листе золота. В этом письме Нарай предлагал уступить Франции Сингору, рассчитывая таким образом создать барьер между Сиамом и расширявшимися голландскими владениями и взамен чисто номинальных прав на Сингору получить реальную военную помощь.

Однако все упомянутые письма, так же как и первое письмо короля Нарая, не достигли Франции. Судно французской Ост-Индской компании «Солнце Востока», на которое сиамское посольство пересело в Бантаме, пропало без вести между Индией и мысом Доброй Надежды (конец 1681 г.). Судьба его до сих пор остается загадкой. Среди современников ходили упорные слухи, что судно было потоплено голландцами, хотя формально Голландия не воевала в то время ни с Францией, ни с Сиамом [22].

Эта новая неудача не обескуражила сиамское правительство и не ослабила его желания завязать дипломатические отношения с Францией.

По мере того как Голландия подчиняла себе одно за другим индонезийские государства [23], голландская угроза ощущалась в Сиаме все более отчетливо. По сравнению с этим врагом Франция и даже Англия представлялись мало опасными. Потому-то король Нарай на протяжении всей своей жизни стремился заключить союз то с одной, то с другой из этих стран. Но Англия, как уже говорилось, не могла и не хотела поддерживать Сиам против Голландии. Оставалась Франция, могущественная европейская держава, еще не успевшая ничем скомпрометировать себя в Сиаме. И в интересах военного союза с ней сиамское правительство было готово предоставить самые широкие привилегии и французской Ост-Индской компании и французским миссионерам.

Развивая торговлю с Францией, король Нарай рассчитывал также подорвать фактическую голландскую монополию во внешней морской торговле Сиама и добиться более приемлемых цен на товары. События последующих лет показали ошибочность расчетов Нарая, но

[22] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 66.

[23] 1667 г. — Бонгайский контракт, поставивший правителей Южного Сулавеси в зависимость от Голландии; 1677 г. — кабальный договор с Матарамом; 1683 г. — пленение бантамского султана и окончательное подчинение Тернате (Молукки).

тогда (в начале 80-х годов) ему, конечно, трудно было предвидеть события. Поэтому епископ Паллю, прибывший в Аютию со вторым письмом Людовика XIV, в котором тот просил Нарая покровительствовать французским купцам, был принят весьма радушно [24].

В переговорах, состоявшихся вскоре между сиамским правительством и директором французской фактории Буро-Деландом, последнему удалось добиться очень серьезных уступок, зафиксированных во франко-сиамском договоре от 3 декабря 1684 г. [25].

Главной из них было предоставление французской Ост-Индской компании монополии на торговлю перцем. Компания получала исключительное право скупки и продажи всего перца, производившегося в Сиаме, за исключением 5—10%, оставшихся в распоряжении государства. В крайнем случае, при согласии компании, государство могло оставить у себя до 20% собираемого перца. В Лигоре, основном районе производства перца в Сиаме, создавалась специальная фактория для скупки этого продукта. Кроме того, французской компании передавались функции контроля над его импортом и экспортом, а также транзитной торговлей перцем в стране. Все купцы, ввозившие перец в Сиам из других стран для продажи или дальнейшего экспорта, обязаны были представлять компании отчеты о своих операциях. Подобные же отчеты должны были представлять и чиновники государственных складов, торгующих перцем. Наконец, компания получила право свободно покупать все товары, импортируемые в Сиам, что явно ущемляло королевскую монополию.

Сиаму же в обмен на указанные уступки давалось лишь туманное обещание, что в случае «если какой-нибудь чиновник короля окажется в местности, где Компания имеет резиденцию, ...служащие Компании будут оказывать помощь и поддержку королю в его нуждах» [26] (при том еще оговаривалось, что все расходы по этой помощи будут немедленно возмещаться сиамским правительством по предъявлении счета).

Из краткого обзора сиамо-французских отношений, составленного в 1687 г. чиновниками французского министерства иностранных дел, явствует, что сиамская сторона в переговорах с Буро-Деландом внесла ряд предложений, которые соответствовали ее интересам, но они не получили отражения в договоре [27].

В частности, король Нарай предложил Буро-Деланду конкретный план обмена товарами между Францией, Сиамом и Индией с использованием французских судов. По этому плану из Франции в Сиам ежегодно должен был отправляться по крайней мере один корабль с грузом тканей и звонкой монеты. Обменяв их в Сиаме на местные товары (главным образом олово и селитру) и получив 20—25% прибыли, французская компания могла бы с еще большей выгодой продать часть их на Коромандельском берегу Индии и, догрузив корабль индийскими товарами, не теряя времени, возвратить его во Францию.

Другое предложение заключалось в том, чтобы французская компания грузила на сиамские суда любые товары и обменивала их в других странах (Японии, Китае) на медь для Сиама, за что она была бы освобождена от фрахта и пошлин. В этом предложении явно сказывалась забота не просто о расширении морской торговли, но в первую очередь о закупке товаров, имевших оборонное значение. По-видимому, в данном случае не последнюю роль играло и желание, чтобы сиамские торговые суда плавали под французским флагом, что до некоторой степени гарантировало бы их от пиратских действий голландцев.

Наконец, сиамский король сделал Буро-Деланду еще одно предложение — построить крепость в Джохоре, номинально считавшемся вассалом Сиама, чтобы изгнать оттуда голландцев, и готов был представить ему для этого средства. Однако, как замечают авторы обзора, Буро-Деланд «не решился взять на себя такую ответственность, хотя прекрасно понимал ценность этого мероприятия. Он сообщил об этом предложении Барону, тогдашнему генеральному директору в Индии. Компания также была информирована еще в 1684 г., но не предприняла никаких шагов» [28].

Торговые связи между Францией и Сиамом развивались слабо. За четыре года пребывания в Сиаме Буро-

[24] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 196.
[25] L. Reinach, *Recueil des traites...*, pp. 1—2.
[26] Ibid., p. 2.
[27] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 227.
[28] Ibid.

Деланд сделал лишь несколько рейсов в Тонкин на принадлежавшем французской Ост-Индской компании небольшом корабле «Сен-Жозеф». На этом же корабле он направлял в Сурат, где находилась французская торговая фактория в Индии, товары, закупленные в Сиаме (слоновую кость, сапановое дерево и др.) [29]. Французские товары, посылавшиеся из Сурата в незначительном количестве, плохо сбывались в Сиаме. Грузы, которые французские суда доставляли в Сиам, зачастую носили чисто символический характер. Так, в мае 1684 г. французское судно «Сен-Луи» доставило в Сиам вместо огнестрельного оружия или металлических изделий, тогда крайне необходимых стране, — льва. Зверь был торжественно «преподнесен» королю. Несмотря на явное разочарование, Нарай все же щедро одарил французскую компанию (общая стоимость золотых и серебряных изделий, полученных компанией, превысила 3 тыс. рупий) и обещал расширить плантации перца [30].

В это время отношения между Фальконом и членами Французской иностранной миссии в результате нейтральной позиции, занятой Фальконом во франко-португальском «миссионерском конфликте», ухудшились. Тем не менее умный и опытный авантюрист Фалькон, прекрасно понимая, что он может удержаться у власти, только опираясь на иностранные войска (в данной конкретной обстановке — скорее всего на французские), продолжал содействовать франко-сиамскому сближению (хотя и стремился еще сохранить хорошие отношения с Англией).

Такая политика Фалькона, построенная им на своекорыстном расчете, могла беспрепятственно проводиться, конечно, только потому, что сам король Нарай не видел иного выхода, кроме союза с какой-нибудь мощной иностранной державой. Этим и объясняется дипломатическая активность Сиама в последние годы правления Нарая. В поисках помощи и союза послы ездили к Великому Моголу и в Китай, в Бантам и Аче [31].

В 1684 г., когда голландцы, фактически подчинив Бантам, высвободили значительную часть своих войск и можно было ожидать со дня на день, что они нанесут следующий удар по Сиаму, из Сиама было отправлено целых четыре посольства: во Францию, в Англию, в Португалию [32] и в Персию [33].

[29] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 189.
[30] Ibid., p. 190.
[31] N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, pp. 312—313.

3. ВТОРОЕ СИАМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦИЮ

К концу 1683 г. стало ясно, что первое посольство (1680) не достигло Франции, и сиамское правительство решило направить туда новое посольство. Послами были назначены чиновники сравнительно невысокого ранга — Кун Пичай Валит (глава посольства) и Кун Пичит Майтри [34]. Официальной их задачей было выяснение судьбы первого посольства. Послы везли с собой письмо пракланга к Кольберу. В качестве переводчиков ехали миссионер Ваше — ближайший сотрудник епископа Лано — и ставленник Фалькона французский священник Паско, рассорившийся с епископом. Вместе с посольством ехали также четверо сиамских юношей, которые должны были получить образование во французских учебных заведениях.

Посольство отплыло из Сиама в январе 1684 г. на судне, принадлежавшем английскому контрабандисту, и в сентябре того же года прибыло в Лондон, откуда вскоре переправилось во Францию.

Внутренняя и внешняя политика Франции в это время направлялась мадам де Ментенон, известной покровительницей иезуитов, и исповедником короля иезуитом де Ла Шезом, которые после смерти Кольбера (1683) захватили в свои руки бразды правления. В 1683 г. под их влиянием был отменен Нантский эдикт, гарантировавший свободу вероисповедания. Десятки тысяч гугенотов эмигрировали [35]. В стране установилась атмосфера католической

[32] «Странствие Окюм-Шамнана, мандарина сиамского» (см. кн.: [Прево], *История о странствиях вообще по всем краям земного круга...*, стр. 257 сл. — Португальский корабль, везший посольство, потерпел крушение у мыса Доброй Надежды. Португальцы бросили сиамских послов одних на пустынном берегу, и те, чудом избежав смерти, после тяжких лишений, в 1687 г. вернулись на родину.
[33] «Records...», vol. III, pp. 367, 372.
[34] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, pp. 92—93. — Об этом посольстве уже частично говорилось в главе об англо-сиамских отношениях.
[35] Некоторые из них обосновались даже в Сиаме ([Forbin], *Voyage...*, p. 61).

реакции. Сам Людовик XIV чувствовал себя чем-то вроде крестоносца, распространителя «истинной веры».

В такой обстановке прибытие посольства из «языческой» страны, которая, по уверению миссионеров, была почти готова воспринять христианство, должно было несказанно обрадовать Людовика XIV и его приближенных.

Тогда же значительно возросло внимание к Сиаму и со стороны французской Ост-Индской компании. Если в первые десятилетия существования компании основные ее интересы были сосредоточены в Индии, откуда французские купцы вывозили знаменитые индийские ткани, приносившие компании большие барыши, то к середине 80-х годов положение резко изменилось. С одной стороны, французские промышленники, производившие ткани, энергично требовали прекратить ввоз иностранных тканей, подрывавший французскую текстильную промышленность. С другой стороны, осуществлявшее меркантилистскую политику правительство было недовольно непрерывной утечкой драгоценных металлов из страны, так как за индийские ткани приходилось расплачиваться главным образом деньгами. Поэтому на импорт во Францию индийских тканей стали налагаться все большие ограничения, а в 1685 г. вообще был запрещен ввоз во Францию каких бы то ни было заграничных крашеных тканей.

Французской Ост-Индской компании пришлось полностью перестраивать свою торговую политику.

Один за другим появились различные проекты, авторы которых стремились примирить интересы протекционистского правительства и компании, ведшей заморскую торговлю. В большинстве из них предлагалось переключиться с торговли индийскими тканями на торговлю пряностями и благовониями. Товары эти не конкурировали с французскими и притом всегда давали большую прибыль. Для того чтобы переключение стало возможным, необходимо было «подобно Голландии, овладеть местом, богатым пряностями» [36], однако найти его к этому времени было не так-то просто.

Индия была сравнительно бедна пряностями (экспортное значение имел только перец Малабарского побережья) и к тому же уже усеяна английскими и голландскими факториями. Бороться там с ними за торговую монополию для французской Ост-Индской компании было еще не под силу.

[36] P. Kaeppelin. *La compagnie...*, p. 199.

Другое дело — Сиам. Наиболее дальновидные деятели французской компании, такие, как Франсуа Мартен (руководитель французских факторий в Восточной Индии) и Буро-Деланд, уже с самого начала сношений компании с Сиамом стремились закрепить за Францией монополию на сиамский перец и добиться максимального расширения посадок этой ценной культуры в Сиаме. Им удалось добиться успеха в обоих направлениях.

Следующее новшество, предложенное сторонниками перестройки торговли французской компании, имело целью прекратить утечку денег из Франции. Для этого предлагались два пути: 1) увеличение экспорта французских товаров; 2) переход от прямой торговли между Францией и Востоком к посреднической торговле между восточными странами с использованием для перевозки товаров французских судов. Первое, однако, не принесло ожидаемого эффекта, так как французские ткани и другие товары находили очень слабый сбыт на Востоке. Второй путь, на который уже давно стала Голландия, сулил огромные барыши.

С этой точки зрения, для французской компании также исключительно важно было закрепиться в Сиаме, занимающем центральное положение между странами Среднего и Дальнего Востока. В качестве первоочередной задачи руководители компании намечали захват в свои руки торговли между Коромандельским побережьем Индии и Сиамом. В дальнейшем предполагалось перейти к освоению торговли между Сиамом, Китаем и Японией и, наконец, при первой возможности нанести сокрушительный удар по голландским владениям в Индонезии [37].

В свете изложенного понятен тот торжественный прием, который оказали во Франции сиамскому посольству. 6 ноября 1684 г. послы были приняты маркизом Сеньеле, занимавшим пост государственного секретаря и морского министра. 27 ноября их принял министр иностранных дел де Круасси. В тот же день Людовик XIV дал послам частную аудиенцию. Официально он их принять не мог, так как у них не было к нему писем [38].

[37] Ibid., p. 200.
[38] J. Sottas, *Histoire...*, p. 139.

Послы присутствовали на многочисленных придворных праздниках, сопровождаемые толпами любопытных разъезжали по Парижу, осматривая его достопримечательности. Им уделяли особое внимание и притом старались внушить как можно более высокое мнение о могуществе и дружелюбии Франции. Однако Кун Пичай Валит и Кун Пичит Майтри держались настороженно.

Для этого у них были достаточные основания. Прежде всего они не могли не догадываться, что играют роль чисто декоративных фигур, а переговоры от лица сиамского короля (и, разумеется, не в его пользу), так как они не знали языка, фактически ведет миссионер Ваше.

Действительно, Ваше, прибыв во Францию, развил бурную деятельность. Он заручился поддержкой наиболее влиятельных лиц при французском дворе — де Ла Шеза и Сеньеле, всячески распространялся о невероятных успехах христианской пропаганды, которую французские миссионеры вели в Сиаме, о покровительстве французам со стороны всемогущего Фалькона и даже о готовности короля Нарая перейти в христианство. Более того, он вручил Сеньеле меморандум с предложением направить в Сиам посольство, которое должно будет обратить «языческого» короля в «истинную веру», — и его предложение было принято [39].

Необходимо отметить, что западные авторы сильно преувеличивают влияние Ваше (как и вообще отдельных личностей) на развитие франко-сиамских отношений. По Хатчинсону, например, выходит, что главной причиной отправки французского посольства в Сиам в 1685 г. (посольство де Шомона) было безответственное хвастовство Ваше [40]. На деле, разумеется, здесь действовали гораздо более глубокие причины (о чем говорилось выше). Просто болтовня Ваше пала на благодатную почву и потому имела серьезные последствия.

Сиамские послы, не зная ни языка, ни обстановки, конечно, не видели в полном объеме всех интриг, которые велись за их спинами и от их имени. Однако они не могли не чувствовать общей атмосферы при французском дворе. В скором времени они и сами стали объектом настойчивой христианской пропаганды, настолько бесцеремонной, что

[39] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 99.
[40] Ibid.

это вызвало их открытое возмущение. Чтобы подчеркнуть его, послы демонстративно отказались преклонить колени во время мессы, на которую их усиленно залучали [41].

4. ПОСОЛЬСТВО ДЕ ШОМОНА

В конце 1684 г. началась энергичная подготовка к отправке французского посольства в Сиам. Во главе посольства был поставлен шевалье де Шомон, типичный представитель французского дворянства, профессиональный военный. Сравнительно незадогло до того перейдя из протестантства в католичество, он с рвением новообращенного взялся за задачу обращения «языческого» короля в «истинную веру».

Наряду с этим на него была возложена защита интересов французской Ост-Индской компании в Сиаме. В инструкции, составленной министром Сеньеле для де Шомона, говорилось: «Его Величество желает также получить от этого посольства все возможные выгоды для торговли, а также выяснить, какую еще пользу можно извлечь из Сиама» [42].

В состав посольства не входили специальные представители Ост-Индской компании. Предполагалось, что эту функцию будет выполнять на месте Буро-Деланд, глава французской фактории в Аютии [43].

Заместителем де Шомона был назначен аббат де Шуази, сумевший прославиться даже во французских придворных кругах своими скандальными похождениями. На него возлагалась обязанность заменить де Шомона в случае его смерти в дороге, а после обращения Нарая в христианство стать духовником сиамского короля [44] (т. е., по понятиям французского двора, руководителем сиамской политики). Вместе с посольством ехало четверо новых миссионеров — членов Французской иностранной миссии.

[41] Ibid., p. 100.
[42] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 55.
[43] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 228.
[44] F. T. Choisy, *Details sur l'ambassade à Siam* — в кн. [Forbin], *Voyage...*, p. 164.— Сам Шуази объяснил свое решение принять участие в посольстве божественным знамением. Однако современники утверждали, что он бежал в Сиам от кредиторов (F. T. Choisy, *Detailes...*, p. 163, note 1).

Разумеется, дело не обошлось без иезуитов. В состав экспедиции входило шесть представителей этого всесильного ордена, отобранных из большого числа кандидатов. Помимо ведения христианской пропаганды, им была поручена еще одна весьма ответственная, по сути дела чисто военная, задача — составление карт, изучение морских течений и господствующих ветров. Все они обладали специальными знаниями (математика, астрономия). Людовик XIV пожаловал им звание «математики короля в Индии» и положил им значительное жалование. Для придания им большего веса всех шестерых незадолго до отъезда спешно приняли в Академию [45].

Предполагалось, что после обращения короля Нарая в христианство эти «высококвалифицированные кадры» тотчас будут переброшены в Китай для продолжения пропагандистской и шпионской деятельности. Иезуиты рассчитывали при этом на помощь Фалькона, с 1682 г. тесно связавшего себя с их орденом [46].

К весне 1685 г. все приготовления были закончены, и 3 марта два корабля королевского флота — 46-пушечное судно «Уазо» и 24-пушечный фрегат «Малинь» отплыли из Бреста, неся на борту посольство, многочисленные подарки сиамскому королю и придворным и значительный груз товаров французской Ост-Индской компании (компания отправила с посольством де Шомона 174 *т* товаров на сумму 1405,4 тыс. ливров). После шести с половиной месяцев плавания суда 22 сентября 1685 г. бросили якорь в устье Менама [47].

Посольство было встречено самым торжественным образом. Для отдыха членов посольства на пути от моря до Аютии сиамские власти отвели лучшие здания [48]. Толпы народа собирались на улицах городов, чтобы приветствовать (чаще — по принуждению) послов. На приемах у короля послам и сопровождавшим их лицам были оказаны неслыханные почести — они могли разговаривать с королем стоя и не разуваясь [49]. В целом это создавало впечатление триумфального успеха французского посольства.

[45] J. Sottas, *Histoire...*, p. 139.
[46] [Beze], *Mémoire...*, pp. 28—29.
[47] F. T. Choisy, *Journal...*, pp. 1, 127; P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 198.
[48] G. Tachard, *Voyage...*, p. 211.
[49] Chaumont, *Relation...*, p. 50.

Однако на деле не все шло так гладко, как могло казаться поверхностному наблюдателю.

Даже в Королевском совете — Лук кун сала, отличавшемся исключительным сервилизмом, король не смог сразу добиться одобрения своей политики в отношении французов. Подробное содержание прений на совещании, посвященном прибытию французского посольства 1685 г., не дошло до нас, но известно, что многие видные члены совета выражали недовольство опасной политикой, способствовавшей проникновению иностранцев в страну. «Король лишь богатыми дарами и почестями сумел рассеять недовольство этих сановников» [50]. Разногласия в правящих кругах Сиама, возможно, и послужили причиной того, что церемония вручения письма Людовика XIV к Нараю и первая аудиенция, данная королем де Шомону, состоялась почти через месяц после прибытия посольства — 18 октября [51].

Официальная передача письма была обставлена с исключительной пышностью. Для доставки письма, заключенного в золотой ларец, в резиденцию короля выделили празднично разукрашенное гребное судно — «балон». На таких же судах были размещены поодиночке руководители посольства де Шомон, Шуази, а также епископ Лано. В сопровождении многочисленной почетной охраны послы проследовали через весь город во дворец, где были приняты королем в присутствии всего двора. Первая аудиенция, помимо собственно вручения письма, представляла собой в основном обмен обычными формулами вежливости. Однако уже при этом произошел внешне незначительный, но весьма красноречивый инцидент.

Во время предварительного обсуждения церемониала встречи обе стороны пришли к соглашению, что король, согласно обычаю, будет беседовать с послами из окна, выходящего в зал для аудиенций. Поскольку это окно было расположено довольно высоко, де Шомон должен был подать королю письмо на золотом блюде, к которому снизу была приделана длинная ручка. Французский посол не возражал против подобного способа вручения, однако во время самой церемонии он «передумал» и лишь

[50] F. T. Choisy, *Journal...*, p. 144.
[51] Ibid., pp. 151—155; Chaumont, *Relation...*, pp. 50—58; G. Tachard, *Voyage...*, pp. 233—234.

приподнял поднос с письмом, вместо того чтобы протянуть его королю. Во избежание дипломатического скандала королю пришлось с принужденной улыбкой высунуться более чем наполовину из окна, несмотря на риск свалиться вниз, и взять письмо [52].

Так с самого начала переговоров определилось неравенство сторон.

Главная борьба разыгралась вокруг предъявленного Нараю требования перейти в христианство (и, следовательно, христианизировать свою страну). Само по себе это требование было настолько абсурдно, что даже во Франции XVII в. многие представители интеллигенции открыто издевались над ним. Еще до отъезда де Шомона известный французский писатель Лабрюйер писал: «Если бы нам сказали, что подлинная цель сиамского посольства заключается в том, чтобы заставить нашего христианнейшего короля отречься от христианства, допустить в свое королевство буддийских монахов, которые проникнут в наши дома, чтобы убеждать наших жен, детей и нас самих принять их религию, разрешить им построить пагоды в центре наших городов, где они воздвигнут металлические статуи для поклонения, — с какой насмешкой, с каким возмущением восприняли бы мы эти столь экстравагантные требования.

Мы, однако, направляемся за шесть тысяч лье по морю для обращения Индии, Сиама, Китая и Японии, т. е. для того, чтобы совершенно серьезно делать всем этим народам предложения, которые должны им казаться смешными и безумными...» [53].

Тем не менее де Шомон с завидной настойчивостью на каждой аудиенции вновь и вновь возвращался к вопросу о принятии королем христианской веры, ставя в зависимость от него решение всех остальных вопросов. Западные авторы склонны объяснять это упорство личными качествами де Шомона, его религиозным фанатизмом. Но посол действовал не по собственному вдохновению, а точно следуя инструкциям, полученным от Людовика XIV. Это подтверждается документами, прежде всего письмом самого Людовика XIV к Нараю, а также меморандумом де Шомона сиамскому королю [54].

[52] F. T. Choisy, *Journal...*, pp. 154—155.
[53] Цит. по кн.: K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 103.
[54] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 222.

В принципе цель миссии де Шомона одобряли и епископ Лано со своим штабом и союзник враждовавших с епископом иезуитов Фалькон. Однако оба они упрекали де Шомона в недостатке дипломатической гибкости. Лучше разбираясь в реальной обстановке, они понимали, что в то время не могло быть речи не только об обращении короля, но даже и о сколько-нибудь существенной христианизации страны [55]. Для этого, считали они, необходимы длительная предварительная подготовка, значительное усиление христианской пропаганды, а главное, как говорил более откровенный Фалькон, наличие французских войск во всех стратегически важных пунктах страны [56].

Лано и Фалькон всячески убеждали де Шомона отложить свое ультимативное требование до лучших времен. При этом Фалькон, исполнявший роль переводчика, во время первых, дававшихся в присутствии всего двора аудиенций вообще опускал при переводе места в речи французского посла, где говорилось о религии. Конечно, он не столько боялся гнева короля (как объяснял свое поведение де Шомону), сколько того, что предложение посла получит широкую огласку, а это было бы чревато серьезнейшими последствиями.

Стараясь не уронить себя в глазах де Шомона, Фалькон не стал распространяться на тему, что одно лишь известие о подобном проекте может в корне подорвать авторитет правительства Нарая. Тем не менее он сказал послу без обиняков, что переход Нарая в христианство и попытка христианизации местного населения непременно вызовут всеобщее восстание [57].

И все же де Шомон не снял свое предложение. Он очень выгодно использовал заведомо невыполнимое требование, выдвигая его в качестве контрусловия каждый раз, когда сиамская сторона просила у него что-нибудь существенное. Поскольку главным требованием сиамского правительства было заключение Францией оборонительного союза с Сиамом против Голландии, оба эти вопроса оказались неразрывно связанными на всем протяжении переговоров.

[55] Ibid., p. 214.
[56] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 112.
[57] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, pp. 217, 219.

Уже на аудиенции 18 октября де Шомон основную часть своей приветственной речи посвящает восхвалению христианской религии. Нарай же, задавая обычные вопросы, справляясь о том, как себя чувствуют послы, хорошо ли доехали, сразу же сворачивает разговор на инцидент, происшедший с послами недалеко от Батавии, когда на их судно внезапно напал голландский корабль. В этой беседе, как отмечалось в отчете де Шомона, выявилась большая ненависть Нарая к голландцам. Де Шомон, со своей стороны, был рад подлить масла в огонь, сообщив, что французский посол в Голландии сделал официальный запрос о судьбе первого сиамского посольства во Францию. При этом де Шомон довольно прозрачно намекнул, что именно в Голландии следует искать виновников гибели посольства [58]. Обострение отношений между Сиамом и Голландией, конечно, входило в намерения французских послов.

Однако, когда на второй аудиенции, 25 октября, разговор о борьбе с голландцами принял вполне конкретный характер и Нарай заявил, что, как ему точно известно, голландцы готовят нападение на Сиам, де Шомон предпочел отделаться туманными, ни к чему не обязывающими фразами. Так же неопределенно он отвечал на претензии Сиама к французской Ост-Индской компании, которая, несмотря на большие льготы, за истекшие пять лет не смогла развернуть сколько-нибудь значительной торговли.

Чтобы добиться от де Шомона какого-либо определенного ответа, король прямо предложил заключить оборонительный и наступательный союз против Голландии. Вместо ответа де Шомон вновь потребовал перехода Нарая в христианство, после чего «король встал и вышел» [59].

Не обескураженный таким внезапным концом аудиенции, де Шомон несколько дней спустя представил Нараю уже упоминавшийся меморандум. В этом документе он обещал сиамскому королю союз, военную и техническую помощь и вообще «все, что ему угодно», но при все том же условии — переходе в христианство [60].

Фактически это было равносильно отказу заключить

[58] Ibid., p. 216.
[59] Ibid., p. 217.
[60] Ibid., p. 222.

союз. Однако Нарай не счел возможным прервать переговоры.

В ответном меморандуме он с большим достоинством отклоняет предложение французского посла о перемене религии, «которая существует в его королевстве 2229 лет» [61]. Вместе с тем он подтверждает свои дружеские чувства к Франции и готовность в любой момент подписать договор о союзе. Он обещает дать всевозможные льготы и привилегии французской Ост-Индской компании. Словом, он проявляет готовность идти на любые односторонние уступки в надежде добиться, хотя бы в будущем, поддержки Франции. И действительно, дальнейшие переговоры свелись к тому, что де Шомон, фактически ничего не обещая, выставлял одно требование за другим, а сиамское правительство их удовлетворяло.

Важнейшим вопросом, обсуждавшимся в этой части переговоров, был вопрос о привилегиях христиан. Полуторавековой опыт католических миссионеров в Сиаме показал, что местное буддийское население очень слабо поддается воздействию христианской пропаганды. Это было вполне естественно, так как Сиам уже давно пережил период формирования классового общества, наиболее благоприятный для распространения религии типа христианства. С другой стороны, в Сиаме еще не было таких мощных антифеодальных движений, как, например, в Японии, которые могли бы использовать христианство в качестве своего знамени. Наконец, буддийская церковь в Сиаме пользовалась очень большим авторитетом, тогда как христианство уже сильно скомпрометировало себя разбойничьими подвигами португальцев, голландцев и англичан. Французские миссионеры вполне отчетливо понимали, что сколько-нибудь значительное распространение христианства в Сиаме возможно лишь искусственным путем, т. е. в результате административного нажима либо предоставления христианам особых, исключительных прав и привилегий.

Именно с целью получения таких привилегий и были выработаны де Шомоном (очевидно, в сотрудничестве с епископом Лано и аббатом Шуази) его пять требований по вопросам религии [62].

[61] Ibid., p. 219.
[62] L. Reinach, *Recueil des traites...*, pp. 3—5.

Первое требование — предоставление христианским миссионерам полной свободы пропаганды — фактически еще не было чем-либо чрезвычайным для Сиама, оно выдвигалось в расчете на то, чтобы лишь официально закрепить существовавшее положение. При этом, разумеется, французы не допускали и мысли о взаимности такой свободы.

На первый взгляд безобидным было и второе требование. «Французский посол, — говорилось в ноте, — просит разрешить миссионерам обучать коренных жителей страны, чтобы они могли хорошо служить королю Сиама как в государственных делах, так и в вопросах совести...». Однако предполагалось, что обучающиеся в этих школах будут пользоваться теми же привилегиями, что и буддийские монахи, т. е. будут освобождены от всех налогов и повинностей. Эта же привилегия должна была распространяться и на местных жителей, ушедших в христианский монастырь. Таким образом, создавалась серьезная приманка для сиамского крестьянина, задавленного налоговым гнетом, а христианские монастыри получали возможность упрочить свою экономическую базу за счет эксплуатации крестьян-католиков путем, например, собирания десятины и т. п.

Третье требование касалось освобождения христиан по воскресениям и в дни многочисленных церковных праздников от «всех служб, которые они обязаны были нести в пользу своих мандаринов...», что ставило их в привилегированное положение по сравнению с крестьянами-буддистами.

Согласно четвертому требованию, дела об освобождении больных и престарелых христиан от повинностей должен был рассматривать специально назначенный чиновник, а не как было общепринято. В этом требовании также видно стремление выделить христиан в резко обособленную привилегированную группу.

Наиболее вызывающим было пятое требование. Де Шомон потребовал не более и не менее как неподсудности христиан обычным сиамским судам. Для суда над сиамцами-католиками предлагалось назначать специального чиновника (по рекомендации епископа!). Таким образом, для всех христиан на территории Сиама, независимо от подданства, устанавливался своеобразный экстерриториальный режим.

Последнее требование вызвало замешательство даже во французском лагере. Иезуиты и Фалькон, в принципе, разумеется, одобрявшие политику де Шомона, считали его требования недипломатичными и преждевременными.

Оглашение этих требований, в особенности пятого, как впоследствии писал иезуит де Без, могло повести только к взрыву народного негодования и «сделать христианскую религию и христиан одиозными» в глазах народа [63].

Главным же аргументом противников пяти требований было то, что проведение их в жизнь было нереально без поддержки французских гарнизонов в стране.

Тем не менее де Шомон настоял на своем, и 10 декабря 1685 г. Фалькон, преодолев сильную оппозицию в Королевском совете [64], подписал от имени сиамского правительства «Трактат о предоставлении привилегий апостолическим миссионерам», полностью удовлетворявший пять требований французов.

Однако опубликование «Трактата» Фалькон решил отложить до более подходящего времени, несмотря на энергичные требования епископа Лано. В результате этого уже наметившийся конфликт между Фальконом и поддерживавшими его иезуитами, с одной стороны, и Французской миссией во главе с епископом — с другой, еще больше углубился.

Важным вопросом, обсуждавшимся в ходе переговоров 1685 г., было также правовое положение французской Ост-Индской компании в Сиаме.

11 декабря был подписан документ, озаглавленный «Привилегии, дарованные королем Сиама Французской компании» [65] (инструкция французского министерства иностранных дел называет его просто договором 11 декабря [66]). Этот документ состоит из 13 параграфов, охватывающих самые разнообразные вопросы.

Согласно §§ 1 и 11, компании предоставлялось право основывать торговые фактории на территории Сиама «во всех местах королевства, которые она считает подходящими для торговли...», и «свободно торговать» в Сиаме «с освобождением от всех пошлин на ввоз и вывоз».

В ряде статей разъясняется понятие этой свободной

---

[63] [Beze], *Mémoire...*, p. 49.
[64] Ibid.
[65] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 227.
[66] Ibid., pp. 231—236.

торговли. В частности, компания получала право покупать все товары, импортирующиеся в Сиам (§ 4), экспортировать товары из Сиама в любое место (§ 8), перевозить свои товары на иностранных судах (§ 6), фрахтовать в случае надобности любое число сиамских судов (§ 8) и др.

Ограничения указанной свободы торговли, содержащиеся в «Привилегиях», делятся на две группы: 1) запрещение торговать товарами, не принадлежащими компании, т. е., пользуясь своим налоговым иммунитетом, продавать или провозить товары, принадлежащие другим компаниям или частным лицам, не освобожденным от уплаты пошлины (§§ 2, 7), а также покупать для них товары (§ 5). Цель такого запрета ясна: привилегии предоставляются компании для реальной торговли, а не для спекуляции самими привилегиями; 2) запрещение покупать товары, составляющие государственную монополию, где бы то ни было, кроме как со складов короля или у торговцев, которые их там купили (§ 3). Государственная торговля монополии давала сиамскому королю очень значительные доходы. Принудить его полностью отказаться от этой монополии французы не смогли. По договору, в случае нарушения его условий служащими французской компании она лишалась своих привилегий до разрешения конфликта королем Франции.

В договоре затрагивался также вопрос об экстерриториальности французских подданных (§ 9). Все дела о преступлениях, совершенных французами (кроме лиц, состоящих на сиамской службе) против своих соотечественников, по договору подлежали ведению главного уполномоченного французской Ост-Индской компании в Сиаме. В случае же если французы совершали преступления по отношению к местным жителям, французский представитель должен был решать дело совместно с сиамскими судьями. Таким образом, договор лишь частично признавал экстерриториальность французских подданных. Здесь следует заметить, что практически за все три года действия этого договора не было проведено ни одного совместного заседания сиамских и французских судей для суда над французами.

Согласно § 10, французской компании предоставлялось монопольное право торговли в округе Джанк-Сейлон. По существу это означало, что в распоряжение французов переходили богатейшие оловянные месторождения Сиама.

Наконец, в § 13 (секретном) говорилось, что «король

Сиама дарует Компании Сингору со всем ее округом с правом укреплять и использовать по своему усмотрению».

Занесению этого пункта в договор предшествовала длительная дискуссия между сторонниками Фалькона и сторонниками епископа. И для тех, и для других было совершенно ясно, что для того, чтобы закрепиться в Сиаме, французы должны располагать какой-то военной и морской базой, находящейся в полном их распоряжении. Но вопрос о выборе места стал предметом самых жарких споров.

Фалькон предложил французам Сингору, небольшое малайское княжество с одноименной столицей — удобным портом на восточном побережье Малаккского полуострова. В пользу такого выбора он выставлял следующие доводы. 1. Этот район плодороден (здесь собирают два урожая риса в год, тогда как в собственно Сиаме — лишь один). 2. Гавань Сингоры доступна для судов в любое время года. 3. Порт посещают обычно суда, идущие из Китая и Японии к Малаккскому проливу и далее. 4. В этом месте (по проекту прибывшего с де Шомоном инженера де Ла Мара) можно прорыть канал через перешеек Кра и тем самым полностью уничтожить значение Малакки, находящейся в руках голландцев. 5. Нарай сравнительно охотно уступит Сингору (так как власть его там очень непрочна). 6. Сингора труднодоступна для сиамцев с суши, на море же французский флот будет бесспорно господствовать над сиамским. 7. Французские суда, базируясь на Сингору, в любое время смогут войти в Менам и держать страну под контролем [67].

Однако епископа Лано, который ранее сам осуждал де Шомона за излишнюю поспешность, не устраивал такой план, рассчитанный на постепенное закрепление французов в Сиаме. Он и его приверженцы требовали форсировать овладение важнейшими стратегическими пунктами Сиама и энергично воздействовали на де Шомона, побуждая его настаивать на передаче французам Бангкока, этого «ключа королевства», по выражению современников. Свое требование они мотивировали заботой о безопасности миссионеров и служащих компании в случае франко-сиамского конфликта.

В ответ на их притязания Фалькон резонно заметил, что «не говоря уже о том, можно ли будет добиться этого

[67] [Beze], *Mémoire...*, pp. 45—46.

от короля, но даже если его согласие будет получено, это поднимет на ноги всех сиамцев и даже иностранцев, которые не смогут глядеть на ключ королевства в руках французов, не испытывая самых тяжких подозрений»[68].

В конечном счете де Шомон согласился с Фалькономом, что претендовать на Бангкок еще преждевременно, и решил ограничиться требованием передачи Сингоры. Впервые оно было сформулировано де Шомоном в ответе на меморандум Нарая в конце ноября 1685 г. Де Шомон обусловил тогда процветание торговли французской Ост-Индской компании «дарованием» Сингоры[69]. Но на случай, если при французском дворе будет решено принять предложение епископа — требовать уступки Бангкока, де Шомон добавил к своему требованию оговорку, что оно еще подлежит утверждению Людовиком XIV, и в такой формулировке акт дарения Сингоры был внесен в § 13 договора.

Одновременно с договором о привилегиях французской компании де Шомон ратифицировал от имени короля договор 1684 г. о монополии на торговлю перцем[70]. Этим исчерпывались письменные соглашения, заключенные посольством де Шомона с сиамским правительством.

Кроме того, имел место ряд устных соглашений, главным образом военного характера. Так, по просьбе Нарая, де Шомон инспектировал укрепления в Луво и другие крепости Сиама. Для руководства фортификационными работами в Сиаме был оставлен участник посольства инженер де Ла Мар[71]. По инициативе Фалькона в Сиаме остался также адъютант де Шомона граф Форбен. Ему был присвоен титул сиамского адмирала. Король назначил его командующим флотом и губернатором Бангкока[72]. В его обязанности входило быстрейшее укрепление Бангкока по европейскому образцу и обучение гарнизона, состоявшего преимущественно из местных португальцев, современным методам военного искусства. Энергия, с которой Фалькон продвигал французского офицера на этот ответственный пост, ясно показывает, что он сопротивлялся передаче Бангкока французам только по тактическим соображениям,

[68] Ibid., p. 47.
[69] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 223.
[70] L. Reinach, *Recueil des traites...*, pp. 1—2.
[71] F. T. Choisy, *Journal...*, p. 216.
[72] [Forbin], *Voyage...*, p. 46.

а отнюдь не из преданности королю Сиама, в чем его пытались «обвинить» сторонники епископа[73].

Однако сам Нарай, по-видимому, нисколько не сомневался в преданности Фалькона и, как показывают документы, проявлял значительно большую заботу о своем фаворите, чем тот о нем. Прекрасно зная о всеобщей ненависти в Сиаме к Фалькону, король резонно полагал, что всесильному временщику придется спешно бежать из Сиама после его, Нарая, смерти. На этот случай Нарай специально просил де Шомона на аудиенции 10 декабря предоставить Фалькону убежище во Франции[74].

5. МИССИЯ ТАШАРА

Сиамский король едва ли стал бы заботиться о судьбе своего любимца, если бы знал все подробности переговоров, которые тот вел с французским послом, и особенно если бы ему было известно о тайных переговорах Фалькона с иезуитом Ташаром, приближенным лицом исповедника короля де Ла Шеза, прибывшим в Сиам во главе группы французских иезуитов вместе с посольством де Шомона[75].

Приехав в Аютию, предприимчивый иезуит быстро сблизился с Фалконом. Как сообщает помощник Лано аббат Лионне, положение Ташара как главы французских иезуитов в Сиаме «не помешало ему выступать в качестве секретаря Фалькона и при этом даже в совершенно частных делах»[76]. Ташар и остальные иезуиты с самого начала нашли общий язык с Фалконом, который поддерживал иезуитов в их давнем соперничестве с Французской иностранной миссией. Гибкость и дипломатичность действий Фалькона более соответствовали духу традиционной иезуитской политики, чем грубый и прямолинейный напор епископа и де Шомона.

Со своей стороны, хорошо информированный Фалькон прекрасно знал о всемогуществе иезуитов при французском дворе и в общем правильно полагал, что заручиться их поддержкой гораздо важнее, чем добиться поддержки

[73] [Beze], *Mémoire...*, p. 47.
[74] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 225.
[75] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 111.
[76] Ibid., p. 158.

официальных послов [77]. Поэтому именно Ташару Фалькон открыл свои самые сокровенные замыслы и совместно с ним разработал конкретный план полного подчинения Сиама французскому королю и католической церкви.

Основные практические мероприятия перечисляются в секретной «инструкции», которой Фалькон снабдил Ташара при отъезде последнего из Сиама [78]. Они сводятся в общем к двум пунктам: 1) подрыв сиамского государственного аппарата изнутри и 2) давление на Сиам извне.

По первому пункту главную роль были призваны сыграть французы, которые должны были быть размещены на всех важнейших постах в Сиаме. Фалькон предлагал прислать из Франции 60—70 человек, а он, пользуясь своим влиянием, предоставит им посты губернаторов провинций и городов, комендантов крепостей, генералов и офицеров сиамской армии и флота и даже членов Лук кун сала.

Характерно, что в числе этих будущих сиамских сановников Фалькон заранее отводит значительное место иезуитам, но предупреждает, что они должны быть одеты в светское платье и никто, даже среди европейцев, не должен подозревать об их принадлежности к ордену. Подобная тайная деятельность иезуитов, пробиравшихся на важные административные посты, хорошо известна и в истории европейских стран, хотя сами иезуиты всегда энергично это отрицали.

Для того чтобы сделать проникновение французов в сиамский государственный аппарат менее одиозным в глазах местного населения, Фалькон подсказывает французскому правительству демагогический ход. Он предлагает посылать в Сиам только богатых людей, не заинтересованных в жаловании, имеющих возможность «служить безвозмездно». В этом случае захват иностранцами всех руководящих постов в государстве можно было бы представить как дружескую и бескорыстную помощь со стороны Франции.

Нет нужды говорить, что «безвозмездное служение» по Фалькону должно было продолжаться ровно столько, сколько времени понадобится французам для того, чтобы

[77] Заместитель де Шомона, аббат Шуази, сообщая, что в беседе с Фальконом Ташар объяснил тому, что послы не пользуются никаким влиянием при французском дворе, замечает по этому поводу: «И он, конечно, был прав» (F. T. Choisy, *Details...*, p. 167).

[78] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, pp. 112—113.

закрепиться в Сиаме. Свою позицию он сам с достаточной определенностью выразил в беседе с Форбеном: «Сиам, конечно, страна небогатая, но нам с вами хватит» [79].

Мероприятия другого рода — давление на Сиам извне — мыслятся, так сказать, как вспомогательные. Прекрасно понимая, что положение французов в сиамском государственном аппарате может стать прочным только тогда, когда они будут опираться на существенную военную силу, Фалькон в своей «инструкции» уделяет большое внимание созданию опорных пунктов для французских войск в Сиаме. «Необходимо иметь две хорошие колонии, обеспеченные достаточным количеством солдат, — пишет он. — После того как это будет осуществлено, нечего будет бояться» [80].

Фалькон не забывает лишний раз подчеркнуть выгоды, которые французы могут получить, обосновавшись в Сиаме. «Провизия здесь имеется в изобилии, — пишет он. — Мы будем обладать любым количеством олова, железа и меди, которое потребуется для изготовления всех видов изделий, вплоть до пушек» [81]. Вместе с тем он сулит и немалые торговые выгоды, предсказывая, что французская колония в Сингоре станет торговым центром Сиама.

Заключительные слова «инструкции» Фалькона проливают некоторый свет на то, как он мыслил себе государственное устройство Сиама под французским протекторатом: «На случай того возражения, что король может умереть и тогда все предприятие обречено на неудачу, я обещаю и сделаю так, что наследник короля проявит еще большую готовность, чем король Нарай, даровать нам все, что угодно. И при нем христианство будет пользоваться еще большим покровительством» [82].

Таким образом, имелось в виду, что формально во главе государства будет стоять сиамский король, но он превратится в марионетку в руках французского наместника. На роль последнего Фалькон, разумеется, прочил самого себя. Что касается марионеточного короля, то и здесь у Фалькона была уже намечена кандидатура — приемный сын Нарая принц Мон Пит. Этот честолюбивый, но недалекий юноша, права которого на престол признавались да-

[79] [Forbin], *Voyage...*, p. 47.
[80] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 113.
[81] Ibid.
[82] Ibid.

леко не всеми, должен был послужить удобным орудием в руках опытного интригана Фалькона[83].

Таков был общий, схематический план подчинения Сиама, разработанный Фальконом и доверенный им бумаге. Судя по многим намекам в «инструкции» и по аналогии с другими документами, между Фальконом и Ташаром имелась еще и устная договоренность, которую они не решились зафиксировать на бумаге. Неоднократные упоминания Фалькона о необходимости соблюдать полную тайну и спешить в выполнении задуманного, показывают, что он не на шутку опасался раскрытия своего плана сиамцами.

Миссия Ташара осуществлялась в обстановке исключительной секретности. Даже де Шомон и Шуази узнали о подлинной причине возвращения Ташара во Францию только в Париже.

6. ВОССТАНИЕ МАКАССАРЦЕВ

Все усиливавшееся проникновение европейцев в Сиам и все большее подчинение страны воле европейских держав не могло не вызывать серьезного недовольства в самых широких кругах сиамского народа.

История антиевропейского движения в Сиаме до 1688 г. (до изгнания французов) в силу самого характера источников, к сожалению, известна лишь немногим больше, чем история классовой борьбы того периода. Печатные труды современников об этом движении, как правило, умалчивают о нем или искажают его смысл. Больше материала дают письма и докладные записки, составленные в свое время не для печати.

В начальный период эта борьба, по-видимому, принимала форму подачи петиций королю, в которых разоблачались злоупотребления и преступные действия европейских авантюристов, состоявших на сиамской службе. Так, в конфиденциальном письме Фалькона де Ла Шезу, где кратко излагается история антиевропейской борьбы в Сиаме до 1686 г., сообщается, в частности, о том, что в феврале

[83] Ища опоры в борьбе с другими претендентами на трон, Мон Пит, действительно, стал ревностным сторонником Фалькона и, по-видимому, даже тайно принял христианство (V. Thompson, *Thailand...*, p. 173).

1684 г. «человек из дома принца» (т. е., видимо, крепостной или мелкий чиновник одного из братьев короля) принес судье бумагу, содержащую историю правления Нарая, написанную в обличительном тоне. Особое внимание в ней уделялось христианским миссионерам — «врагам закона». Памфлет кончался выводом, что Нарай больше не заслуживает своего традиционного титула — «защитник веры». Податель бумаги был, естественно, немедленно арестован. На следствии он признался, что написал свой памфлет под влиянием проповедей монахов, которые утверждают, что король — враг буддизма и неизбежно должен погибнуть.

Видя безрезультатность петиций королю и правительству, противники европейского проникновения начали апеллировать к массам, стали вести среди них широкую устную и письменную пропаганду. Весной 1686 г. они расклеили свои листовки на улицах летней резиденции короля Луво, а одну листовку даже прибили к дереву прямо против дверей королевского дворца. Виновники не были обнаружены, но можно полагать, что и в этом случае активную роль сыграло буддийское духовенство. Индуистское духовенство Сиама, немногочисленное, но весьма влиятельное в придворных кругах, в данном вопросе полностью примыкало к буддийскому. В том же 1686 г. обвинение в антиевропейской, антиправительственной пропаганде было предъявлено одному из брахманов, входивших в Королевский совет[84].

Борьба, конечно, не ограничивалась только мирными действиями. Как сообщает Фалькон, еще в 1674 г. некий чиновник из ведомства юстиции составил обширный заговор с целью убить короля за то, что тот покровительствует иностранцам. Нападение предполагалось осуществить во время одной из излюбленных охот Нарая, но заговор был раскрыт, прежде чем заговорщики приступили к действию[85].

Сохранилось драматическое, хотя, может быть, и не вполне достоверное описание покушения на Нарая буддийских монахов, состоявшегося не позднее 1685 г.[86]. «Однаж-

[84] [Beze], *Mémoire...*, p. 179.
[85] Ibid., p. 178.
[86] Из числа современников событий об этом покушении рассказывает только Жервез, который, впрочем, был очень хорошо осведомлен о сиамских делах (N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, pp. 253—254).

ды, — говорит рассказчик, — они (монахи. — *Э. Б.*) собрались в самой прекрасной из их пагод. Они знали, что король должен туда прийти, чтобы отпраздновать с ними величайший из их праздников. Так как солдаты его гвардии обычно оставались вне храма, то короля сопровождали только пять-шесть высших чиновников. Как только король вошел в храм, монахи тотчас закрыли двери, уверенные, что теперь уже ничто не может помешать исполнению их плана», т. е. убийству Нарая. Далее рассказывается, как заговорщики потерпели крах благодаря бдительности двух офицеров, осматривавших помещение незадолго до прихода короля: они обратили внимание на необычную многолюдность и обнаружили, что под рясами у монахов было спрятано оружие. Вызванные вовремя гвардейцы ворвались в храм и перерезали монахов.

Несмотря на известную беллетристичность этого рассказа, трудно предположить, чтобы он был целиком вымышленным.

Наиболее крупным (до 1688 г.) вооруженным выступлением против короля Нарая и его проевропейской политики явилось уже упоминавшееся движение, получившее известность как восстание макассарцев. Основной ударной силой антиправительственного заговора в данном случае стали воинственные макассарцы (буги), бежавшие в Сиам с Сулавеси от преследований голландцев. Однако движение, для подавления которого правительству Нарая пришлось напрячь все свои силы, конечно, не ограничивалось мятежом нескольких сотен эмигрантов. Как единодушно признают и современники и позднейшие исследователи, в заговоре принимали участие виднейшие вельможи Сиама. Более того, ход событий показывает, что восставшие пользовались пассивной поддержкой народа. Наконец из ряда свидетельств современников вытекает, что так называемое восстание макассарцев не ограничивалось рамками Сиама [87].

В союзе с макассарским принцем Даем, главой заговора, находились правители Камбоджи и Малайи, активно участвовали в заговоре тямские принцы и индийские купцы-мусульмане [88]. Особенно тесные связи заговорщики установили с Индонезией. Одновременно с восстанием против англо-французского засилия в Сиаме должно было начаться восстание против голландцев в Батавии [89]. Здесь, так же как и в Аютии, главной силой должны были стать макассарцы, служившие в войсках компании.

Между индонезийскими и сиамскими заговорщиками, несомненно, существовала конкретная договоренность о взаимопомощи. Так, за несколько дней до восстания в Аютию прибыла галера с деньгами и вооруженными людьми [90], присланная отцом принца Дая — макассарским султаном. В то же время в Сиамском заливе была обнаружена эскадра из 40 малайских прау, которая крейсировала вдоль берегов в ожидании сигнала к нападению [91].

В данном случае антиевропейское движение в Сиаме и Индонезии, как и многие другие массовые движения средневековья, приняло религиозную окраску. Лозунг борьбы против европейцев был в этом движении заменен другим, более общим лозунгом — борьбы против христиан, за «истинную» (в данном случае — мусульманскую) веру. В Индонезии мусульманская религия была господствующей. В Сиаме же выступление именно мусульман как застрельщиков в борьбе против европейского засилия объясняется тем, что подавляющее число восточных купцов, ведших торговлю в этой стране и, следовательно, в первую очередь страдавших от проникновения сюда европейских торговых компаний, исповедовали мусульманскую религию.

К влиятельной и довольно многочисленной группе мусульманского купечества, постоянно проживавшей в Сиаме, прежде всего примкнули крупные чиновники, которые были обеспокоены интенсивным проникновением европейцев на важнейшие государственные посты.

Первое выступление этих двух групп недовольных [92] относится к 1682 г., когда была предпринята попытка возвести на трон старшего из двух сводных братьев короля Нарая (Чао Фа Апайтота) [93]. Заговор провалился, но

---

[87] [G. Tachard], *Second voyage...*, pp. 81—85; J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 285, 293; M. Collis, *Siamese White*, p. 128.

[88] [Forbin], *Voyage...*, p. 71; [G. Tachard], *Second voyage...*, p. 83.

[89] [G. Tachard], *Second voyage...*, p. 108.

[90] Ibid., p. 89.

[91] J. Anderson, *English intercourse...*, p. 292.

[92] Принца Дая и его окружение, несмотря на их феодальные титулы, правильнее было бы отнести к купеческой группе, так как общеизвестно, какую огромную роль играла для Макассара внешняя торговля.

[93] [G. Tachard], *Second voyage...*, p. 83.

Нарай не решился тронуть принца Дая, стоявшего во главе заговорщиков, по-видимому, не желая окончательно испортить отношения с мусульманским купечеством.

После прибытия осенью 1685 г. в Сиам первого французского посольства и заключения ряда невыгодных для Сиама договоров оппозиция снова подняла голову. На первый план опять выдвинулся энергичный принц Дай (хотя за ним, несомненно, стояли многие сиамские вельможи, предпочитавшие оставаться в тени). Даю удалось втянуть в заговор двух тямских принцев-мусульман, живших при сиамском дворе на правах эмигрантов. Втроем они разработали план восстания, которое должны были начать мусульмане, проживавшие в сиамской столице, т. е. главным образом малайцы и макассарцы. Заговорщики ставили целью возвести на престол младшего брата Нарая, слабохарактерного и болезненного Чао Фа Ноя [94]. Используя его как марионетку, они рассчитывали распространить мусульманство по всему Сиаму и, опираясь на союз с другими мусульманскими державами, очистить страну от христиан-европейцев.

В соответствии с этим планом, посвященные в заговор муллы начали вести агитацию в малайском и макассарском кварталах Аютии. Вскоре к заговору примкнули поодиночке свыше 300 малайцев и макассарцев. Таким образом, принц Дай располагал теперь уже довольно значительным боеспособным отрядом, который он затем надеялся пополнить, освободив заключенных в тюрьмах и рабов на галерах. Восстание было назначено на 15 августа (по другим сведениям, на середину июля 1686 г.) [95]. Заговорщики рассчитывали воспользоваться отъездом Нарая в его летнюю резиденцию, чтобы сравнительно быстро захватить королевский дворец в Аютии, а затем уже двинуться на Луво, присоединяя к себе по дороге всех недовольных.

Но за несколько часов до выступления, в результате двойного предательства (тямского принца и малайского муллы), этот план стал известен Фалькону и губернатору Аютии. Правительство приняло срочные меры. В Аютию был тотчас направлен гвардейский корпус (3000 солдат), дворец короля в Луво был окружен пятитысячным отрядом преданных войск [96]. В такой обстановке Дай не решился на выступление.

[94] Ibid., p. 83.
[95] Ibid., pp. 84—85.

На следующий день в Аютию прибыл Фалькон и от имени короля обещал помилование всем заговорщикам, которые сложат оружие в течение четырех дней. Большинство их приняло это требование, но вместо помилования их предали суду. Около 200 человек было казнено. Принц Дай со своими приверженцами отступил в макассарский квартал (у него, по-видимому, осталось не более сотни боеспособных людей) [97]. Однако он еще не потерял надежды. Очевидно, по его указанию капитан галеры, присланной макассарским султаном, потребовал у сиамского правительства пропуск для свободного выезда из королевства, ссылаясь на то, что он не имеет никакого отношения к заговору. Если бы ему удалось выбраться в Сиамский залив, он, конечно, смог бы обратиться за помощью к крейсировавшему там малайскому флоту и вновь повторить попытку поднять страну. Это было понятно и Фалькону. Поэтому он, выдав макассарцам пропуск, одновременно послал коменданту Бангкока графу Форбену тайный приказ разоружить и арестовать их.

27 августа 1686 г. галера прибыла в Бангкок. Здесь Форбен, вероломно заманив к себе «на завтрак» капитана и нескольких его соратников, попытался их арестовать. Попытка, однако, не увенчалась успехом. В ответ на предложение сдаться вооруженные одними кинжалами макассарцы перебили всех участников «дружеского завтрака», кроме Форбена, который успел ускользнуть. Несмотря на огромный численный перевес врага, макассарцы едва не прорвались к своим (двое последних были убиты выстрелами вдогонку, когда они уже перебирались через ров крепости) [98].

После этого Форбен стал действовать осторожнее. Против пятидесяти человек, оставшихся на галере, он стянул 2000 сиамских солдат, не считая значительного отряда португальских мушкетеров и артиллерии (макассарцы же были вооружены только холодным оружием). Путь к морю был прегражден цепями, форсировать которые под огнем артиллерии было невозможно. Тем не менее макассарцы

[96] M. Collis, *Siamese White*, p. 129.
[97] G. Tachard, *Second voyage...*, p. 88; M. Collis, *Siamese White*, p. 105; J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 287, 290, 292.
[98] [Forbin], *Voyage...*, p. 77.

единодушно отказались сдаться. Высадившись на берег, они смело атаковали превосходившего их по численности в 40 раз противника и рассеяли его. По признанию самого Форбена, его потери убитыми составили 366 человек, в то время как у макассарцев на сей раз было только 17 убитых [99].

Такой неожиданный результат, конечно, объяснялся тем, что согнанные из-под палки сиамские ополченцы не испытывали никакого желания сражаться под командой европейских офицеров ради чуждых или непонятных народу целей. Только с большим трудом Форбен сумел организовать погоню за ушедшими в лес макассарцами. Лишь после восьмидневной охоты ему удалось окружить горсточку израненных и умирающих от голода людей и покончить с ними. Головы макассарцев Форбен распорядился выставить на шестах в Бангкоке.

После того как в Аютии стало известно о гибели макассарской галеры, принц Дай решился на последнее средство выбраться из ловушки. 10 (по другим свидетельствам, — 13) сентября он вместе с 30—40 приверженцами внезапно вышел из своего квартала и направился к королевскому дворцу, где обратился к Нараю с просьбой принять его для объяснения. В ответ на это ему было предложено сдать оружие и отдаться на милость короля. Принц Дай ответил гордым отказом. «Передайте королю, — сказал он, — что мы подобны большому дереву с глубокими корнями, которое нельзя сдвинуть с места. Его можно только повалить. Но если у бури и хватит сил повалить это дерево, то, падая, оно, несомненно, многих погребет под собой. Раз король не хочет меня принять, не лишая оружия, пусть сам приходит ко мне, если ему что-нибудь от меня понадобится. Он знает, где я живу» [100]. Затем он беспрепятственно вернулся в свой квартал. По-видимому, правительство даже сейчас чувствовало себя не слишком уверенно, чтобы попытаться арестовать его.

Для окончательной ликвидации мятежа были стянуты огромные силы. Различные авторы называют цифры от 5400 до 20 000 солдат (наиболее вероятна цифра — 7—8 тыс., приводимая участниками событий Давенпортом и С. Уайтом) [101]. Кроме того, в операции участвовало более

[99] Ibid., p. 88.
[100] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 287, 293.
[101] Ibid., pp. 289—295.

200 гребных и парусных судов, которые плотным кольцом окружили расположенный на острове макассарский квартал, чтобы отрезать все пути к отступлению.

В сражении приняла участие вся европейская колония Аютии. Насколько важно для европейцев было подавление этого восстания, явствует из того, что вместе с Фалькоком сражалось более 60 французов и англичан, в том числе даже Генри Аделл — капитан английского судна, прибывшего незадолго до того в Аютию с благодарственным письмом Якова II к Фалькону.

Наступление на макассарский квартал началось на рассвете 14 сентября. Несмотря на колоссальный перевес в силах (помимо малочисленности макассарцев, у них отсутствовало огнестрельное оружие), победа далась правительству с большим трудом. Сиамские солдаты, как и в Бангкоке, держались крайне пассивно. Первая попытка европейцев высадиться на острове закончилась позорным бегством. Вооруженные пиками и кинжалами макассарцы сбросили их в воду. Новоиспеченный адмирал Джон Котс, «герой» голкондской войны, утонул, увлеченный на дно тяжестью кольчуги [102].

После трехчасовой артиллерийской подготовки, когда значительная часть тростниковых домов макассарского квартала уже сгорела, атака была повторена. Но она снова была отражена, причем правительственные войска понесли еще больший урон. Погибло большинство французов, участвовавших в сражении. В числе убитых были также капитан Аделл и командир королевской гвардии Ок Лыанг Маха Монтри. Во время панического отступления едва не погиб и сам Фалькон. Его спас телохранитель-негр, который переправил его вплавь через проток [103].

Тогда было решено действовать только огнем. Дома, в которых еще могли укрываться макассарцы, постепенно выжигались один за другим. В пламени сгорело большинство женщин и детей квартала. Сражение закончилось только к трем часам дня. Дай и почти все его соратники погибли. В плен было захвачено несколько тяжелораненых. Все макассарцы, оставшиеся в живых, кроме малолетних сыновей принца Дая (их впоследствии отослали «для вос-

[102] Ibid., p. 294.
[103] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 288—289; [G. Tachard], *Second voyage...*, p. 199.

питания» во Францию), были подвергнуты мучительной казни, во время которой они, даже по свидетельству их врагов, вели себя с исключительным мужеством и достоинством. Они не выдали никого из своих сиамских сообщников. Перед казнью католические миссионеры безуспешно пытались обратить их в христианство [104].

Главной причиной поражения восстания было, конечно, то, что заговорщики не сумели привлечь на свою сторону народ. Как показали события, народные массы не испытывали никакого желания умирать за сохранение власти короля Нарая [105]. Но в то же время они не оказали никакой активной поддержки заговорщикам. Для широких масс сиамцев засилие европейцев в то время еще не стало таким очевидным и нетерпимым, как в 1688 г. после размещения в стране французских гарнизонов.

Существенную роль сыграла также негибкая политика руководителя заговорщиков, явно ведшего курс на господство мусульман в стране. С этим никак не могло примириться могущественное буддийское духовенство, пользовавшееся большим влиянием в народе. В результате силы, враждебные королю Нараю и его проевропейской политике, оказались расколотыми.

Ошибки макассарского восстания были учтены Пет Рачей, возглавившим два года спустя новое восстание против Нарая и французских оккупантов.

7. ТРЕТЬЕ СИАМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦИЮ

Воспользовавшись возвращением во Францию де Шомона, король Нарай направил вместе с ним новое, третье по счету, сиамское посольство к Людовику XIV для ведения дальнейших переговоров.

18 июня 1686 г. оно прибыло во Францию [106]. Оно состояло из трех послов, которых сопровождала многочисленная свита. Возглавлял посольство Пья Висут Сунтон (впоследствии Коса Пан), брат умершего в 1683 г. пракланга Пья Коса Тибоди. Так же как и его покойный брат, это был, по общему признанию, очень одаренный человек, один из талантливейших сиамских дипломатов [107]. Он раньше многих в Сиаме осознал опасность европейского проникновения в страну и не скрывал этого. Один из директоров французской Ост-Индской компании Себре сообщал в своем отчете: «Отец Ташар сказал мне, что не думает, чтобы Пья Висут Сунтон стал помогать французам обосноваться в Сиаме, поскольку он слишком привержен к своей религии. Ташар полагает, что Пья Висут Сунтон будет действовать в Сиаме, сообразуясь с положением дел. Пока обстоятельства благоприятствуют французам, он будет выказывать рвение в служении им, но если увидит, что народ враждебно настроен против них, то последует своему расположению духа, которое не в пользу французов» [108].

Замечание Ташара оказалось пророческим. Действительно, вернувшись в Сиам, Пья Висут Сунтон тотчас примкнул к антифранцузскому заговору и стал одним из вождей движения за изгнание иностранцев из Сиама. Весь ход переговоров в Париже, вскрывший перед сиамским послом захватнические замыслы французского двора, несомненно, мог только еще больше укрепить в Пья Висут Сунтоне антифранцузское «расположение духа». В то же время глава посольства стоял на той точке зрения, что у французов можно многому научиться. Поэтому он использовал пребывание во Франции для того, чтобы как можно полнее познакомиться со всеми новейшими достижениями европейской техники, в первую очередь в области военного дела.

Вторым послом был назначен Лыанг Калиярачамайтри, старый опытный дипломат, дважды возглавлявший сиамские посольства в Китай. Характерно, что и он, побывав во Франции, также оказался в числе заговорщиков и принял активное участие в изгнании французов из страны [109].

Третий посол, Кун Си Висаравача, тогда еще срав-

---

[104] M. Collis, *Siamese White...*, p. 135; J. Sottas, *Histoire...*, p. 149.

[105] Пассивность и «трусость» сиамских солдат при подавлении восстания объяснялись, разумеется, не национальным характером сиамцев, как это пытались представить многие западные авторы (например, Форбен, Дефарж, Ле Блан, Ланье). Ведь уже два года спустя, при изгнании французских войск из Сиама, они проявили необыкновенную энергию и воинственный дух.

[106] F. T. Choisy, *Journal...*, p. 296.

[107] G. Coedés, *Siamese documents...*, p. 11.

[108] Ibid., p. 12.

[109] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, p. 81.

нительно молодой человек (25—30 лет), был потомственным дипломатом. Его отец возглавлял сиамское посольство в Португалию. Сам он, несмотря на молодость, уже ездил с дипломатической миссией ко двору Великого Могола. Впоследствии Кун Си Висаравача также примкнул к антифранцузскому движению [110]. Он, так же как и его старшие товарищи, не был обольщен торжественным приемом, оказанным посольству французским двором.

Между тем этот прием отличался исключительной пышностью. При въезде сиамских послов в Париж (12 августа 1686 г.) их сопровождало 60 карет, в которых находились принцы и представители высшей знати Франции. Во время приема послов Людовиком XIV, состоявшегося 1 сентября 1686 г., блеск драгоценных камней и золота, по отзывам современников, в буквальном смысле слепил глаза. В память о сиамском посольстве была отчеканена специальная медаль с изображением трех послов, простирающихся перед троном французского короля. Пья Висут Сунтона и его товарищей возили по разным городам Франции. Показали сиамским послам незадолго до того переставшую быть театром военных действий Фландрию, где они знакомились с крепостями, построенными по последнему слову европейской техники, и современной артиллерией [111]. Естественно, все это было сделано прежде всего для того, чтобы продемонстрировать им мощь Франции, ослепить их и вынудить к уступкам.

Только после такой психологической подготовки французский двор перешел к конкретным переговорам. В ходе их вновь был поднят вопрос о принятии Нараем христианства. Но сиамские послы с исключительной дипломатичностью сумели отклонить это вздорное требование и перевести разговор на другую тему — о военном союзе. Началась ожесточенная торговля о цене этого союза. Уступка Сингоры, которой добился де Шомон, показалась французским министрам недостаточной. Настойчивое желание сиамского короля заключить союз с Францией привело их к мысли, что можно выторговать гораздо больше. Французское правительство потребовало передачи французам Мергуи и Бангкока, обладая которыми, Франция

[110] G. Coedès, *Siamese documents...*, p. 11; P. J. Orleans, *Histoire...*, p. 75.
[111] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 74.

могла бы господствовать как в Бенгальском, так и в Сиамском заливе и контролировать важнейшие торговые пути между Индией и Китаем. Но для Сиама передача этих городов (в особенности Бангкока) в чужие руки была равносильна потере государственной независимости. Поэтому данное требование получило со стороны послов самый решительный отпор. Никакие уловки и давление не могли заставить Пья Висут Сунтона пойти на такие уступки [112]. Со своей стороны французское правительство тоже не собиралось уступать. Вопрос о военном союзе так и остался неразрешенным, а сами послы, несмотря на почет, которым они были окружены, оказались по сути дела заложниками.

8. ПОДГОТОВКА ВТОРОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА В СИАМ

Провал переговоров с Пья Висут Сунтоном не смутил правительство Людовика XIV.

Де Ла Шез, Сеньеле и другие руководители французской политики, тщательно обсудив предложения Фалькона и информацию, представленную Ташаром, решили принять намеченный Фальконом план действий [113]. Услуги Фалькона были высоко оценены французским двором — ему были пожалованы графский титул и орден св. Михаила [114]. Началась энергичная подготовка людей, предназначенных для овладения государственным аппаратом Сиама.

Особое усердие проявили иезуиты. По приказу Людовика XIV все провинциальные отделения ордена во Франции должны были выставить кандидатов. Из числа этих кандидатов, которых набралось более 150, было отобрано 14. Под руководством академиков они в спешном порядке расширяли свои познания в математике, астрономии, горном деле и других областях. Перед отъездом король дал

[112] Ibid., p. 75; [Beze], *Mémoire...*, p. 81.
[113] Единственным отступлением от этого плана было требование немедленной уступки Бангкока и Мергуи. Однако сам Фалькон в письме, датированном ноябрем 1686 г., т. е. вскоре после восстания макассарцев, еще не зная о решении французского двора, уже предлагал французам Мергуи ([Beze], *Mémoire...*, p. 170).
[114] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 77.

им специальную аудиенцию и вручил рекомендательные письма к Нараю. Во главе этой группы иезуитов был вновь поставлен Ташар.

В задачу этих 14 иезуитов входила не только христианская пропаганда. Они должны были воспользоваться своими знаниями для того, чтобы проникнуть в ближайшее окружение короля Нарая и получить возможность влиять на политику Сиама. Кроме того, в их обязанность входил экономический шпионаж — сбор данных о рудниках, литейных мастерских, ремесленных центрах и т. д. [115].

Помимо подготовки отборного отряда, велась также вербовка светских лиц и иезуитов, предназначенных для замещения административных и военных должностей в Сиаме.

Не был забыт и другой совет Фалькона — подкреплять свои требования солидной вооруженной силой. Французское посольство должна была доставить в Сиам военная эскадра из шести судов под командой адмирала Водрикура. Это был первый случай, когда Франция посылала на Восток такую большую эскадру. Наряду с обычными военными судами того времени в нее входили первоклассные линейные корабли «Гайяр» и «Уазо». На судах было размещено 12 рот пехоты (636 человек), во главе пехотинцев был поставлен генерал Дефарж. Всего вместе с многочисленным экипажем и более чем 300 рабочими и техническими специалистами «свиту» послов составляло около 1500 человек, вооруженных огнестрельным оружием [116], — сила, весьма внушительная для Юго-Восточной Азии того времени.

Французская Ост-Индская компания также серьезно готовилась к этой экспедиции. На корабли были погружены товары общей стоимостью в несколько миллионов ливров. В состав французского посольства был включен один из директоров компании Себре дю Буллэ. Он пользовался равными правами с другим послом — адвокатом де Ла Лубером, представлявшим королевское правительство. Компания выдала своему представителю на расходы такую же сумму, какую Ла Лубер получил от правительства, — 12 тыс. ливров. В его ведение входило ре-

[115] J. Sottas, *Histoire...*, pp. 143, 146.

[116] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 207; J. Sottas, *Histoire...*, p. 144; E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 155.

шение всех торговых вопросов на предстоящих переговорах. Кроме того, он был наделен властью смещать, перемещать и вновь назначать всех служащих компании на Востоке [117]. Послы получили тщательно разработанные инструкции от министерства иностранных дел и непосредственно от Людовика XIV.

Первая из них, озаглавленная «Заметки о торговле для сведения послов» [118], отличалась значительным объемом и включала краткий исторический обзор франко-сиамских отношений.

Авторы инструкции подвергают резкой критике поведение де Шомона во время переговоров. Они считают, что де Шомон мог добиться от Сиама гораздо больших уступок, и предостерегают Ла Лубера и Себре от его ошибок.

Подробно разбирая договоры, заключенные де Шомоном, составители «Заметок» перечисляют те изменения в них в пользу Франции, которых должны будут добиться послы, «поскольку следует ожидать, что король готов пойти на любые условия, приемлемые и выгодные для Компании».

Послам предлагается добиваться полной свободы торговли, т. е. права свободно покупать и те товары, которые вследствие существования в Сиаме государственной торговой монополии продавались там только через королевские склады. Предвидя, однако, что сиамский король вряд ли откажется от одного из важнейших источников доходов, авторы инструкции требуют от послов настаивать по крайней мере на частичной отмене государственной монополии — например, на орлиное дерево, ласточкины гнезда.

Большое недовольство французских купцов вызвала оговорка, содержавшаяся в договоре де Шомона, о том, что в случае нарушения служащими компании условий договора компания теряет свои привилегии до урегулирования дела «христианнейшим королем». Инструкция предлагает послам добиваться отмены этой санкции, с заменой ее, в крайнем случае, конфискацией товаров.

Много внимания в «Заметках» уделяется уточнению отдельных формулировок договора де Шомона — разумеется, в пользу компании.

[117] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 208.

[118] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, pp. 233—236.

Комментируя статьи, против которых в принципе не имеется возражений (об уступке Сингоры и торговой монополии на Джанк-Сейлоне), составители, однако, обязывают Ла Лубера и Себре провести тщательное исследование, не будет ли выгоднее потребовать взамен этих мест или наряду с ними и другие, еще более выгодные пункты, например Лигор, Мергуи и непременно Бангкок. При этом предусмотрительно оговаривается, что если послы сочтут возможным отказаться от Сингоры, следует «добиться от короля Сиама обещания не уступать Сингору никакой другой державе ни под каким предлогом». Что касается Бангкока, то послы ни в коем случае не должны отказываться от него — города, который им «обещан».

Последнее замечание на первый взгляд кажется совсем уже странным, так как хорошо известно, признавалось современниками и отмечается исследователями новейшего времени, что сиамцы никогда не давали подобных обещаний. По-видимому, это замечание является отзвуком провокации, устроенной аббатом Лионне во время переговоров с посольством Пья Висут Сунтона.

В одном из частных разговоров с де Шомоном Фалькон заявил, что «доверие сиамского короля к Его Христианнейшему Величеству столь велико, что он охотно доверит ему все свои города» [119]. После того как Пья Висут Сунтон решительно отказался подписать договор об уступке Бангкока, Лионне пустил в ход это предательское заявление Фалькона, представив его как точку зрения короля Нарая. Аббат утверждал, что если король обещал все города, то уступить два города ему ничего не стоит. В ответ Пья Висут Сунтон дипломатично заявил, что если король обещал, то он, конечно, выполнит свое обещание. Ухватившись за эти, в сущности ни к чему не обязывающие, слова, французское правительство сделало вид, что ему больше ничего не нужно [120]. Аббат Лионне был щедро вознагражден за свою ловкость. 5 февраля 1687 г. он был возведен в сан епископа розалийского [121].

Покончив с рассмотрением договора де Шомона, авторы инструкции переходят к договору, заключенному Буро-Деландом в 1684 г. (о монополии на торговлю перцем) [122]. Этот договор, по их мнению, «включает в себя условия более выгодные, чем в договоре де Шомона, ...но послы должны добиться точного сформулирования этих условий, заменив двусмысленные обороты другими, способными обеспечить прочный статус Компании». Под видом уточнения предлагается, в частности, внести в договор пункт о запрещении на вечные времена повышать цены, по которым сиамцы продавали перец компании (существовавшие цены были настолько выгодны для компании, что ее представители даже не отрицали этого). Составители «Заметок» не возражают против того, чтобы сиамский король располагал 10—20% перца, «собранного в стране или привезенного извне», они готовы удовлетвориться «оставшимися» 80—90% перца. Но они требуют, чтобы «ни король, ни его подданные не имели права продавать перец местным жителям или иностранцам, прежде чем Компания не закончит свои закупки». Более того, все торговые операции короля с перцем инструкция предлагает обусловить «потреблением внутри своих владений», т. е. запрещением Сиаму самостоятельного экспорта перца.

Таким образом, в случае удовлетворения этого требования Сиам в отношении торговли перцем оказался бы связанным по рукам и ногам. В то же время французская компания не брала на себя никаких обязательств. В годы невыгодной рыночной конъюнктуры Франция могла просто отказаться от закупки перца или купить незначительное количество его.

Не считая достаточными уже полученные привилегии, авторы «Заметок о торговле» требуют также предоставления компании права взимать в свою пользу половину штрафа с нарушителей ее перечной монополии. Для того чтобы успешно контролировать торговлю перцем в Сиаме, намечается основание торговой фактории в Лигоре — главном районе производства перца. Послам рекомендуется приложить максимум усилий, чтобы вытеснить из Лигора голландцев, давно обосновавшихся там (голландская Ост-Индская компания, как уже говорилось, имела монополию на торговлю оловом в Лигоре).

Для укрепления кадров французской Ост-Индской

---

[119] [Bexe], *Mémoire...*, pp. 81—82.
[120] Ibid., p. 82.
[121] Ibid., p. 81, note 3.
[122] E. W. Hutchinson, *Four French state manuscripts*, p. 236.

компании в Сиаме Буро-Деланду, находившемуся в то время в Пондишери, был послан специальный приказ короля вернуться в Сиам и возглавить факторию в Аютии.

Пространная инструкция министерства иностранных дел была незадолго до отъезда послов дополнена краткой, но выразительной инструкцией Людовика XIV. В ней говорилось: «Его Величество желает, чтобы о. Ташар предложил г. Констанцию (Фалькону. — *Э. Б.*) поставить именем и по уполномочию сиамского короля французского губернатора в Бангкоке и разместить в этом городе французский гарнизон с правом укреплять город на европейский лад и охранять его для короля Сиама от покушений соседних королей или голландцев.

Порт Мергуи имеет такое же значение для торговли с Коромандельским побережьем и остальной Индией, как Бангкок для торговли в Сиамском заливе и с Китайским побережьем. Поэтому надо требовать, чтобы в обоих городах были поставлены французские губернаторы с гарнизоном. Это тем более важно потому, что названные порты — единственное убежище для кораблей Компании, ведущих торговлю с Коромандельским побережьем и в Бенгальском заливе в зимнее время. Кроме того, Компания перестанет зависеть от голландцев, так как отпадет надобность пользоваться Зондским или Малаккским проливами.

...В случае, если будет потеряна всякая надежда добиться этого путем переговоров, Его Величество приказывает атаковать Бангкок и овладеть им силой» [123].

Инструкция короля, разумеется, не требует никаких комментариев.

9. ПОСОЛЬСТВО ЛА ЛУБЕРА И СЕБРЕ

1 марта 1687 г. тщательно снаряженное посольство отплыло из Бреста. 27 сентября того же года, после семимесячного плавания, французская эскадра стала на якорь у отмели, преграждавшей вход в устье Менама.

Ла Лубер и Себре не спешили съехать на берег [124]. Более того, членам экипажа и солдатам запретили отлучаться с кораблей. Вся артиллерия эскадры была приведена в боевую готовность. Пья Висут Сунтона и других сиамских послов, возвратившихся с эскадрой, содержали в отведенных им каютах на положении почетных пленников.

Единственным человеком, высадившимся на берег, был Ташар. Он вез Фалькону ультиматум французского правительства, составленный на основании инструкции Людовика XIV. 30 октября Ташар прибыл в Луво, где встретился с Фальконом. Их совещание продолжалось недолго. Уже на следующий день Ташар двинулся в обратный путь с письмом Фалькона, в котором тот принимал все требования французов. Таким образом, Фалькон отказался от позиции, занятой им во время переговоров с де Шомоном, когда он считал нежелательным для французов получение Бангкока. Апологет Фалькона де Без, желая свалить всю ответственность за определившиеся вскоре неудачи экспедиции на противников Фалькона, уверяет, что на самом деле он не изменил своей точки зрения, но не мог не выполнить приказания Людовика XIV, перед которым испытывал священный трепет [125]. Однако эта легенда не выдерживает критики.

Опытный и совершенно беспринципный авантюрист, Фалькон всегда действовал, руководствуясь только холодным расчетом. В 1685 г. у него были основания занимать «умеренную» позицию. Его положение в правительстве было гораздо прочней, чем два года спустя, де Шомон же не располагал никакой существенной военной силой, чтобы подкрепить свои чрезмерные требования.

В 1687 г. сложилась совсем иная обстановка. Влияние Фалькона после макассарского восстания и особенно после начала войны с Англией стало катастрофически падать, так же как и авторитет Нарая. Фалькон чувствовал, что у него уже горит земля под ногами. Но он рассчитывал, что, имея под рукой достаточное количество европейских солдат, он сможет удержаться у власти.

С другой стороны, за Ла Лубером и Себре стояли крупные по тем временам вооруженные силы. Теперь требование Бангкока и Мергуи можно было подкрепить авторитетом не только далекого французского короля, но и французских пушек.

---

[123] K. Subamonkala, *La Thailande...*, pp. 79—80.
[124] [G. Tachard], *Second voyage...*, p. 143; [Beze], *Mémoire*, p. 81.
[125] [Beze], *Mémoire...*, pp. 82—83.

Поэтому Фалькон без колебаний принял французский ультиматум. Однако перед ним встала нелегкая задача — убедить принять французские требования и короля Нарая. Прекрасно понимая, что откровенно наглая форма ультиматума абсолютно неприемлема, он решил прибегнуть к обходному маневру, который позволил бы сохранить лицо сиамской монархии и в то же время фактически выполнить все условия, поставленные французами. Он предложил, чтобы французские войска принесли присягу королю Нараю (а следовательно, и самому Фалькону), т. е. выступили бы в глазах сиамского народа в качестве простых наемников.

Несмотря на свой формальный характер, это требование вызвало взрыв негодования у французских послов, которые считали, что оно несовместимо с «честью французского оружия». Генералу Дефаржу было предложено готовиться к сражению. Но Дефарж заявил, что солдаты сейчас не в состоянии вести военные действия. И это заявление было не лишено основания. Непривычка к тропическому климату тяжело сказалась на европейских солдатах. Более 140 из них погибло в дороге от болезней. Многие болели. Дисциплина резко упала. Наконец (хотя сам генерал и не говорил об этом) Дефарж, типичный придворный (в течение многих лет он числился подполковником в полку королевы), не обладал ни военным опытом, ни желанием сражаться. Так что послам пришлось сбавить тон, и вопрос о присяге был улажен [126].

Теперь Фалькон уже мог представить дело на рассмотрение в Лук кун сала. С присущим ему красноречием он расписал королю опасность, которая угрожает Бангкоку со стороны голландцев и Мергуи со стороны англичан. Но речь всесильного фаворита на сей раз не была встречена раболепным одобрением совета, хотя сам король явно был согласен с аргументами Фалькона.

Против Фалькона смело выступил Пра Пет Рача, командир сиамской слоновой гвардии. В описаниях современников-французов и буржуазных исследователей более позднего времени Пет Рача единодушно рисуется как изверг, отличавшийся необыкновенным коварством, жестокостью, а главное — превосходящим все границы лицемерием. Однако факты, которые приводят сами эти авторы, полностью опровергают такую характеристику.

[126] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 160; K. Subamonkala, *La Thailande...*, pp. 83, 97.

Даже из свидетельства враждебного Пет Раче иезуита де Беза ясно, что Пет Рача на заседании Королевского совета отнюдь не скрывал своих подлинных чувств [127]. Король может отрубить ему голову [128], заявил Пет Рача, но он никогда не даст своего согласия на допуск французских войск, гибельный для Сиама. В страстной полуторачасовой речи Пет Рача убеждал короля и совет не поддаваться уговорам Фалькона. «Он напомнил все случаи, когда восточные монархи, дружелюбно приняв у себя португальцев или голландцев, теряли свои государства и сами были обращены в рабство» [129].

Однако большинство членов совета все же выступило за то, чтобы принять французский ультиматум. Тут сказалось, видимо, не только дипломатическое искусство Фалькона, но и убеждение в том, что в условиях ведения войны с Англией и назревания войны с Голландией немыслимо начинать войну с третьей европейской державой; лучше уж иметь французов в качестве сомнительных друзей, а не открытых врагов.

Поэтому, несмотря на энергичные протесты Пет Рачи, который наотрез отказался приложить свою печать к решению Лук кун сала, французский ультиматум был принят.

16 октября 1687 г. Ташар по уполномочию Фалькона от имени Сиама и Ла Лубер и Себре от имени Франции подписали «Соглашения», оформлявшие серьезную уступку французам.

Этот документ [130] состоял из 15 опубликованных статей, к которым была добавлена 16-я, секретная, содержание которой, разумеется, не было известно сиамскому правительству. Желая оградить себя от всяких случайностей, Ташар и послы не стали заносить ее на бумагу и отметили в «Соглашениях» лишь самый факт существования такой статьи — секретной договоренности относи-

[127] [Beze], *Mémoire...*, p. 83.

[128] Хроника того времени показывает, что эта фраза не была пустым оборотом. Достаточно вспомнить гибель пракланга (брата Пья Висут Сунтона), казненного в 1683 г. за выступление против Фалькона.

[129] [Beze], *Mémoire...*, p. 88.

[130] L. Reinach, *Recueil des traites...*, pp. 6—7.

тельно французских войск в Сиаме, «достигнутой между Его Высокопревосходительством Константином Фалькоком и о. Ташаром, которая сообщена их Высокопревосходительствам гг. де Ла Луберу и Себре, причем они поклялись на св. Евангелии хранить эту тайну и обещали не помещать ее в своих отчетах и не сообщать никому ни прямо, ни косвенно, кроме как Его Христианнейшему Величеству и Его Высокопревосходительству г. маркизу де Сеньеле, и то только устно, а не письменно».

Подробности этой тайной договоренности, возможно, никогда не станут известны, но вероятнее всего такая исключительная секретность могла быть вызвана только тем, что речь шла об использовании французских войск против Сиама с целью его подчинения.

Опубликованные статьи «Соглашений» закрепляли режим полной и фактически бесконтрольной оккупации французскими войсками Бангкока и Мергуи.

В 1-й статье говорится о том, что «французские войска, размещенные в Бангкоке и Мергуи, так же как и те войска, которые будут посланы туда в дальнейшем, и их офицеры, не будут подчиняться никому из сиамцев или других иностранцев, но будут исполнять приказы короля Сиама, переданные через посредство его первого министра (имеется в виду Фалькон. — *Э. Б.*), в случае если они не будут противоречить приказам Его Христианнейшего Величества» [131].

Последняя оговорка, естественно, предоставляла французам полную свободу действий, не говоря уже о том, что статья обязывала их выполнять только те приказы короля Нарая, которые передаются через Фалькона. Следовательно, Нарай не мог распоряжаться французскими войсками минуя Фалькона, а в случае отставки последнего все обязательства французских войск в отношении сиамского короля автоматически прекращались. Такая же оговорка содержалась в 13-й статье, обязывавшей французские войска принести присягу обоим королям.

Во 2-й статье право сиамского короля отдавать приказы командующему французскими войсками и французским комендантам крепостей еще более суживается. Правда, он может требовать от них переброски части солдат в другое место, но они имеют право отказать, если считают, что это ослабит их гарнизон. При этом оговаривается, что отряды, прикомандированные к сиамской армии, могут выступать только под командой французских офицеров.

По 3-й статье французскому командующему предоставлялось право определять численность сиамских войск, которые вместе с французами должны были охранять укрепления оккупированных городов. Допускалось размещение сиамских войск и в самих городах, однако лишь под командой французских офицеров.

Статья 7-я закрепляла экстерриториальность французских войск.

Значительный интерес представляют 9, 10 и 14-я статьи, показывающие, сколь важная роль отводилась иезуитам в осуществлении даже такого, чисто военного, соглашения. Первая из них устанавливает, что при отдаче приказов все спорные случаи, когда дело будет касаться интересов обоих государств, должны решаться Фалькономом совместно с Ташаром. В 10-й статье к решению этих вопросов привлекается суперио́р (глава) иезуитов, со следующей мотивировкой: «Видя великое доверие Его Христианнейшего Величества к отцам общества Иисуса и зная расположение короля (Нарая. — *Э. Б.*)... к этим отцам, которые не только внесли, но и внесут еще немалый вклад в дело сохранения прочного союза и взаимной царственной дружбы между двумя монархами, было бы уместно и следует принимать во внимание мнение суперио́ра французских иезуитов в Сиаме...» Более того, в 14-й статье суперио́р иезуитов назначается заместителем и наследником Фалькона: «Поскольку Его Величество король Сиама избрал отцов иезуитов орудием для объединения королевских интересов с интересами христианнейшего короля и его Христианнейшее Величество подтвердил это доверие своим собственным доверием к их обществу — в случае смерти или отсутствия упомянутого г-на министра все управление делами переходит в ведение упомянутого суперио́ра иезуитов, с властью такой же, как у Его Превосходительства» (Фалькона).

Отдельная статья (11-я) посвящена статусу телохранителей сиамского короля, которых должен был выделить

---

[131] В своем отчете де Без дает более ясную формулировку этой части соглашений: «Сиамский король отдает Бангкок и Мергуи для охраны французам навечно, и ни он, ни его преемники не имеют права отменить это решение без согласия Его Христианнейшего Величества» ([Beze], *Mémoire...*, p. 84).

французский командующий. На самом деле, как это все прекрасно понимали, во французских телохранителях нуждался прежде всего сам Фалькон.

Вообще в «Соглашениях», более чем где бы то ни было, Фалькон постарался обеспечить свою личную власть и безопасность. Его имя фигурирует почти во всех статьях, где упоминается сиамский король, и притом на равных основаниях с ним. Получив титул французского графа и один из высших французских орденов, Фалькон уже чувствовал себя наместником Франции в Сиаме и соответственно держал себя.

Однако французские послы видели в Фалконе лишь орудие для выполнения своих планов и отнюдь не собирались становиться по отношению к нему в подчиненное положение. Поэтому, несмотря на огромные выгоды от октябрьского соглашения, полученные главным образом благодаря дипломатии Фалькона, уже в момент их подписания наметился раскол между французскими послами, с одной стороны, и Фальконом и его приверженцами — с другой. Этот раскол в дальнейшем привел к окончательному оформлению двух враждующих партий внутри французского лагеря, которые стали складываться уже во время переговоров 1685 г.

На следующий день после подписания «Соглашений» началась высадка французских войск в Бангкоке. 18 октября генерал Дефарж торжественно въехал в город и принял на себя обязанности губернатора. 19 октября съехали на берег Ла Лубер и Себре. Первый шаг, который они предприняли, после того как убедились, что все укрепления Бангкока находятся под контролем французов, было нарушение только что заключенного договора. Послы объявили, что пребывание сиамских войск в Бангкоке «несовместимо с честью Франции и величием французского короля» [132], и потребовали их немедленного вывода. Фалькону удалось добиться принятия Нараем и этого требования. Для того чтобы хоть немного замаскировать вероломство французов, он предложил «компромиссное» решение. В Бангкоке оставалось 100 сиамских солдат под командой четырех французских офицеров — военная единица, имевшая чисто символическое значение.

После того как Бангкок оказался в руках французов,

[132] K. Subamonkala, *La Thailande...*, pp. 83—84.

послы сразу приняли гораздо более жесткий тон по отношению к «выскочке» Фалькону, давая ему понять, что теперь они могут обойтись и без его услуг.

Поводом к конфликту на сей раз стал внешне незначительный спор по поводу назначения офицеров для командования сиамским отрядом в Бангкоке. Ла Лубер выдвинул на эту должность кандидата из своей свиты. Фалькон же назначил другого человека. Тогда Ла Лубер отказался предоставить Фалькону ранее обещанных 60 телохранителей. Это было серьезным ударом для временщика, который рассчитывал, соединив французских телохранителей с личной гвардией, набранной из авантюристов разных наций, получить в свое распоряжение серьезную военную силу.

Еще больше обострился конфликт после отказа Ла Лубера и Себре предоставить сиамским властям (фактически — Фалькону) мортиры, бомбы и артиллеристов. В отместку Фалькон внес изменения в церемониал аудиенции, которая состоялась 2 ноября. Послам не разрешили разговаривать с королем, не снимая шляп, хотя де Шомон пользовался этой привилегией [133].

Атмосфера накалилась до того, что казалось вот-вот произойдет полный разрыв между французами и Фальконом. Но авантюрист уже больше не мог переменить хозяев. Передав в руки французов два важнейших пункта королевства и поместив во французскую Ост-Индскую компанию 100 тыс. экю [134], он прочно связал себя с Францией. Поэтому Фалькону пришлось оставить высокомерный тон и признать безусловное главенство послов. Несмотря на тяжелый удар его самолюбию, он продолжал ревностно служить французским интересам.

11 декабря 1687 г. благодаря стараниям Фалькона был заключен «Договор о торговле и привилегиях в области торговли» [135]. Новый договор, составленный на основе инструкций, полученных Ла Лубером и Себре от французского министерства иностранных дел, существенно расширял привилегии, уже предоставленные французской Ост-Индской компании в 1684 и 1685 гг.

Французам удалось добиться отмены государственной

[133] [Beze], *Mémoire...*, pp. 85—86.
[134] Ibid., p. 86.
[135] L. Reinach, *Recueil des traites...*, pp. 10—13.

торговой монополии на орлиное дерево и другие виды товаров. Кроме того, если в договоре 1685 г. нарушение французской компанией пунктов о государственной монополии Сиама и других условий договора каралось лишением привилегий, — в новом договоре никаких санкций для этого случая не предусматривалось.

Безнаказанное нарушение торговой монополии облегчалось еще и тем, что в новом договоре Ла Лубер и Себре выговорили французской компании освобождение от таможенного досмотра. Теперь при въезде и выезде служащие компании были обязаны лишь представлять «письменную декларацию о грузе судна» (§ 2). Это, разумеется, обеспечивало для них полную бесконтрольность торговых операций.

Послы добились также установления твердых, выгодных для компании цен, по которым она должна была покупать товары на государственных складах (§ 2).

Весьма важной уступкой, вырванной Ла Лубером и Себре, было обязательство сиамского короля, если потребует этого французская компания, перепродавать ей купленные королем импортные товары «по той цене, по которой они были куплены у доставивших их» (§ 2). (Таким образом, сиамское торговое ведомство превращалось в своеобразную «заготовительную контору» французской компании и притом работающую за свой счет.)

Если это условие договора облегчало компании закупку товаров, то § 3 создавал благоприятные условия для продажи этих товаров (в нем «король Сиама разрешает всем торговцам, купившим товары указанной Компании для вывоза в другое место, не платить ввозных и вывозных пошлин»), а § 4, подтверждающий § 8 договора 1685 г., — для их транспортировки (в § 4 сиамский король предоставляет компании право фрахтовать любое число сиамских судов).

Пятый параграф уточняет § 8 договора 1685 г., трактующий вопрос об экстерриториальности французских подданных. К § 5 примыкает § 10, гарантирующий французам свободный выезд из Сиама с женами из местных женщин, слугами, а также нажитым в этой стране имуществом. Следовательно, в новом договоре французское подданство и соответствующий иммунитет распространяются не только на французов, но и на их жен и слуг независимо от их национальной принадлежности.

Правового положения французских подданных в Сиаме касается также § 11, запрещающий сиамским властям укрывать французских дезертиров и обязывающий «губернаторов и чиновников области, в которую они бежали... разыскивать их и передавать начальству».

В § 6 договора, в основном повторяющем § 10 договора 1685 г., французской компании предоставляется монопольное право закупки олова на острове Джанк-Сейлон. В обмен на это право «Компания обязуется поставлять товары, необходимые для торговли и нужд указанной провинции и ее районов, чтобы им не приходилось искать других средств для удовлетворения своих нужд... Объем олова и объем товаров, которые будет ввозить Компания, будут устанавливать совместно губернатор, чиновники, уполномоченный Компании и старейшины народа (т. е. выборные представители населения острова. — *Э. Б.*)».

В новом договоре французские послы выговорили для компании четверть штрафа, взимавшегося сиамскими властями с нарушителей ее оловянной монополии. Ла Луберу и Себре удалось также частично подорвать голландскую монополию на скупку кожи, добившись для французской компании права скупать кожу к югу от устья Менама (§ 2), т. е. на Малаккском полуострове.

Договор от 11 декабря 1687 г. давал Франции возможность сделать новое территориальное приобретение, причем не в завуалированной форме передачи для охраны, как это было с Бангкоком и Мергуи, а непосредственно в полную собственность. В § 9 говорится: «Король Сиама благосклонно предоставляет Французской Компании в полную собственность любой остров на расстоянии не менее 10 миль от порта Мергуи, с правом укреплять его, возводить там здания и использовать остров по своему усмотрению... и предоставит полностью суверенные права и осуществление правосудия и все прочее, что может быть передано на этом острове указанной Компании».

Последним, 12-м, параграфом ратифицируется договор о торговле перцем, заключенный в 1684 г., с двумя добавлениями: 1) компания получает четверть штрафа, взимаемого за нарушение ее перечной монополии, другая четверть идет доносчику, а остальное — в пользу государства; 2) для контроля компании над сиамским ведомством, занимающимся вопросами сбора перца, склады этого ведомства запирают на два ключа, один из которых

хранится у сиамских чиновников, а другой — у уполномоченного компании.

Для руководства торговлей перцем планировалось открытие французской фактории в Лигоре. § 7, в принципе разрешающий французской компании создавать свои фактории в любом месте Сиама, специально оговаривает их право на основание фактории в этой тогдашней цитадели голландцев, хотя и «без нарушения привилегий, предоставленных другим нациям» (т. е. без нарушения голландской оловянной монополии в Лигоре).

Через день после подписания договора Фалькон получил вознаграждение за свое усердие. 13 декабря Себре подписал с ним конвенцию, по которой в дальнейшем Фалькон должен был ежегодно получать 10% прибыли, извлекаемой Францией в Сиаме [136]. В тот же день Себре покинул Аютию. Он направился в Мергуи и далее в Голконду.

Ла Лубер задержался в Сиаме до начала января 1688 г. Незадолго до отъезда он выдвинул еще одно условие, принятие которого, по его мнению, должно было гарантировать точное выполнение договора сиамской стороной. Он потребовал направить во Францию 12 юношей, сыновей виднейших сиамских государственных деятелей, якобы для обучения [137]. По сути дела, они должны были стать заложниками.

Поскольку общие итоги франко-сиамских переговоров не могли ни в малой степени удовлетворить сиамское правительство, ожидавшее действенной военной помощи, король Нарай решил послать во Францию еще одно посольство.

10. ЧЕТВЕРТОЕ СИАМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦИЮ И ПОДГОТОВКА НОВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В СИАМ

Новое посольство имело не совсем обычный характер. Во главе его был поставлен не сиамский чиновник, а иезуит Ташар. По-видимому, Нарай считал, что такое назначение польстит Людовику XIV и облегчит ведение переговоров.

[136] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 88.
[137] J. Sottas, *Histoire...*, p. 144.

Но расчет Нарая был, конечно, ошибочным. Действуя в качестве сиамского посла, Ташар заботился, разумеется, только об интересах Франции, общества Иисуса и сторонника иезуитов Фалькона.

Кроме миссии ко французскому двору, на Ташара была возложена также миссия к папе Иннокентию XI. Основным документом, который он вез к главе католической церкви, было, однако, не письмо короля Нарая, а обширный меморандум, составленный Фальконом [138]. В этом документе, обрисовавшем состояние миссионерской работы не только в Сиаме, но и во всей Юго-Восточной Азии, Фалькон всячески чернит деятелей Французской иностранной миссии и рекламирует своих друзей иезуитов [139].

3 января 1688 г. Ташар в сопровождении трех сиамских чиновников, членов его посольства, и Ла Лубер со своей свитой покинули Сиам. 27 июля эскадра Водрикура доставила их во Францию.

Чрезвычайный сиамский посол Ташар был с почестями принят при французском дворе. Три сиамских дипломата, сопровождавших иезуита, играли при нем чисто декоративную роль. Еще в дороге в результате энергичного давления со стороны Ташара они были вынуждены принять христианство. Перешли в христианство и сиамские юноши-заложники, а также два макассарских принца, дети Дая, подаренные Фальконом французским послам [140]. Им предстояло пройти специальное обучение под руководством иезуитов, чтобы стать впоследствии агентами христианской церкви у себя на родине.

Не дожидаясь будущих «благочестивых подвигов» своих крестников, Ташар уже сейчас сумел извлечь пользу из их обращения. В докладной записке, которую он представил министру Сеньеле, он доказывал, так сказать, на конкретном примере, легкость обращения жителей Сиама в христианство и сваливал на Ла Лубера, Себре и епископа Лано всю вину за срыв полной христианизации Сиама. Окончательное торжество католицизма в этой стране не заставит себя ждать, намекал Ташар, если дело

[138] E. W. Hutchinson, *French foreign mission...*, p. 55.
[139] В меморандуме приводятся любопытные данные о густой сети миссионерских точек, которой католическая церковь опутала Сиам. К этому времени христианские проповедники стали обосновываться не только в городах, но и в деревнях Сиама.
[140] P. Orleans, *Histoire...*, p. 50; J. Sottas, *Histoire...*, p. 149.

будет поручено такому опытному организатору, как он сам [141].

Из Парижа Ташар направился в Рим. 23 декабря 1688 г. чрезвычайный посол сиамского короля и тайный посланник Фалькона был принят папой Иннокентием XI. Ташар вручил папе богатые подарки короля Нарая и его фаворита. Папа ознакомился с меморандумом Фалькона, благосклонно выслушал рассказ Ташара о «чудесах» христинских проповедников в Сиаме и даровал христианской церкви в Сиаме особые привилегии. Затем Иннокентий XI в свою очередь назначил Ташара чрезвычайным послом папского престола к королю Сиама. Ташару были вручены письмо папы к Нараю и многочисленные подарки [142].

Вернувшись во Францию, Ташар возобновил деятельность в качестве сиамского посла. 1 марта 1689 г. он подписал от имени короля Нарая новый франко-сиамский договор (из девяти пунктов) [143].

В договоре опять подчеркивалось, что приказы сиамского короля могут приниматься к исполнению лишь в том случае, если они не противоречат приказам Людовика XIV. Далее устанавливалось, что французские войска могут находиться только под командой французов, т. е. французские отряды не могут входить как составная часть в сиамскую армию, а должны действовать самостоятельно. Пресловутый вопрос о присяге разрешался следующим образом: французские войска должны приносить присягу в том, что будут выступать вместе с сиамцами «лишь против общих врагов», — иначе говоря, помощь против Голландии или других государств будет оказана Сиаму только в том случае, если сама Франция находится в состоянии войны с этими странами.

В благодарность же за столь сомнительную услугу

[141] J. Sottas, *Histoire...*, p. 149.

[142] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 90; J. Sottas, *Histoire...*, pp. 147, 149.

[143] К сожалению, в сборнике Л. Рейнаха, содержащем все договоры, заключенные Францией со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока до 1907 г., почему-то приводится только заголовок соглашения (L. Reinach, *Recueil des traites...*, p. 13). Текст его, находящийся во французском Национальном архиве, насколько известно, до сих пор не опубликован. Судя по краткому изложению в работе таиландского историка Констри Субамонкалы (K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 91), этот договор еще больше изменял прежние соглашения в пользу Франции.

сиамское правительство должно было построить для французов в Бангкоке за свой счет крепость с четырьмя фортами.

Для закрепления достигнутых успехов и их дальнейшего развития правительство Франции начиная с осени 1688 г. спешно готовило, невзирая на угрозу надвигавшейся европейской войны, новую военную экспедицию в Сиам [144].

16 января 1689 г. Сеньеле направил письмо директорам французской Ост-Индской компании, напуганным «славной революцией» в Англии, которая в конце 1688 г. смела профранцузски настроенного Якова II и посадила на трон смертельного врага Франции Вильгельма Оранского. В этом письме Сеньеле сообщает директорам: «Король желает, чтобы Компания продолжала свою торговлю, он будет охранять ее суда и пошлет 200 солдат для охраны Мергуи, значение которого теперь возросло. Мергуи станет отныне главной базой Компании...» [145].

22 января 1689 г. Сеньеле в приказе директорам компании писал: «...срочно представьте... указания, составленные вами по вопросу развития торговли и поселений в Сиаме и... ваших факторий в Индии, для немедленной информации Его Величества (Людовика XIV. — *Э. Б.*), который печется о Компании» [146].

Примерно тогда же был выдвинут проект перенесения центра французской Ост-Индской компании на Востоке из Пондишери в Мергуи [147]. Помимо политических соображений, в пользу этого перемещения приводился тот довод, что Мергуи обладает значительно лучшей гаванью.

В марте 1689 г. Людовик XIV подписал указ о назначении генерального директора французской Ост-Индской компании в Индии Франсуа Мартена главою всех торговых факторий в Сиаме и инспектором французского гарнизона в Мергуи. Ему было предоставлено право «свободно требовать» от короля Франции войска и воору-

[144] Еще до возвращения посольства Ла Лубера и Себре, в январе 1688 г., французское правительство отправило в Сиам крупный военный корабль «Орифламму», на борту которого находилось 200 отборных солдат под командой капитана д'Эстрилля (K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 91).

[145] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 217.

[146] Ibid.

[147] J. Sottas, *Histoire....*, pp. 148—149.

жения «в количестве, необходимом для защиты интересов Компании» [148].

В то время как французская Ост-Индская компания готовилась развернуть свою торговую деятельность в сиамском королевстве, Ташар и его коллеги иезуиты с неменьшей энергией вербовали кандидатов на военные и административные должности в Сиаме. Вместо 60—70 человек, которых просил Фалькон в своем плане 1685 г., было набрано более 100 агентов [149], значительная часть которых, по-видимому, тайно состояла в иезуитском ордене.

Для доставки новой экспедиции в Сиам было приказано сформировать эскадру, первоначально из четырех, затем из шести кораблей (трех, принадлежащих компании, и трех, принадлежащих государству). Помимо завербованных Ташаром, суда должны были доставить в Сиам значительный отряд пехоты и отряд гвардейской конницы под командой капитана королевской гвардии маркиза д'Эраньи, которому также предстояло осуществлять общее командование в качестве генерал-инспектора французских войск в Сиаме [150].

Полномочия д'Эраньи этим не ограничивались. Кавалерийский отряд под его командой должен был стать личной охраной короля Нарая, осуществляющей одновременно две задачи — охраны короля от недовольства его подданных и содержания его под стражей как почетного пленника. Такая «дружественная» охрана была создана по совету Фалькона, который любил повторять: «Кто владеет королем, тот владеет всем королевством» [151].

Подобная тактика имела известное основание, учитывая огромный авторитет королевской власти в Сиаме в то время. Конечно, французы не могли бы бесконечно долго пользоваться этим обстоятельством, но некоторое время, безусловно, держа в своих руках короля Нарая, д'Эраньи оставался бы фактическим правителем Сиама.

Точная характеристика задач, поставленных французским правительством перед д'Эраньи, дается в работе Констри Субамонкалы: «...создать в этом королевстве подлинный протекторат под маской дружбы и союза и, при

[148] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 217.
[149] E. W. Hutchinson, *Adventurers in Siam...*, p. 114.
[150] J. Sottas, *Histoire...*, pp. 147—148.
[151] [Beze], *Mémoire...*, p. 93.

удобном случае, хотя бы и силой, установить суверенитет великого монарха Запада» [152].

В инструкции, составленной для д'Эраньи, говорилось: «...если вопреки всем ожиданиям король Сиама, убежденный или принужденный своими злонамеренными подданными, захочет изменить курс и совершит или позволит совершить что-нибудь во вред интересам Его Величества, безопасности его войск и указанных мест (т. е. городов, оккупированных французами. — *Э. Б.*), Его Величество желает, чтобы г-н Дефарж вооруженной силой удерживал эти места и конфисковал для этой цели доходы и плоды земли района Бангкока, и захватил бы крепость Таланкан и город Пипли, и принял бы все меры, которые сочтет нужными, для того чтобы заставить мятежников сдаться и признать авторитет Его Величества» [153].

В случае смерти короля Нарая инструкция предлагает д'Эраньи добиться, хотя бы и вооруженной силой, чтобы Фалькон сохранил за собой всю ту власть, которой он пользовался при покойном короле. В этом разделе инструкции власть Фалькона, по сути дела, отождествляется с властью французов.

Заботой об этом ценном агенте продиктован и другой раздел инструкции, обязывающий д'Эраньи в случае народного восстания против Фалькона предоставить ему убежище. Инструкция предусматривает и возможность гибели Фалькона в результате восстания. В таком случае д'Эраньи и Дефарж должны немедленно захватить все важнейшие пункты королевства и, не дожидаясь враждебных действий со стороны сиамцев, взять заложниками наиболее влиятельных чиновников [154].

Аналогичные инструкции были адресованы Дефаржу и коменданту Мергуи Дюбрюану вместе с приказом во всем подчиняться д'Эраньи и ни при каких условиях не допускать новых сиамских солдат в крепости, занятые французами [155].

К весне 1689 г. все уже было готово, но объявление войны Испании 15 апреля 1689 г. задержало отплытие. Вскоре после этого Людовик XIV присоединил суда, предназначенные для отправки в Сиам, к эскадре, дей-

[152] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 91.
[153] J. Sottas, *Histoire...*, p. 147.
[154] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 92.
[155] Ibid., p. 93.

ствовавшей против Ирландии в помощь Якову II, пытавшемуся вернуть себе престол. Экспедиция была отложена до осени.

В сентябре 1689 г., по приказу Сеньеле, вновь была сформирована эскадра из шести судов — во главе с адмиралом Дюкен-Гиттоном [156]. Но 6 ноября, за несколько дней до предполагавшегося отплытия, во Францию пришло запоздалое известие о том, что за полтора года до этого, в мае 1688 г., король Нарай был низложен, а французский гарнизон после нескольких месяцев кровопролитной борьбы с позором изгнан из Сиама.

11. ПАДЕНИЕ КОРОЛЯ НАРАЯ

Пользуясь договорами, заключенными к концу 1687 г., французы начали энергично «осваивать» богатства Сиама. Глава французской фактории в Аютии Вере развернул обширную коммерческую деятельность, вытесняя с помощью Фалькона индийских и голландских купцов. Наряду с этим он добился монополии на разработку медных рудников близ Луво [157]. К началу февраля 1688 г. работа здесь шла уже полным ходом, сотни сиамских крестьян, принудительно согнанных на рудники, трудились под присмотром привезенных из Франции мастеров — специалистов горного дела.

Подневольный труд местного населения широко использовался и при постройке новых укреплений европейского типа в Бангкоке и Мергуи, которые должны были служить оплотом французской власти в Сиаме. По приказу Фалькона для работ в Бангкоке было направлено 1500 человек. На строительстве крепости в Мергуи работало 3 тыс. жителей. Трудом местного населения в спешном порядке возводились новые здания церквей и семинарий в Луво и Аютии, казарм и госпиталя в Бангкоке [158].

Кроме того, не поддающееся учету число сиамских крестьян было оторвано от своих повседневных занятий для транспортировки в Бангкок и Мергуи строительных материалов (камня, леса, металла) и продовольствия.

[156] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, pp. 218—219.
[157] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 347.
[158] [Beze], *Mémoire...*, p. 109; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 33, 101, vol. II, p. 271.

Предвидя возможность долговременной осады Бангкока в случае разрыва с Сиамом, французские послы, несмотря на сильное противодействие короля Нарая, сумели настоять на том, чтобы в Бангкоке был создан 18-месячный запас провианта [159], и теперь этот запас усиленно выколачивался из тех же сиамских крестьян.

Вновь обретя уверенность с прибытием французских войск, Фалькон еще глубже запустил руку в государственную казну [160]. «Роскошь, в которой он жил, была почти оскорблением для нищей нации, которую, как думали, он грабил», — писал даже положительно оценивавший его деятельность епископ Тюрпен [161]. Данные, приводимые самим Тюрпеном и другими авторами, полностью снимают оговорку епископа «как думали». Фалькон построил себе в Луво каменный дворец-крепость, не уступавший королевскому дворцу. Другой дворец у Фалькона был в Аютии. Он имел несколько собственных кораблей, торговавших с Индией и Китаем. Все провинции Сиама поставляли лучшие свои продукты для его стола. За обедом ему, бывшему матросу английского флота, приехавшему в Сиам без гроша в кармане, и его гостям прислуживало 400 рабов [162].

Разумеется, огромные средства, которые Фалькон выкачивал из сиамского народа, шли не только на его личное потребление. На эти деньги он прикармливал возле себя целую толпу разноплеменных авантюристов, живших в его доме и составлявших его личную гвардию. Из этих же средств он щедрой рукой делал подачки своим друзьям иезуитам и французским офицерам, многие из которых устремились в Сиам специально, чтобы поправить свою фортуну. На одни только «подарки» за три года (1685—1688) Фалькон истратил более 100 тыс. голландских крон [163]. К этому надо еще прибавить стоимость непрерывных пиров, праздников и фейерверков, которые устраивал Фалькон в честь своих французских и английских друзей.

Немалая доля труда сиамского народа ушла за море в виде подарков от могущественного временщика королям,

[159] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 344.
[160] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 70.
[161] F. H. Turpin, *History...*, p. 49.
[162] Ibid.
[163] P. Orleans, *Histoire...*, p. 111.

принцам, папе, кардиналам, министрам и всем, кто в той или иной мере мог быть полезен Фалькону.

Большие средства были вложены Фальконом во французскую Ост-Индскую компанию. К началу 1688 г. эта сумма возросла до 300 тыс. ливров [164]. Кроме того, имеются косвенные данные о том, что он успел не меньшие суммы переправить в Англию и Францию при помощи частных лиц.

Наконец, деньги сиамцев Фалькон использовал для идеологической диверсии в их собственной среде. Жена Фалькона, христианка японо-португальского происхождения, специально скупала детей у родителей, которые вынуждены были их продавать, чтобы уплатить долги. Этих детей тут же крестили и подвергали специальной обработке, чтобы воспитать из них ревностных поборников христианской веры и преданных слуг французского короля. Дело было поставлено на широкую ногу. В доме Фалькона одновременно воспитывалось более 120 детей [165].

Сиамцы ненавидели Фалькона не меньше, чем они ненавидели тех, чьим интересам он служил.

Ненависть к французам неизбежно должна была возникнуть как реакция на их вызывающее поведение. «Овладев Бангкоком, — пишет по этому поводу Гамильтон,— французы стали нестерпимо заносчивы» [166]. Более развернутую характеристику поведения оккупантов дает французский епископ Тюрпен: «Французские офицеры и солдаты, оставшиеся в Сиаме, злоупотребляли доверием, которое им оказывали. Убежденные в своем превосходстве, вытекающем из их силы и знаний, на которые они слишком полагались, они, вместо того, чтобы расположить к себе сиамцев, стали требовать, чтобы те оказывали им почтение. С непристойными насмешками они осуждали все, что не соответствовало их обычаям и предрассудкам» [167].

«Деяния» Фалькона способствовали быстрому росту ненависти к французам. Фалькон стал притеснять и ограничивать мусульман и буддийских монахов, начал изгонять из государственного аппарата наиболее ревностных сторонников буддизма и заменять их своими ставленниками [168]. Это не могло не вызвать возмущения всего народа. Если в 1685 г. антифранцузская партия была еще слабо оформлена и состояла главным образом из представителей верхушки, то теперь антифранцузское движение приняло массовый народный характер.

Во главе организованной оппозиции, к началу 1688 г. еще численно небольшой, стоял уже упоминавшийся Пра Пет Рача.

Пет Рача был выходцем из незнатной семьи. Он родился около 1632 г. Мать его была кормилицей. В числе детей, выкормленных ею, был и будущий король Нарай. В молодости Пет Рача, по преданию, зарабатывал себе на жизнь тем, что продавал фрукты [169]. После того как Нарай захватил престол (1656), перед товарищем его детства Пет Рачей открылась военная карьера. Благодаря своим способностям, он к 80-м годам уже занимал один из высших военных постов в королевстве — командира слоновой гвардии — главной ударной силы сиамской армии.

Это, несомненно, был незаурядный человек. Даже его враги вынуждены были отдавать ему должное. Наиболее выразительную характеристику ему дает иезуит Ле Блан, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Пет Рече. «Пет Рача, — пишет он, — был беден, но любим народом за простоту и демократизм, он был отважен, полон огня, деятелен, прямодушен и откровенен... Он свободно говорил прямо в глаза королю то, что думал, и король ему прощал...» [170]. Правда, Ле Блан тут же добавляет, что «под его прямотой и откровенностью была скрыта исключительная хитрость», и в дальнейшем, так же как и другие авторы, старается доказать коварство и жестокость Пет Рачи. Тенденциозность такого «разъяснения», однако, совершенно ясна. Даже из изложения событий, которое приводят враги Пет Рачи, видно, что по своим моральным качествам он стоял на голову выше современных ему французских государственных деятелей.

Ближайшим помощником Пет Рачи был санкрат — глава буддийской церкви Сиама, настоятель королевского храма в Луво, издавна находившийся в очень натянутых

---

164 J. Sottas, *Histoire...*, p. 148.
165 [Beze], *Mémoire...*, p. 33.
166 A. Hamilton, *A new account...*, vol. II, p. 173.
167 F. H. Turpin, *Histoire...*, vol. II, p. 90.
168 K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 93.
169 A. Hamilton, *A new account...*, vol. II, p. 174.
170 M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 44.

отношениях с королем Нараем [171]. Король не был рьяным приверженцем буддийской церкви, так же как и всякий другой. По своим убеждениям, по крайней мере в последние годы, он был близок к атеизму [172]. Пет Рача же, напротив, был тесно связан с буддийским духовенством и при каждом удобном случае подчеркивал свою приверженность к национальной религии — буддизму. Буддийские монахи, которых в первую очередь задело французское проникновение, сыграли большую роль в организации сопротивления иностранцам.

Третьим вождем заговора стал Пья Висут Сунтон — типичный представитель сиамской служилой знати, которую вытесняли с государственных постов европейские авантюристы, ставленники Фалькона.

Видную роль в заговоре играл также командир конной гвардии Нарая индиец Пья Хуссейн Хан [173]. За ним, несомненно, стояли многочисленные купцы-мусульмане, жестоко страдавшие от преследований Фалькона, стремившегося полностью вытеснить их из Сиама.

Моральную поддержку заговорщики получали от соседних восточных государств, с тревогой и негодованием следивших за проникновением французов в Сиам [174].

Некоторую помощь заговорщикам оказали даже голландцы; ими руководило желание насолить своим торговым соперникам [175].

Но главной силой восстания, без которой кучка заговорщиков была бы легко и быстро раздавлена французской военной машиной, конечно, был народ. Крайне тяжелое положение народных масс, особенно в последние годы правления короля Нарая, значительно повысило их активность. «Эти несчастные, — писал Ле Блан, — стонущие под тяжестью своей нынешней нищеты, смотрят на

---

171 N. Gervaise, *Histoire naturelle...*, p. 190.

172 [Beze], *Mémoire...*, p. 37.

173 Vivadhanajaya, *The Statement...*, p. 172.

174 В январе 1688 г. султан Джохора, номинально — вассал сиамского короля, прислал Нараю письмо. В этом письме он «изумлялся, что столь мудрый монарх призвал в свое государство иностранцев, которых он не сможет заставить уйти когда захочет... Если он захочет изгнать опасных гостей, пока они не закрепились, то он, султан, всегда готов оказать вооруженную помощь». На предложение султана, разумеется, последовал грубый отказ, продиктованный Фальконом (M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 26—27).

175 K. Subamonkala, *La Thailande..*, p. 94.

любое движение, как на перемену судьбы, которая может быть для них только благоприятной (т. е. хуже быть не может. — *Э. Б.*)... сиамцы, особенно бедняки, очень любят новшества и мало привязаны к своим монархам» [176]. Последнюю мысль в несколько иной форме высказывает в своем отчете де Без [177].

Феодальный грабеж в государстве Нарая вследствие развития товарно-денежных отношений достиг таких размеров, что неизбежно должен был произойти революционный взрыв. Французское вторжение могло только ускорить падение Нарая.

Следует отметить, что заговорщики умело использовали настроения народа. В своей агитации Пет Рача и его приверженцы напирали не только на защиту национальной религии — они обещали народу снижение налогов [178].

Гроза разразилась не сразу. Внешне, в первые месяцы после прибытия французских войск, все, казалось, было спокойно. Но первые признаки народного недовольства — слухи и предсказания, быстро передававшиеся из уст в уста по всей стране, уже ясно говорили о подлинном настроении масс. «Еще в начале октября 1687 г., — сообщает де Без, — некий брахман астролог объявил, будто звезды предсказывают ему, что французы будут приняты с ликованием и получат, что хотят, но вскоре будут изгнаны с великим кровопролитием» [179].

В январе 1688 г. слухи приняли более определенный характер. Стали поговаривать, что в марте или апреле непременно произойдет государственный переворот. Напряженность дошла до того, что одну из февральских ночей, напуганные каким-то шумом, французы в Луво провели без сна, не расставаясь с оружием [180].

К королю один за другим являлись патриотически настроенные представители чиновничества и публично обвиняли Фалькона в государственной измене [181]. Но Нарай не

---

176 M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 49—50.

177 [Beze], *Mémoire...*, p. 92.

178 O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 31.— Эта работа представляет собою публикацию отчета генерала Дефаржа о его пребывании в Сиаме.

179 [Beze], *Mémoire...*, p. 89.

180 R. Lingat, *Une lettre...*, p. 345.

181 [Beze], *Mémoire...*, pp. 87, 90; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 28.

желал ничего слушать. Обвинителей Фалькона приговорили к смертной казни — их бросили на растерзание тиграм. После этого хождение во дворец прекратилось. Среди заговорщиков стали брать верх сторонники более решительных мер.

В феврале ход событий ускорился ухудшением состояния здоровья короля (он страдал астмой). Встал вопрос о престолонаследии. Законных сыновей у Нарая не было. Оба его брата, Чао Фа Апайтот и Чао Фа Ной, были отстранены им от престолонаследия за несколько лет до описываемых событий и находились под домашним арестом. К тому же старший брат (Чао Фа Апайтот) был разбит параличом, младший был глухонемой [182]. Наиболее вероятным кандидатом на престол считался Мон Пит (или Пра Пит), приемный сын короля, к которому Нарай был очень привязан [183]. Король хотел выдать за него свою единственную дочь Йота Тап и этим закрепить его права на трон. Но Мон Пит был крайне непопулярен ввиду своей близости к Фалькону и французам. Поэтому Нарай не решился публично объявить его наследником престола. Он провозгласил своей наследницей принцессу с правом выйти замуж и сделать королем, кого она пожелает. До ее замужества регентами королевства назначались Фалькон, Пет Рача и Мон Пит [184].

Несмотря на то что принцесса была резко настроена против французов, такое решение в общем благоприятствовало Фалькону, так как после смерти короля он мог рассчитывать силой заставить принцессу выйти замуж за Мон Пита или любого другого своего ставленника. Формально при этом соблюдалась бы законность и сохранялась преемственность династии.

Чтобы сорвать планы Фалькона, сторонники Пет Рачи убедили сестру Нарая повлиять на короля в пользу Чао Фа Апайтота и Чао Фа Ноя. Ей удалось добиться от Нарая разрешения на их прибытие в Луво [185]. Антифранцузская партия при дворе усилилась.

---

[182] [Beze], *Mémoire...*, pp. 68—69. — Многие полагали, что Чао Фа Ной симулировал немоту из страха перед королем (O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 10).

[183] Некоторые считали Мон Пита родным сыном Нарая (N. Gervaise, *Histoire...*, p. 250).

[184] [Beze], *Mémoire...*, p. 114.

[185] Ibid., pp. 99—100.

Теперь заговорщики перешли к более энергичным действиям. Во все провинции были посланы монахи подымать народ. На строительстве французских укреплений в Бангкоке и Мергуи начался массовый саботаж. Рабочие бежали. К марту в Бангкоке осталось менее 700 из 1500 строителей. Жестокие репрессии против рабочих и руководивших ими чиновников не дали существенного результата.

Сфабриковав фальшивую государственную печать, заговорщики послали в различные крепости подложные приказы от имени короля, обязывавшие предоставить подателям оружие, порох и выделить людей [186].

Гвардия сиамского короля, единственное воинское формирование, находившееся под ружьем в мирное время, была полностью распропагандирована агентами Пет Рачи. Обычная инертность в ее рядах сменилась величайшей активностью. Французы, проживавшие в Аютии, с тревогой следили за ежедневными многочасовыми военными упражнениями сиамских солдат. Особенно раздражало их желание сиамцев подготовить как можно больше канониров для своих пушек [187].

К середине марта здоровье Нарая значительно улучшилось, и он смог снова приступить к государственным делам [188]. После трагической гибели обвинителей Фалькона и грубого ответа султану Джохора у заговорщиков уже не оставалось никакой надежды на то, что король изменит свою политику. Судьба Нарая была решена в марте 1688 г. на многолюдном собрании в пагоде близ Луво. Перед собравшимися со страстной речью выступил Пет Рача, обладавший, по свидетельству современников, незаурядным ораторским талантом. Речь, начатую словами «мы — узники!», он закончил призывом к свержению Нарая. Собрание руководителей заговора единодушно решило низложить короля, не дожидаясь его смерти [189].

---

[186] Ibid., pp. 101—102; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 48, 59; vol. II, p. 271.

[187] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 346.

[188] [Beze], *Mémoire...*, p. 102. — Современные западные историки, так же как и большинство авторов XVII в., обходят молчанием этот факт. В результате у читателя создается превратное представление, будто заговорщики смогли совершить переворот лишь благодаря болезни Нарая.

[189] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 13; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 51.

Через шпиона, присутствовавшего на собрании, Фалькон в тот же день узнал о происшедшем. Но он не решился арестовать заговорщиков. К заговору присоединились уже почти все высшие чиновники страны. Из 14 губернаторов Сиама только два — провинций Аютия и Петбури — отказались подчиниться подложным приказам Пет Рачи [190]. Рассчитывать на сиамскую пехоту и тем более на мусульманскую индийскую конницу было безнадежно. Португальские части, настроенные против Фалькона со времени их антифранцузского мятежа в Бангкоке (1686 г.) [191], сохраняли дружественный нейтралитет по отношению к заговорщикам. Личная охрана короля, о которой столько хлопотал Фалькон, до сих пор оставалась в Бангкоке (не желая ослаблять гарнизон Бангкока, Дефарж не отпускал выделенный для этого отряд, ссылаясь на то, что солдаты еще недостаточно владеют кавалерийским мастерством) [192]. Поэтому Фалькон даже не счел нужным информировать короля о ходе событий, резонно полагая, что тот своим бессильным гневом может только ухудшить положение. 23 марта, воспользовавшись каким-то благовидным предлогом, Фалькон вызвал Дефаржа в Луво [193]. Чтобы не настораживать заговорщиков, он решил не встречаться с французским командующим, и все переговоры с Дефаржем от имени Фалькона вели иезуиты Ле Блан и де Без [194].

По их плану, Дефарж, сохраняя полную тайну, должен был вернуться в Бангкок и оттуда внезапно двинуться на Луво с отрядов в 100—120 стрелков. Здесь, соединившись с личной охраной Фалькона и отрядами, которые Мон Пит собирал в провинциях, они должны были нанести короткий и решительный удар — арестовать Пет Рачу и его ближайших помощников и этим обезглавить заговор. Малочисленность французских войск почти не смущала Фалькона, так как весь расчет был построен на

[190] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 59.

[191] [Forbin], *Voyage...*, p. 60. — Португальцы, натурализовавшиеся в Сиаме, до 1686 г. составляли основную часть гарнизона Бангкока. После назначения Форбена комендантом этой крепости они отказались ему повиноваться и пытались арестовать французских офицеров. Но это им не удалось, и они были выведены из Бангкока.

[192] [Beze], *Mémoire...*, pp. 56, 93.

[193] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 348.

[194] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 67—69; [Beze], *Mémoire...*, p. 106.

внезапности удара, превосходстве огнестрельного оружия и преимуществах европейской выучки солдат; к тому же численность регулярных сиамских войск, которые могли бы противостоять французам, была очень невелика, а для мобилизации народного ополчения требовалось значительное время.

Рассчитывая на полный успех своего предприятия, Фалькон в то же время предусмотрел и возможность отступления и продолжительной обороны в Бангкоке. Он предложил Дефаржу бесплатно (т. е. за счет сиамского казначейства) годовой запас пороха для этой крепости. В Бангкок в спешном порядке были отправлены 200 коров, значительные запасы провианта [195].

Последней линией обороны Фалькона были два сиамских фрегата «Аютия» и «Луво», которые он, заблаговременно укомплектовав французскими матросами и офицерами, еще в январе 1688 г. направил крейсировать в Сиамском заливе. Официальной задачей этих судов была борьба с пиратством. На самом же деле Фалькон, видимо, опасался, что, как и в 1686 г., заговорщикам будет оказана помощь извне. В случае получения известий о беспорядках в Сиаме фрегатам было приказано немедленно идти в Бангкок в распоряжение Дефаржа, который, смотря по обстоятельствам, мог бы обстреливать с них города, лежащие на Менаме, либо использовать их для эвакуации [196].

Все предложения Фалькона были приняты Дефаржем. Однако он выступил из Бангкока лишь 13 апреля.

Большинство авторов приписывает эту задержку личным качествам Дефаржа — его медлительности и полной бездарности в военных делах. Фактически же здесь действовали самые различные причины, прежде всего саботаж сиамцев, срывавших доставку провианта, боеприпасов и транспортировку французских войск, затем — деморализация этих войск.

Разложившиеся в результате грабежей и насилий над местным населением солдаты не хотели сражаться. Когда стало известно о походе на Луво, некоторые дезертировали. В начале апреля группа солдат Дефаржа пыталась

[195] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 104; P. Orleans, *Histoire...*, p. 111.

[196] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 31—32.

бежать на судне, которое им предоставил некий французский эмигрант, живший в Сиаме. Примерно тогда же 12 французских солдат бежало на шлюпке из Мергуи [197].

Естественно, что в таких условиях Дефаржу было нелегко вывести гарнизон из укрепленного и сравнительно спокойного Бангкока. Сам он об этом, разумеется, ничего не пишет, но невольно выдает себя, говоря о численном составе своего «экспедиционного корпуса»: «Я вышел из Бангкока с 70 солдатами и 50 офицерами» [198], — иными словами, чтобы укрепить более надежными кадрами отряд, Дефаржу пришлось влить в него почти весь свой командный состав.

14 (по другим сведениям, 15) апреля отряд Дефаржа прибыл в Аютию [199].

Появление Дефаржа в столице было полной неожиданностью для ее населения. Город жил своей обычной жизнью, ничего не подозревая. Французский офицер, отправленный Дефаржем для разведки на городской рынок — этот своеобразный центр общественный жизни, донес, что там царит полное спокойствие [200].

Пет Рача и другие вожди заговора, всегда прекрасно информированные, конечно, тотчас узнали о продвижении отряда Дефаржа. Но, по-видимому, Пет Рача чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы арестовать короля и Фалькона, но еще недостаточно сильным для того, чтобы бороться с хорошо вооруженными французами. Поэтому он продолжал накапливать силы, и организованные отряды заговорщиков не выступили против Дефаржа.

Однако сдержать стихийное негодование жителей Аютии против вторжения «наглых чужеземцев» уже никто не мог. На второй день пребывания Дефаржа в Аютии по городу «распространился слух, что король умер и французы идут в Луво грабить дворец и посадить на трон своего ставленника» [201]. Город закипел. На улицах стали собираться воинственно настроенные толпы. Оценив ситуацию, Дефарж счел за лучшее вывести войска из

[197] Ibid., vol. II, p. 273.
[198] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 14.
[199] [Beze] *Mémoire...*, p. 109; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 74.
[200] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 77.
[201] Ibid., pp. 85—86.

сиамской столицы и расположил их на два лье к югу от Аютии, т. е. на дороге в Бангкок. Тем самым поход на Луво был в сущности сорван.

Но, по единодушному признанию всех современников, это как раз соответствовало желаниям духовных руководителей французской колонии в Аютии — епископов Лано и Лионне — и ее гражданского руководителя — главы фактории Вере, которые в течение двух суток пребывания Дефаржа в Аютии оказывали на него сильнейшее давление, чтобы убедить отказаться от этого похода. По их мнению, спасение безнадежно скомпрометировавших себя короля и его фаворита, хотя и сулило некоторые выгоды, по сути дела было журавлем в небе, гоняясь за которым, можно упустить уже имеющуюся синицу — Бангкок [202]. Они понимали, что в случае серьезного натиска оставшиеся в Бангкоке части, слабые и морально неустойчивые, не в силах были бы его удержать.

18 апреля отряд Дефаржа двинулся в обратный путь, бросив, таким образом, Нарая и Фалькона на произвол судьбы. Закрепившись в Бангкоке, Дефарж рассчитывал спокойно следить за перипетиями гражданской войны, которая должна была разразиться между тремя группами — сторонниками Пет Рачи, братьев Нарая и Мон Пита, а дождавшись подкреплений, выступить на одной из сторон и получить за помощь еще большие привилегии в Сиаме.

Узнав об измене Дефаржа, Фалькон пришел в ярость. Вся его «любовь к Франции», все его «почтение к христианнейшему монарху» мигом улетучились. Спасая свою голову, он решил переметнуться обратно к старым хозяевам — англичанам. Несмотря на то что Сиам находился в состоянии войны с английской Ост-Индской компанией, англичане, не связанные службой компании, беспрепятственно допускались в страну [203]. Как раз в это время в Аютии находилось три хорошо вооруженных полупиратских, полукупеческих английских судна, в том числе один 44-пушечный фрегат [204]. Вместе с личными судами

[202] Ibid., vol. I, p. 74; [Beze], *Mémoire...*, pp. 109—110; O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 14; R. Lingat, *Une lettre...*, p. 348.
[203] Фалькон, особенно в последние месяцы своей власти, стремился также вновь наладить отношения с английской Ост-Индской компанией.
[204] [Beze], *Mémoire...*, pp. 112, 124.

Фалькона они могли составить довольно существенную военную силу.

Но французские представители в Луво, осведомленные о намерениях Фалькона, приложили все усилия, чтобы отговорить его. То ли из верности своим обещаниям, то ли опасаясь успеха англичан, они поклялись убедить Дефаржа вернуться с войсками. Клятва эта, разумеется, осталась неисполненной, но, когда Фалькон узнал об этом, было уже поздно обращаться к англичанам — сторонники Пет Рачи уже перерезали все коммуникации [205].

6 мая в Бангкок пробрались супериор иезуитов Ле Ройер и иезуит Ле Блан с последним отчаянным призывом Фалькона [206]. Но следующие известия туда привез уже посол Пет Рачи.

В Луво между тем события развивались в стремительном темпе. 17 мая, придя во дворец, Мон Пит увидел, что у дворцовых дверей, которые обычно охраняли его люди, стоит стража Пет Рачи. Он приказал своим людям атаковать ее, но они не подчинились. После резкого разговора с Пет Рачей Мон Пит направился к королю и прямо обвинил Пет Рачу в государственной измене. Потрясенный Нарай вызвал к себе Фалькона и потребовал объяснений. Тот в довольно грубой форме растолковал королю положение дел и добавил, что, только соблюдая полную тайну, можно надеяться хитростью захватить Пет Рачу. Было решено пригласить на завтра Пет Рачу во дворец, где Фалькон внезапно арестует его с помощью своей личной охраны.

Но король, по мнению иезуитов, «произвел слишком много шума» [207]. В тот же вечер Пет Рача узнал о плане Нарая и Фалькона. Он не стал терять времени. За период, прошедший после похода Дефаржа, заговорщикам удалось стянуть к Луво значительные силы. «Мандарины предоставили Пет Раче своих рабов, губернаторы послали ему королевских людей (т. е. крепостных короля. — *Э. Б.*), и сам он сагитировал многих, занятых на работах, в особенности строивших церковь для иезуитов и укрепления в Бангкоке» [208]. Многие крестьяне добровольно примкнули к движению. «Все дороги заполонили солдаты, часто без всякого оружия» [209]. Эти плохо вооруженные, но полные энтузиазма отряды незаметно собирались в лесах близ Аютии.

[205] Ibid., p. 124.
[206] R. Lingat. *Une leitre...*, p. 351.
[207] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 141.
[208] Ibid., p. 101.

В ночь с 17 на 18 мая все эти силы пришли в действие. Войска, находившиеся в лесах, были тайно введены в город. В то же время сторонники Пет Рачи поднимали один квартал за другим. Сам Пет Рача выступил перед народом со страстной обличительной речью против Фалькона и французов. Ремесленники, мелкие купцы и прочие горожане стали толпами выходить на улицу и двигались в направлении дворца. К утру 18 мая Пет Рача «собрал под свои знамена всех, кого только мог, от мусульманской конной гвардии до толпы рабов-гребцов и прочих рабочих» [210]. Лозунгом восстания было «освободить короля, захваченного чужеземцами» [211]. «Толпа людей, без порядка и почти без оружия... одни с топорами, которыми они рубили деревья, другие с бамбуковыми палками, окованными железом или обожженными на конце, мандарины с саблями и щитами, пехота, кавалерия — все перемешалось...» [212]. В первых рядах шесть человек несли на руках санкрата, который жестами и голосом вдохновлял восставших.

Несмотря на внешнюю беспорядочность этого действительно всенародного выступления, во всем чувствовалась большая организованность и дисциплина. Ко дворцу толпа приблизилась в полнейшем молчании. В самый дворец вошла лишь небольшая группа заговорщиков, которая без единого выстрела арестовала короля, соблюдая, впрочем, в отношении его весь придворный этикет (король был изолирован в своей спальне, куда успели вбежать Мон Пит и еще несколько приверженцев Нарая [213]). Народу объявили, что больной король передал власть в руки Пет Рачи. Вождь восстания был провозглашен регентом королевства [214].

Фалькон, находившийся в это время в своем дворце-крепости, понял, что выбраться из Луво ему уже не

[209] Ibid., p. 119.
[210] Ibid., p. 143.
[211] Ibid.
[212] Ibid., p. 144.
[213] В присутствии короля их нельзя было арестовать по сиамским феодальным понятиям.
[214] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, p. 144; [Beze], *Mémoire...*, p. 116.

удастся. Видя, что терять больше нечего, авантюрист решился в последний раз испытать свое счастье — внезапной атакой захватить дворец и отбить короля. Он попытался вызвать к себе три сиамские роты с французским командным составом, которые Дефарж незадолго до того прислал из Бангкока. Но солдаты уже разбежались и к Фалькону явились одни офицеры. Соединив их со своей личной англо-португальской гвардией, вооруженной до зубов, Фалькон двинулся ко дворцу. По дороге, в одном из узких проходов, внезапно опустившаяся решетка отрезала бо́льшую часть его отряда, и Фалькон с несколькими офицерами оказался среди толпы восставших. В ту же минуту к нему улыбаясь подошел Пет Рача. «Не нашлось ни одного сильного духом, чтобы застрелить его (Пет Рачу. — *Э. Б.*) в эту минуту!» [215] — с досадой восклицает «благочестивый» иезуит де Без. Французы безропотно дали себя разоружить и арестовать Фалькона. Сами они вместе с остальными членами французской колонии в Луво были отправлены в загородное поместье короля «в интересах их собственной безопасности», как резонно пояснил сопровождавший их сиамский чиновник. Туда же вскоре перебралась личная гвардия Фалькона, закрепившаяся было в его дворце. Пья Висут Сунтону (бывшему послу во Франции) не стоило большого труда убедить их соблюдать нейтралитет. Главной их заботой в эту минуту было «сохранить свои сундуки с серебром» [216].

12. ИЗГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ СИАМА

Власть перешла в руки Пет Рачи в трудную для Сиама минуту. Важнейшие порты страны продолжали оставаться в руках сильных французских гарнизонов. Еще было совершенно неясно, какую позицию займут многочисленные и хорошо вооруженные европейцы, проживавшие в Аютии и других городах Сиама. Одни англичане, как уже упоминалось выше, располагали в Сиаме тремя крупными военными кораблями. Кроме того, у французов было два сиамских фрегата. «Эти пять судов,—

[215] [Beze], *Mémoire...*, p. 177.
[216] Ibid.

восклицает де Без, — могли бы привести в рассудок сиамцев... сжечь столицу и большинство городов страны...» [217].

В то же время Сиам стоял на пороге гражданской войны. Далеко не все города признали власть Пет Рачи. Отец Мон Пита и другие его родственники собирали армию в провинциях. Ее численность достигала 14 тыс. человек [218].

Аютия, где обосновался старший из «законных» наследников Нарая Чао Фа Апайтот, отказывалась подчиняться приказам, которые Пет Рача издавал от имени свергнутого короля. Страна в любой момент могла распасться на три смертельно враждующих лагеря (сторонники Пет Рачи, сторонники Мон Пита и сторонники братьев Нарая), взаимно истощающих друг друга в бесплодной феодальной войне на радость иностранцам.

Политический гений Пет Рачи сказался в том, как он стремительно и, главное, почти бескровно справился со стоявшими перед ним трудностями.

Первый удар он нанес партии французского ставленника. 20 мая Мон Пит, вынужденный выйти из комнаты короля, был схвачен и немедленно казнен. Армия его, распропагандированная буддийскими монахами, рассеялась без боя. Вскоре был схвачен и отец Мон Пита в своем поместье между Аютией и Луво [219].

Стремясь завоевать как можно больше сторонников, Пет Рача обходился с врагами в общем весьма мягко. После непрерывных казней при Прасат Тонге и Нарае по самым ничтожным поводам сиамцы с изумлением узнали, что в результате переворота было арестовано только три сторонника Мон Пита и Фалькона. Последним приверженцам короля Нарая, шести крупным чиновникам, сохранившим ему верность после его падения, была немедленно предоставлена полная свобода, как только они выразили желание стать монахами [220]. Одним из первых шагов Пет Рачи после захвата власти явилось освобождение всех лиц, которые были осуждены или арестованы при Нарае. Одновременно было объявлено об

[217] Ibid., p. 124.
[218] E. Kaempfer, *The history of Japan*, vol. I, p. 31.
[219] Ibid., p. 32; [Beze], *Mémoire...*, pp. 119—123; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 156—158.
[220] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, pp. 18—19.

отмене многих налогов. Получив доступ к государственному казначейству, Пет Рача стал раздавать милостыню беднейшим горожанам и крестьянам [221]. Подобная тактика принесла ему огромную популярность в народе, уставшем от кровавого террора и невыносимого налогового гнета Прасат Тонгов, и помогла ему объединить страну.

Следующей задачей Пет Рачи было завоевание столицы королевства. Здесь он тоже действовал быстро и не прибегая к военной силе. Самым действенным его оружием были листовки, которые его агенты расклеивали по ночам на улицах Аютии. В этих прокламациях вместе с сообщением о переходе власти к Пет Раче народу объявлялось об осуждении Фалькона и конфискации его имущества [222]. Уже одно это должно было сделать Пет Рачу героем в глазах аютийцев. Одновременно агенты Пет Рачи убеждали простой народ, что при нем жизнь станет гораздо легче. Кратко суммируя надежды, которые возлагались на Пет Рачу, иезуит Орлеан писал: «Монахи считали Пет Рачу восстановителем религии, мандарины — патриотом, освободившим родину от иностранцев, народ — инициатором новшеств, которые он всегда любит» [223].

В такой обстановке дни непопулярной династии Прасат Тонгов были сочтены. Сторонники Пет Рачи, проникшие в Аютию под видом перебежчиков, сумели агитировать даже рабов-телохранителей Чао Фа Апайтота, и те сами тайно доставили его в Луво, где уже находился под стражей его младший брат Чао Фа Ной [224]. Партия принцев, лишившись главы, распалась, и губернатору Аютии не оставалось ничего другого, как капитулировать перед Пет Рачей.

Фактически объединивший всю страну под своей властью, Пет Рача был почтен титулом «освободителя отчизны и защитника религии» [225]. Желая во всем соблюсти законную форму, он не спешил провозгласить себя королем, но взял на себя обязанности регента. Потрясения последних дней вызвали у Нарая новый приступ болезни, которая быстро прогрессировала. Поэтому Пет Рача

[221] Ibid., p. 31.
[222] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 161.
[223] P. Orleans, *Histoire...*, pp. 78—79.
[224] Ibid., p. 77.
[225] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 160.

не стал подрывать авторитет королевской власти ненужным убийством. Иначе дело обстояло с принцами. Пока они были живы, обычная в средневековом Сиаме возможность феодальных мятежей и братоубийственной резни в любую минуту могла превратиться в действительность. Поэтому 25 июля 1688 г. по решению Королевского совета и якобы с санкции короля они были казнены с соблюдением всех почестей [226].

Одновременно с борьбой за объединение страны Пет Раче приходилось вести борьбу за освобождение Сиама от иностранных оккупантов. Во французских источниках дело представляется так, будто он стремился к полному истреблению всех французов. Между тем даже приводимые в этих источниках факты свидетельствуют о том, что Пет Рача хотел только одного — удаления французских войск с сиамской территории. Что же касается торговых отношений с Францией, он не отказывался их поддерживать и развивать.

Такую же благожелательность он проявил и в религиозном вопросе, хотя современники-французы и позднейшие французские исследователи пытаются изобразить его свирепым гонителем христианства. Лучшим ответом на это обвинение является тот факт, что, несмотря на все трагические происшествия борьбы с французскими войсками, после их изгнания Французской иностранной миссии разрешено было остаться в Сиаме и свободно проповедовать свою религию (чем она и занималась здесь до конца XVIII в.).

Утверждения французов опровергает и число жертв «антихристианской» деятельности Пет Рачи. Ни один автор не может назвать ни одного христианина, казненного при Пет Раче, кроме Константина Фалькона. При этом создается совершенно явственное впечатление, что первоначально Пет Рача не собирался казнить Фалькона, предпочитая сохранить его в качестве заложника, и, если бы французы проявили хоть какой-нибудь интерес к судьбе своего агента, они легко могли бы его выкупить [227].

[226] Лиц королевской крови в Сиаме казнили, зашивая их в бархатный мешок и забивая насмерть палками из сандалового дерева (P. Orleans, *Histoire...*, p. 115; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, p. 339).
[227] [Beze], *Mémoire...*, p. 120. — К тому же совершенно ясно, что Фалькона казнили не за его религиозные убеждения.

Небезынтересно отметить и национальный состав репрессированных христиан. В самый разгар «гонений» ни один португалец, голландец или армянин не был взят под стражу. Из вьетнамцев-христиан пострадали только отдельные лица [228].

Следующий факт не в пользу французского обвинения — дата и мотивы «гонений против христиан». До первых чисел июня никаких подобных гонений вообще не было. Более того, фактически не был арестован ни один из французов. Французским офицерам, захваченным вместе с Фалькоиом, были оставлены оружие и лошади. Эти французы могли свободно охотиться в окрестностях Луво. Остались на свободе и жена Фалькона и ее многочисленные родственники. Ей было разрешено носить арестованному мужу передачи в любом количестве. Сам Фалькон, «по слухам», как оговаривают все источники, во время следствия подвергался ужасным пыткам, однако Орлеан и Ле Блан тут же сообщают, и на этот раз уже как достоверный факт, что, находясь под арестом, Фалькон имел возможность получать и читать книги [229].

Наконец, что казалось бы совсем невероятным, если бы не сообщалось врагами Пет Рачи, сиамское правительство в течение двух недель оставляло в руках жены Фалькона все его несметные богатства, награбленные в Сиаме. Мария Фалькон, разумеется, не теряя времени, использовала этот промах Пет Рачи. Она сразу же энергично взялась за подготовку побега мужа. Огромные суммы были истрачены ею на подкуп различных чиновников, офицеров, видных монахов [230]. Особенно много денег она раздала сиамским христианам, по-видимому, надеясь сформировать из них отряд для нападения на тюрьму.

Только тогда сиамское правительство спохватилось и стало постепенно изымать из ее рук не принадлежавшие ей ценности. 30 мая чиновники забрали государственные печати, которыми пользовался Фалькон. 31 мая были изъяты бумаги Фалькона, его оружие и одежда (более

[228] F. H. Turpin, *Histoire...*, pp. 101—102.
[229] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 189; P. Orleans, *Histoire...*, p. 113.
[230] Принцессе Йота Тап она поднесла золотую цепь, усеянную драгоценными камнями (Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 194).

300 костюмов). 1 июня были опечатаны сундуки, к дому приставлена стража, а Мария Фалькон арестована (вскоре ее выпустили), и только 3 июня сокровища Фалькона были конфискованы и вывезены [231]. Лишь в эти дни начались массовые аресты сиамских христиан.

В свете вышесказанного вполне можно предположить, что такая последовательность событий не случайна и заговор с целью освобождения Фалькона действительно имел место.

Политический характер «гонений» подчеркивается и тем, что они не коснулись даже французских иезуитов. Более того, 3 июня Пет Рача приставил к дому иезуитов стражу, но не для того, чтобы держать их под арестом, а лишь для того, чтобы предотвратить народную расправу над ними. «Действительно, — свидетельствует Ле Блан, — народ был очень разгневан, особенно на иезуитов» [232]. Иезуиты могли свободно выходить из своего дома, посещать арестованных христиан и раздавать им деньги. Значительные средства для этого им предоставил по просьбе короля Нарая не кто иной, как сам Пет Рача [233].

Все это достаточно ясно показывает, что ни о каких гонениях на христиан как приверженцев данной религии не может быть и речи. Репрессии «против христиан» носили чисто политический характер. Они были направлены только против оккупантов — французов, части англичан — и сиамских христиан, связанных с оккупантами.

На следующий же день после захвата власти Пет Рача обратился с письмом к епископу Лано, извещая его об аресте Фалькона и гарантируя от имени нового правительства неприкосновенность французам и свободу вероисповедания христианам. Далее он приглашал епископа приехать в Луво, чтобы обсудить создавшееся положение [234].

Лано отговорился нездоровьем и послал вместо себя Лионне, который прибыл в Луво 24 мая. Пет Рача предложил ему и шевалье Дефаржу (сыну генерала), который в числе других французских офицеров был интерниро-

[231] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 197.
[232] Ibid., p. 206.
[233] [Beze], *Mémoire...*, p. 140.
[234] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 19.

ван в загородном поместье короля, вместе с сиамским представителем отправиться в Бангкок и пригласить генерала Дефаржа приехать для переговоров. Однако старший в чине среди офицеров в Луво, заместитель Дефаржа, майор Бошамп, видимо, не на шутку перетрусивший, воспользовался своим старшинством и объявил, что сам поедет с Лионне в Бангкок [235].

Паническое настроение Бошампа быстро передалось шевалье Дефаржу и пяти другим оставшимся в Луво французским офицерам. Не дожидаясь окончания переговоров, все они решили бежать в Бангкок. Воспользовавшись предоставленной им свободой передвижения, они под предлогом охоты выехали за город и двинулись к югу вдоль реки. Вскоре им удалось захватить большую лодку, в которой плыли буддийские монахи. Офицеры, не задумываясь, побросали монахов в воду и, угрожая оружием, заставили гребцов направить лодку к Бангкоку. Однако «у них не было веревок, чтобы привязать гребцов, и ночью те бежали вплавь» [236]. Не умея управлять лодкой, французы были вынуждены высадиться на берег и двигаться дальше пешком. Вскоре их обнаружили крестьяне, которые организовали за ними погоню. Понимая безнадежность своего положения, французы сдались. Около 1 июня они были возвращены в Луво и брошены в тюрьму [237]. Репрессии против сторонников оккупантов, начавшиеся как раз в то время, несомненно имели причиной не только подозрительную деятельность жены Фалькона, но и этот вероломный побег и разбойное нападение на буддийских монахов.

Между тем в Бангкоке, куда 28 мая прибыли Лионне, Бошамп и сопровождавший их Пья Висут Сунгон, Дефарж решал проблему — немедленно ли открыть военные действия, захватив Пья Висут Сунтона как заложника, или ответить на приглашение Пет Рачи, чтобы выгадать время, необходимое для завершения строительства укреплений Бангкока. Он выбрал второе и, взяв

[235] [Beze], *Mémoire...*, p. 123; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 171—174. — Из этой детали явствует, что Пет Рача вовсе не имел намерения держать сына Дефаржа заложником, как пытается уверить сам генерал Дефарж (O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 20).
[236] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 179.
[237] P. Orleans, *Histoire...*, pp. 83—84.

с собой своего старшего сына, лейтенанта французских войск, выехал в Луво [238].

2 июня 1688 г. состоялась встреча Дефаржа с Пет Рачей. Последний так обставил прием, чтобы дать понять французскому генералу, что времена переменились и что он имеет дело с независимым, суверенным государством. По старинному сиамскому обычаю, Дефарж должен был простереться перед троном Пет Рачи. Генералу пришлось беседовать с Пет Рачей, сидя на циновке.

Регент поставил перед Дефаржем четыре вопроса: 1) с какой целью прибыли французские войска в Сиам? 2) почему они притесняют местное население в Бангкоке? 3) с какой целью Дефарж шел с войсками на Луво в апреле? 4) почему бежали из Луво французские офицеры? [239].

На любой из этих вопросов Дефаржу было бы крайне трудно ответить. Поэтому, не тратя времени на выслушивание оправданий, Пет Рача перешел непосредственно к делу. Он потребовал вывода французских войск из Бангкока и Мергуи и выполнения пункта договора о совместных действиях, а именно: чтобы французские войска вместе с сиамскими выступили в поход против Лаоса [240].

Дефарж, для которого важно было только выиграть время, на все согласился. Однако он заявил, что по французским законам войска не подчиняются отсутствующему командиру и он должен лично съездить за ними в Бангкок. Вместе с тем, посылая коменданту Мергуи дю Брюану приказ эвакуировать город, он составил его в такой форме, чтобы тот сразу понял его недействительность, — Дефарж дословно перевел проект приказа, предложенный ему сиамцами, и оставил документ, по сиамскому обычаю, без подписи.

Затем он отбыл в Бангкок, оставив поручителем за исполнение своих обещаний старшего сына [241]. «Господь, видно, попутал сиамцев!» — с некоторым даже недоумением писал Ле Блан. Прожженному иезуиту казалось совершенно диким, что Пет Рача держал в своих руках всю верхушку французской колонии — генерала, семь офице-

[238] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 21.
[239] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 218—219.
[240] Ibid., p. 220.
[241] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 24.

ров (в том числе обоих сыновей Дефаржа), обоих епископов, всех иезуитов, весь персонал Французской иностранной миссии и служащих фактории — и не сумел этим воспользоваться [242].

Сам Дефарж, конечно, ни во что не ставил торжественные клятвы и обещания. Во время беседы с Пет Рачей он и слова не замолвил в пользу Фалькона — французского графа и человека, которому Дефарж был обязан своим богатством. На робкое напоминание де Беза о Фальконе Дефарж грубо ответил, что «у него слишком много своих хлопот, чтобы еще заботиться о других». Оставленный всеми, Фалькон был осужден сиамским судом «за то, что ввел иностранцев в королевство с дурными намерениями» [243], и 5 июня 1688 г., на следующий день после отъезда Дефаржа, казнен [244].

Поездка Дефаржа дала возможность французам пополнить и без того значительный запас продовольствия и боеприпасов, а главное, «к его приезду были установлены все батареи» [245].

Едва сойдя на берег (он приехал по реке), Дефарж приказал пустить пушки в ход — обстрелять китайскую джонку, мирно шедшую из Сиама в Японию. Сами французы так и не смогли объяснить, зачем он это сделал. Дефарж мотивирует это тем, что китайцы отказались продать ему провиант, Орлеан — тем, что китайцы не стали салютовать французскому флагу, Ле Блан — тем, что капитан отказался явиться к Дефаржу, чтобы лично приветствовать его [246]. Остальные авторы вообще не приводят никаких мотивов этого нападения. И похоже, что на деле Дефарж даже не стал утруждать себя изобретением какой-либо, хотя бы и самой фантастической, претензии. Главное было показать сиамцам, что война началась и устье Менама находится в его руках.

В ответ на протест сиамской части гарнизона (в крепости к тому времени оставалось еще около 40 сиамских

[242] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 221.
[243] Ibid., p. 228.
[244] [Beze], *Mémoire...*, p. 132. — Ему отрубили голову, что было довольно гуманно по сравнению со зверскими расправами Дефаржа над пленными сиамцами в Бангкоке.
[245] P. Orleans, *Histoire...*, p. 123.
[246] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 26; P. Orleans, *Histoire...*, p. 123, M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 239.

солдат и офицеров) Дефарж разоружил их и повесил двух солдат на валу — на виду у жителей города. Остальным он сохранил жизнь — для того чтобы они выполняли черную работу под охраной французов. Португальские офицеры, находившиеся в крепости, были интернированы. Сиамских чиновников, провожавших французского генерала до Бангкока, он также вероломно арестовал [247].

Предвидя, что удерживать оба форта бангкокской крепости, расположенные на противоположных берегах Менама, ему будет трудно, Дефарж решил эвакуировать правобережный (Западный) форт и сосредоточить все силы в Восточном форте. Французы взорвали или заклепали те пушки Западного форта, которые они не смогли вывезти, повредили, как только могли, его укрепления и сожгли деревни, расположенные вблизи Бангкока [248].

Несмотря на столь откровенное объявление войны Дефаржем, сиамцы все же воздержались от немедленного ответного нападения на крепость. Тотчас по получении известия о действиях Дефаржа Пет Рача вызвал к себе епископа Лано и предложил ему ехать в Бангкок парламентером, чтобы прекратить кровопролитие. Тем временем сиамским войскам в Бангкоке было приказано совместно с жителями заняться восстановлением разрушенного форта, не отвечая на выстрелы французов [249].

Миролюбие сиамцев нисколько не охладило Дефаржа. Решив, что над восстановлением форта работают только невооруженные крестьяне, он послал одного из своих офицеров — капитана Дасье с отрядом пехоты на двух лодках разогнать их. Однако даже безоружные землекопы оказали французам энергичное сопротивление, отбиваясь камнями, а после появления находившихся неподалеку сиамских солдат Дасье пришлось поспешно бежать (при этом он потерял несколько человек убитыми и ранеными), несмотря на то что сиамцы были вооружены главным образом копьями и луками.

Разъяренный неудачей, Дефарж приказал открыть огонь по сиамским позициям. Непрерывная бомбардировка Западного форта продолжалась несколько дней [250]. Тогда же

[247] E. Kaempfer, *The history of Japan*, vol. I, p. 33; P. Orleans, *Histoire...*, p. 125.
[248] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 71.
[249] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 26.
[250] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 243, 247.

французам удалось захватить на подступах к форту нескольких сиамцев. Дефарж распорядился посадить их на кол и выставить на видном месте [251].

Гнев и возмущение народа после этого нового злодеяния уже не имели границ. Люди толпами шли из ближних и дальних деревень, чтобы принять участие в борьбе с иностранными захватчиками. Даже сам Дефарж был вынужден отдать должное мужеству, энтузиазму и самоотверженности народа, боровшегося за свою независимость. «Их ярость была так велика и всеобща, — пишет он, — что распространялась даже на женщин. Одни из них добровольно приносили и готовили пищу для солдат, а другие работали на фортах вместе с мужчинами, желая таким образом содействовать нашему поражению» [252].

С изумлением смотрели французы на неслыханные темпы работы сиамцев — этих «признанных лодырей», по мнению захватчиков. Ведь до сих пор им был известен только сиамец, работающий из-под палки на феодала. «В короткий срок они проделали невероятную работу, — сообщает Дефарж. — Помимо постройки ночью, несмотря на наш обстрел, укрепления на Западном форте, они также окружили нас, на близкой дистанции от наших пушек, палисадами, а за ними выстроили девять фортов, на которых установили пушки. Более того, от Бангкока до устья реки они построили несколько фортов, чтобы предотвратить помощь нам извне. Они привезли 140 пушек из Аютии и, чтобы доставить их на форты, минуя нас, прорыли специальный канал... Они заградили отмель в устье реки пятью-шестью рядами высоких и толстых деревьев, оставив лишь узкий проход, который легко было закрыть железной цепью, и держали для охраны прохода большое число вооруженных галер» [253]. Такие достижения в течение считанных дней тем более удивительны, что работе мешали тропические дожди.

Скупые заметки французских авторов позволяют судить о подвигах отдельных людей. Так, Дефарж упоминает о трех сиамцах, которые дерзко проникли в занятую французами крепость, подожгли казармы и едва не взорвали пороховой склад [254]. Ле Блан рассказывает о двух малайцах, переплывших глубокий ров, наполненный водой, и напавших на часового [255].

[251] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, pp. 71—72.
[252] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 33.
[253] Ibid., pp. 35—36.
[254] Ibid., p. 27.

Между тем в окрестности Бангкока прибыл епископ Лано, которого Пет Рача послал для новых переговоров. Подобно своему соратнику епископу Лионне и главе фактории Вере, которых Пет Рача доверчиво отпустил вместе с Дефаржем, епископ Лано вовсе не собирался возвращаться в Луво. Проезжая через Аютию, он захватил с собой казну семинарии и золотую посуду, полагая, что они пригодятся ему в Бангкоке [256]. Судьба же рядовых французов и сиамских христиан, остававшихся в Аютии и Луво, его мало интересовала.

Но попасть в Бангкок ему не удалось. Когда епископ и сопровождавшие его лица приблизились к стенам города, французы их обстреляли. Воспользовавшись замешательством, епископ пытался бежать к французам, но был схвачен. После этого, естественно, сиамцы отказались от мысли переправить его в Бангкок. Епископу было рекомендовано вести переговоры в сиамском лагере. Сообщив французам о своем прибытии, Лано потребовал, чтобы один из священников его семинарии (многие из них в конце мая — начале июня перебрались в Бангкок) стал посредником между ним и Дефаржем. Однако, несмотря на категорический приказ своего начальника — епископа, все миссионеры наотрез отказались покинуть стены крепости. Переговоры пришлось вести не совсем обычным способом — перебрасываясь письмами [257].

12 июня было достигнуто соглашение о прекращении огня (огонь, собственно говоря, вели одни французы, сиамские батареи им не отвечали). Но перемирие продолжалось недолго. На следующий день французы внезапно вновь начали обстрел — под тем предлогом, что сиамцы продолжают работать в Западном форте [258].

15 июня сиамским батареям был дан приказ открыть ответный огонь. Несмотря на то что в этот день было выпущено всего несколько бомб, французы ясно почувст-

[255] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 260.
[256] Ibid., p. 249.
[257] Ibid., pp. 250—252.
[258] На это обвинение во время июльских переговоров сиамские дипломаты резонно ответили: «Мы ведь не интересовались, чем занимаются французы внутри своего форта» (M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I. p. 255).

вовали, что теперь им придется иметь дело не только со стрелами и камнями. Настроение французского гарнизона резко упало, появились признаки полной деморализации. Пример, как всегда, подала верхушка. Епископ Лионне и Вере, бросившие своих подчиненных в Аютии, решили, что и Бангкок для них недостаточно спокойное место. Французские солдаты задержали их в ту минуту, когда они пытались бежать на стоявшем в Бангкокском порту судне французской Ост-Индской компании, захватив с собой солдатское жалованье [259].

Теперь Дефарж решил использовать это судно, чтобы вызвать в Бангкок военные корабли «Луво» и «Аютия», крейсировавшие в Сиамском заливе. На судно, команду на котором принял капитан Сен-Кри, погрузили небольшой отряд пехоты. В ночь с 15 на 16 июня корабль тайно покинул Бангкок. Но вскоре он был обнаружен сиамцами, которые стали его преследовать. В это время выяснилось, что все солдаты и экипаж мертвецки пьяны (лишнее доказательство полного упадка дисциплины во французском гарнизоне). Сен-Кри сумел найти только одного солдата по имени Пьер, который был способен к каким-либо действиям. Вдвоем они заминировали корабль и подожгли шнур. Когда сиамцы взошли на борт, корабль взлетел в воздух вместе со всеми, кто на нем находился, включая самого капитана Сен-Кри, который, подготовив взрыв, пытался бежать, но застрял в орудийном люке. Лишь солдат Пьер благополучно добрался до берега. Там, по словам Ле Блана, он успел убить пятерых сиамцев, прежде чем его взяли в плен. Тем не менее ему сохранили жизнь, а впоследствии вместе с другими пленными он был освобожден и вернулся в Бангкок [260].

Этот эпизод, видимо, единственный, которым французы могли похвастаться в бесславной войне против сиамского народа, с восторгом расписывается всеми французскими авторами как неслыханный пример доблести французского оружия.

Потеряв надежду связаться с «Аютией» и «Луво» и, таким образом, добиться перевеса в борьбе с сиамцами,

[259] [Beze], *Mémoire...*, p. 148.
[260] Ibid., p. 150; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, pp. 267—271; P. Orleans, *Histoire...*, pp. 131—133.

Дефарж стал подумывать о том, что придется покончить дело миром и эвакуировать Бангкок.

В это время Пет Рача предоставил ему возможность начать переговоры, сделав шаг, который привел в полное изумление Дефаржа и всех французов. 24 июня он возвратил французскому командующему обоих его сыновей, не ставя при этом никаких условий [261].

После такого поворота огонь с обеих сторон постепенно прекратился, и в начале июля Вере и епископ Лано выехали в Луво для ведения переговоров. Они начались 4 июля.

В ответ на принципиальное согласие оставить Бангкок и Мергуи сиамское правительство немедленно прекратило военные действия против французов и их приверженцев. 17 июля французы в Бангкоке получили разрешение на свободное передвижение по всему королевству. В начале августа были освобождены арестованные французские офицеры и другие военнопленные. Епископу Лано возвратили конфискованные деньги семинарии. В Бангкок было направлено два судна с продовольствием [262].

Дефарж тем не менее тянул переговоры, надеясь, видимо, на прибытие подкреплений из Франции или хотя бы на возвращение «Аютии» и «Луво», что позволило бы ему вновь начать военные действия и, может быть, взять реванш. Его представители, ссылаясь на отсутствие у французов кораблей, требовали, чтобы сиамское правительство предоставило им для эвакуации свои суда. Пет Рача и Пья Висут Сунтон (он стал праклангом и принял имя Пья Коса Тибоди) согласились с этим требованием. Но послы Дефаржа критиковали и отвергали все суда, которые им предоставляли [263].

Между тем в Сиам вернулись фрегаты «Луво» и «Аютия» (первый — 29 июля, второй — 2 августа). Однако Дефаржу не удалось связаться с ними. Сиамские лоцманы провели эти суда по обводному каналу до Аютии, минуя бангкокскую крепость. В Аютии сиамцы «вероломно» овладели своими собственными судами. Но французский экипаж, вместо того чтобы задержать его в качестве заложников, сиамское правительство за свой счет доставило в Бангкок.

[261] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 32; R. Lingat, *Une lettre...*, p. 355.
[262] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 356; [Beze], *Mémoire...*, p. 150.
[263] P. Orleans, *Histoire...*, p. 136.

Ободренный таким «простодушием» сиамцев, Дефарж настолько обнаглел, что потребовал, чтобы «Аютия» и «Луво», эти первоклассные военные суда, были предоставлены ему для эвакуации. Но «коварные сиамцы», замечает Ле Блан, готовы были предоставить Дефаржу только такие суда, с которыми он ничего не смог бы предпринять против королевства [264].

Переговоры еще не были закончены, когда в начале августа умер тяжело болевший Нарай [265]. На собрании всех крупнейших чиновников Сиама Пет Рача был избран королем [266]. Дефарж уже не мог надеяться на новые, благоприятные для французов изменения в этой стране. Ему пришлось всерьез заняться переговорами.

В течение августа были выработаны условия соглашения об эвакуации Бангкока (вопрос об эвакуации Мергуи отпал, так как дю Брюан оставил его еще 24 июня [267]).

Правительство Пет Рачи предоставляло в распоряжение французов один крупный корабль (фрегат «Луво», с которого сняли пушки) и денежный заем в размере 24 тыс. бат для приобретения двух судов меньшего размера и закупки продовольствия [268]. Главными поручителями и заложниками, гарантировавшими возвращение займа и арендованного судна, были объявлены епископ Лано и глава фактории Вере [269].

В соглашении подтверждались готовность Сиама поддерживать с Францией торговые отношения, свобода вероисповедания для местных христиан и свобода религиозной пропаганды миссионеров.

Французская иностранная миссия в полном составе (кроме Лионне, который предпочел уехать) оставалась в

[264] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. I, p. 8.

[265] Ibid., vol. I, p. 349. — Характерно, что даже иезуиты не решились обвинить Пет Рачу в смерти Нарая, хотя, казалось бы, обстоятельства им в этом благоприятствовали.

[266] Vollant des Verquains, *Histoire...*, p. 103.

[267] Получив приказ Дефаржа об эвакуации, дю Брюан сразу оценил ситуацию и без предупреждения первый открыл огонь по городу. После непродолжительной обороны он вышел со своим отрядом из крепости. Сиамцы, которым только это и было надо, его не преследовали. Захватив в гавани одно сиамское и одно английское судно, дю Брюан бежал в Пондишери (M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, pp. 284—300; P. Orleans, *Histoire...*, pp. 193—196).

[268] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 72.

[269] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 16.

Сиаме. Иезуиты также получили разрешение остаться. Однако, «потеряв надежду на быстрое обращение народа и не желая стать заложниками в случае войны» [270], они решили покинуть Сиам, оставив здесь лишь одного «наблюдателя», за которым сохранялось право в любой момент выехать в Китай.

Сиамцы выставили следующие условия: 1) французы покидают Бангкок, оставляя все принадлежащее Сиаму военное снаряжение в целости и не нанося никакого вреда укреплениям города; 2) по прибытии в Пондишери Дефарж должен вернуть обратно в Мергуи: а) судно, которое отплыло из этого порта в Масулипатам с экипажем из французов и сиамцев, б) судно, которое отплыло из Аютии в Бендер-Аббас в Персии под командой француза, в) судно, захваченное дю Брюаном в Мергуи, вместе с пушками, вооружением, амуницией и экипажем; 3) «большое судно, одолженное Дефаржу, должно вернуться в Аютию»; 4) долг в 24 тыс. бат должен быть возвращен по прибытии судов, которые Вере отправил в Пондишери, Бенгал и Сурат; 5) юноши-заложники, посланные во Францию (1685 и 1687 гг.), должны быть возвращены обратно [271].

Условия соглашения были в сущности очень благоприятны для французской стороны, тем не менее французы горели жаждой «мщения». Особенно возросли надежды сторонников продолжения военных действий после прибытия в Сиам в сентябре (между 7 и 20 сентября) [272] 64-пушечного корабля «Орифламмы» под командой капитана д'Эстрилля, которому было поручено доставить подкрепления гарнизону Дефаржа. «Все считали, — пишет де Без, — что прибытие „Орифламмы"... расторгнет этот договор и г-н Дефарж, получив столь значительное подкрепление, сможет не только удержаться в крепости, которая ему доверена, но и отомстить за оскорбления, нанесенные французам...» [273].

Однако вскоре выяснилось, что «Орифламма» из-за своей глубокой осадки не сможет преодолеть отмель, преграждавшую вход в Менам. Кроме того, из 200 солдат,

[270] Ibid., p. 18.

[271] Ibid., p. 15; E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 72.

[272] R. Linga, *Une lettre...*, p. 359, note 3.

[273] [Beze], *Mémoire...*, pp. 150—151.

находившихся на борту «Орифламмы», около 100 погибло в пути от болезней [274]. Наконец, сиамцев опыт отношений с французами тоже кое-чему научил. Они, правда, и на этот раз воздержались от захвата судна. Однако, пользуясь неведением д'Эстрилля, они добились отправки половины французской пехоты, прибывшей с ним, в Аютию [275]. Это, естественно, охладило пыл Дефаржа.

Подготовка к эвакуации была уже почти закончена, когда разразился скандал, едва не приведший к разрыву соглашения. 4 октября французский офицер Сен-Мари, ездивший в Аютию по служебным делам, вернулся в Бангкок вместе с вдовой и сыном Константина Фалькона [276]. Мария Фалькон обратилась к французскому командующему с просьбой предоставить ей убежище. Сиамское правительство немедленно потребовало ее выдачи.

Все современники подробнейшим образом излагают романтическую историю ее побега и страданий, которые она вынесла в результате любовных преследований Лыанга Сорасака, сына Пет Рачи. Однако интерес, проявленный сиамским правительством к вдове Фалькона, не имел ничего общего с этой историей. По признанию самих же рассказчиков, Лыанг Сорасак больше всего на свете боялся, что о его интригах узнает отец [277]. Здесь речь шла совсем о другом — о колоссальных богатствах Фалькона, которые хранились во Франции и других странах.

Тот, в чьих руках находились бы наследники этих богатств, получал формальное право требовать возвращения всех сокровищ «законным владельцам». В руках врагов Сиама это право могло стать поводом для нескончаемого шантажа, интриг и даже военного вторжения с целью взыскать конфискованную сиамским правительством часть наследства. Именно поэтому, а не из благородных побуждений, как правильно отмечает де Без, португальцы и голландцы наперебой предлагали Марии Фалькон организовать ее побег и укрыть в своих владениях [278]. Чем руководствовался сам де Без, когда советовал вдове Фалькона довериться Сен-Мари и бежать в Бангкок, он умалчивает. Во всяком случае Португалия и Голландия потеряли возможность притязать на миллионы Фалькона, возвращенные сиамскому государству, и на 300 тыс. ливров, вложенных Фальконом во французскую Ост-Индскую компанию.

Но когда в Бангкоке стал вопрос, как поступить с Марией Фалькон, самым рьяным сторонником выдачи ее сиамцам оказался именно уполномоченный французской компании Вере, явно желавший выслужиться перед своими хозяевами. Ведь в случае казни Марии Фалькон вклад ее мужа остался бы в полной собственности компании. Несмотря на исключительную позорность такого решения для «чести французского оружия», его мнение, энергично поддержанное обоими епископами, оказалось возобладавшим. Французская графиня, вдова человека, который погиб, служа французским интересам, и которому сам Людовик XIV, как равному, писал теплые и дружественные письма, была выдана сиамцам, от которых бежала, а Сен-Мари за несвоевременное благородство был взят под стражу [279]. «Жену Фалькона, — иронически замечал Вере, пытавшийся впоследствии свалить всю ответственность за это дело на Дефаржа, — обменяли на нескольких сиамских матросов (для управления французскими судами. — *Э. Б.*) и на связку канатов» [280].

К началу ноября 1688 г. погрузка провианта, снаряжения и артиллерии на суда была, наконец, завершена и настал день отплытия французов из Бангкока. Дефарж потребовал включить в договор, что от Бангкока до устья реки его будут сопровождать два сиамских заложника. Он объяснял это тем, что «опасается вероломства сиамцев» [281]. Однако как раз французы увенчали последний день своего

---

[274] Ibid., p. 10; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, pp. 10—14.
[275] P. Orleans, *Histoire...*, pp. 141—142.
[276] Ibid., p. 168.
[277] Ibid., p. 183. — Для характеристики морального облика Пет Рачи показателен и такой штрих: когда вдова Фалькона пожаловалась ему, что сиамские солдаты похитили ее сына, чтобы продать в рабство, он распорядился немедленно разыскать и вернуть ребенка, а виновных жестоко наказать (M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, pp. 34—35).
[278] [Beze], *Mémoire...*, p. 152.
[279] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 70. — Следует отметить, что «сиамский варвар» Пет Рача проявил куда больше благородства, чем его цивилизованные противники. По возвращении в Аютию Мария Фалькон не только не подверглась преследованиям, но получила очень почетный по тогдашним понятиям пост заведующей королевской кухней. Сын ее впоследствии достиг высоких постов в сиамской армии (P. Orleans, *Histoire...*, p. 183; A. Hamilton, *A new account...*, vol. II, p. 176).
[280] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 359.
[281] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 73.

пребывания в Сиаме (2 ноября) таким неслыханным вероломством, перед которым, пожалуй, бледнеют все их прежние «подвиги».

Сиамцы, как было уговорено, представили двух заложников — губернатора Аютии и видного чиновника по имени Пра Ранг Сонграм, которым предстояло ехать на судне Дефаржа. В свою очередь два французских офицера были помещены на судно Лыанга Калиярачамайтри (бывшего второго посла в посольстве 1686 г. во Францию). В числе провожавших были главные поручители — заложники епископ Лано и Вере [282]. Сиамцам, по-видимому, и в голову не могло прийти, что эти люди способны бежать, нарушив данную клятву, а главное, бросив на произвол судьбы своих многочисленных соотечественников и подчиненных. Между тем именно так и случилось. Иезуит де Без прямо обвиняет епископа Лано и Вере в предварительном сговоре с этой целью [283]. Однако в последнюю минуту нервы Вере не выдержали, и он, не дожидаясь Лано, перебрался на судно Дефаржа. Видя, что каждую минуту все может открыться, Дефарж решил действовать напролом. Под предлогом завтрака он пригласил к себе на судно Лыанга Калиярачамайтри вместе с обоими временными французскими заложниками (молодым Дефаржем и военным хирургом) и в тот момент, когда судно вышло в море, внезапно арестовал всех троих сиамцев [284].

Впоследствии он сочинил для объяснения своих действий басню, будто сиамцы злонамеренно затопили несколько лодок, везших французские пушки [285]. Версия эта, однако, не находит подтверждения даже в рассказах его соотечественников. Ле Блан, наиболее подробно излагающий события этого дня, вообще ни слова не говорит об утопленных пушках, а относительно бегства заложников уклончиво замечает, что в такой суматохе, дескать, было трудно разобраться, кто прав, кто виноват [286]. Ничего неизвестно об

[282] R. Lingat, *Une lettre...*, p. 360; E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 73.

[283] [Beze], *Mémoire...*, p. 163. — Дефарж, судя по его дальнейшим действиям, также явно был посвящен в их планы.

[284] По дороге французы ни разу не увидели ни сиамских судов, ни войск; гарнизоны земляных фортов, прикрывавших устье реки, были выведены (M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 92) — сиамцы совершенно точно соблюдали соглашение об эвакуации.

[285] O. Frankfurter, *Siam in 1688*, p. 35.

[286] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 91.

утоплении пушек и де Безу. Вместе с тем оба они в полном соответствии с нотой пракланга Пья Коса Тибоди от 27 декабря 1693 г. [287] указывают, что пушки были не утоплены, а задержаны, и не до, а после бегства заложников-французов [288].

Вместе с пушками в руках сиамцев остались 6 тыс. фунтов солонины, шлюпка с больными и ранеными французами и епископ Лано, немедленно арестованный возмущенным Пья Коса Тибоди. В ответ на протест, заявленный сиамцами (корабли Дефаржа еще несколько дней стояли близ устья Менама), Дефарж, не испытывая ни малейшего смущения, потребовал прислать ему епископа. При этом он согласился отпустить одного из сиамских заложников. Тогда Пья Коса Тибоди отправил на «Орифламму» лодку с больными и ранеными и сопровождавшим их священником, вновь настаивая на возвращении двух остальных заложников-сиамцев и Вере. При этом он готов был пойти на новую уступку, оставив в Сиаме вместо двух только одного поручителя — Вере, а епископа отпустить. Однако, не доверяя больше французам, он отказался наотрез первым отпустить епископа. Французы в свою очередь не желали сделать первый шаг. Они вновь подумывали о военном нападении на Сиам. «Время от времени у нас возникало благое намерение войти в реку и предать королевство огню» [289],— пишет Ле Блан.

Наконец, Пья Коса Тибоди решил сделать еще один шаг навстречу французам — возвратить им пушки и лодки с продовольствием [290]. Но сделать этого он не успел. 13 ноября французская эскадра подняла паруса и двинулась в сторону Малакки; французы оставили без ответа законные требования сиамцев.

Естественным результатом этого явились массовые репрессии против французских подданных в Сиаме. Все они были брошены в тюрьмы и закованы в кандалы. Впрочем, как резонно замечает Пья Коса Тибоди, по сиамским законам репрессии могли быть гораздо более жестокими. Так же как и во время первых «гонений», ни один из французов и сиамских христиан не был казнен. Епископу

[287] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 74.

[288] [Beze], *Mémoire...*, p. 163; M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 92.

[289] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 96.

[290] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 74.

Лано тюрьма вскоре была заменена домашним арестом [291].

4 февраля 1689 г. суда Дефаржа достигли Пондишери. Сюда же тремя неделями раньше, после долгих блужданий в Бенгальском заливе, добрался дю Брюан с остатками своего отряда [292]. Еще раньше (19 декабря 1688 г.) сюда вернулось судно «Кош» под командой капитана д'Арманьяна.

В сентябре 1688 г. он отплыл из Пондишери в Мергуи, но в пути разминулся с дю Брюаном. Прибыв в сиамский порт и заподозрив неладное, д'Арманьян на всякий случай напал на вышедшую к нему навстречу сиамскую галеру и захватил ее со всем экипажем. Вскоре после этого в Мергуи приехал французский офицер из Бангкока, чтобы объявить о заключении мира. Ознакомившись с условиями соглашения, бравый д'Арманьян настолько возмутился, что решил немедленно «отомстить» — захватить сиамские батареи, сжечь суда в гавани, разграбить и поджечь город. Сначала, однако, он продал все привезенные им товары и запасся у сиамцев провиантом. Затем заманил на свой корабль под предлогом демонстрации товаров англичан и голландцев, находившихся в Мергуи, и заковал их в кандалы. Но общими усилиями всех европейцев его удалось отговорить от этого «карательного мероприятия», которое бы, несомненно, страшно повредило французам, еще находившимся в Бангкоке [293].

В общей сложности к началу февраля 1689 г. в Пондишери собралось 8 судов и 350 солдат — сила, вполне достаточная для того, чтобы предпринять еще одну военную авантюру.

6 февраля Дефарж собрал военный совет с участием Мартена и Вере. Представители компании играли в совещании наиболее активную роль. Мартен предложил направить экспедицию против Мергуи, чтобы вновь овладеть этим идеальным портом. Вере же выдвинул предложение захватить остров Джанк-Сейлон, где, помимо хорошей гавани, имелись богатейшие оловянные рудники. Его точка зрения была принята большинством военного совета. 10 апреля 1689 г. Дефарж отплыл из Пондишери в направлении остров с эскадрой из четырех судов, имея на борту 330 солдат [294].

Два судна — «Кош» и «Нормандию» — он еще в феврале направил к мысу Доброй Надежды предупредить о происшедшем ожидавшуюся из Франции эскадру Дюкен-Гиттона, с прибытием которой предполагалось начать большую войну против Сиама. Но из этого ничего не вышло. В Европе в это время уже началась война Франции против Аугсбургской лиги, в связи с чем отплытие эскадры Дюкен-Гиттона задержалось. В апреле 1689 г. «Кош» и «Нормандия» были внезапно захвачены голландцами у мыса Доброй Надежды [295].

Неудачно окончилась и экспедиция Дефаржа против Джанк-Сейлона. Проблуждав три месяца в лабиринте островов у сиамского побережья, он только в июле достиг острова. Но овладеть им Дефаржу не удалось: гарнизон его приготовился к упорной обороне. К тому же капитан прибывшего в это время на Джанк-Сейлон португальского судна сообщил Дефаржу о начавшейся за восемь месяцев до того войне Франции с Голландией, к которой вскоре присоединились Англия, Испания и другие державы. Дефаржу пришлось тут же вернуть сиамцам захваченных чиновников и спешно возвращаться в оставшийся почти без всякой защиты Пондишери [296]. Немедленно после прибытия в Сиам Лыанга Калиярачамайтри и Пра Ранг Сонграма епископу была предоставлена свобода. Из французов в Сиаме осталась лишь небольшая группка миссионеров, которых сиамское правительство не сочло нужным подвергать каким-либо ограничениям, ибо без поддержки извне они уже не могли играть сколько-нибудь существенной политической роли.

---

[291] Ibid.
[292] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 264.
[293] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, pp. 329—346.
[294] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 265.
[295] M. R. P. Le Blanc, *Histoire...*, vol. II, p. 386.
[296] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 266.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изгнание французов привело в конечном счете к тому, что из Сиама пришлось уйти практически и всем остальным европейцам. Это, однако, произошло не сразу.

Даже сами французы, несмотря на крушение их авантюры, не сразу оставили мысль о возможности вновь закрепиться в Сиаме. Английская же и голландская Ост-Индские компании, получив известие о поражении французов, стали проявлять бóльшую активность, рассчитывая занять в Сиаме место, которое до того занимала Франция.

Как только известие о том, что французский гарнизон выбит сиамцами из Мергуи, было получено в Мадрасе, английская Ост-Индская компания начала готовиться к новому нападению на этот сиамский порт. В успехе на сей раз никто не сомневался ни в Мадрасе, ни в Лондоне. Правление компании даже разработало подробную инструкцию по эксплуатации Мергуи (сентябрь 1689 г.). В частности, предусматривалось, что пошлины на импортные товары, которые при сиамском правительстве составляли 2% стоимости товаров, должны быть повышены минимум до 5% [1].

Но прежде чем английская эскадра отплыла из Мадраса, сюда пришло новое известие—о сдаче Дефаржем Бангкока и изгнании французов из Сиама. Военные успехи нового правительства, которое нанесло тяжелое поражение считавшимся в то время непобедимыми французским войскам, значительно подняли международный престиж Сиама. Английская Ост-Индская компания же в это время, напротив, терпела одно поражение за другим. Война против Могольской империи закончилась тогда позорным провалом. Для императора Аурангзеба, располагавшего 700-тысячной армией, разгром англичан был столь незначительным эпизодом, что его придворные историки даже не сочли нужным упоминать об этой войне [2].

[1] «Records...», vol. V, pp. 99, 111—112.

В новой обстановке воинственность руководителей Ост-Индской компании значительно уменьшилась. И после того как Пет Рача в апреле 1689 г. разрешил Ходжу и другим англичанам покинуть Сиам, снабдив их письмом к Мадрасскому совету компании с предложением возобновить дружественные отношения, власти компании с готовностью откликнулись на это предложение. В письме к праклангу (1690 г.) председатель Мадрасского совета горячо поздравил Пет Рачу со свержением прежнего, «нечестивого», правительства. Однако он вновь поднял вопрос об уплате 65 тыс. ф. ст., которые Сиам был якобы должен английской Ост-Индской компании [3].

В ответном письме пракланг Пья Коса Тибоди, не вступая в полемику по поводу справедливости английских притязаний, предложил остроумное решение вопроса. Сиамскому правительству, заявил он, хорошо известно, что значительная часть денег, награбленных виновниками англо-сиамской войны 1687—1688 гг. Фальконом и Уайтом в Сиаме, была переведена ими в Англию. Ост-Индская компания поэтому может без всякого труда с лихвой компенсировать свои убытки, конфисковав эти деньги, принадлежащие Сиаму. «Других денег для оплаты убытков Компании у Сиама нет» [4].

Такое решение не слишком понравилось руководителям Мадрасского совета. В своем письме к директорам английской компании, написанном вскоре после получения ответа пракланга, они выдвинули новый план ведения войны против Сиама. Особенность этого плана заключалась в том, что он сочетал военные задачи с коммерческими. В письме предлагалось вести войну против Сиама путем ежегодной «посылки двух небольших, хорошо оснащенных судов к устью сиамской реки (т. е. Менама. — *Э. Б.*) или к одному из близлежащих островов, с тем чтобы поджидать там джонки... А если даже им не удастся захватить эти джонки или другие суда, — что, впрочем, маловероят-

[2] M. Collis, *Siamese White*, p. 190.
[3] J. Anderson, *English intercourse...*, pp. 382—385.
[4] Ibid., p. 386.

но, — ваши (английские. — *Э. Б.*) суда могут по окончании сезона направиться в Китай и взять там груз сахара, тутенага, китайского корня и др., что полностью окупит расходы на экспедицию...» [5].

Но предложение Мадрасского совета было отвергнуто. Правлению Ост-Индской компании в этот момент было не до Сиама. «Славная революция» 1688 г., свергнувшая Стюартов, покровительствовавших компании, привела к власти сторонников «свободной торговли». В 1690 г. английский парламент отменил монополию Ост-Индской компании на торговлю со странами Востока.

Немаловажную роль сыграло также стойкое сопротивление сиамцев английской агрессии. Подводя итоги сиамской войны, лондонский совет директоров писал в феврале 1691 г.: «Сиам не принес и не принесет Компании и двух пенсов прибыли, а лишь убытки на многие тысячи фунтов стерлингов» [6].

Естественно, что в такой обстановке активность английской Ост-Индской компании в Сиаме должна была резко упасть. В результате англо-сиамская война, хотя и не закончилась официальным подписанием мирного договора, фактически прекратилась.

Столь же безуспешными оказались и попытки Франции вернуться в Сиам.

Известие о перевороте в Сиаме не остановило Ташара, хотя ему пришлось распустить набранных им агентов для колонизации Сиама. Едва узнав о воцарении Пет Рачи, он стал разрабатывать планы новых интриг. При этом он рассчитывал воспользоваться близорукостью сына Пет Рачи — Лыанга Сорасака, который питал уважение к «учености отцов-иезуитов» [7].

Дипломатию Ташара, снабженного письмом Людовика XIV к новому королю, должна была поддержать военная сила эскадры Дюкен-Гиттона, состоявшей из шести кораблей. 24 февраля 1690 г. эскадра покинула Францию, а в августе прибыла в Пондишери. К этому времени Дефаржа уже не было в живых. Сам он и большая часть его солдат и офицеров погибли от болезней. Не решившись напасть

[5] «Records...», vol. V, pp. 125—126. — Тутенаг — неочищенный сплав цинка с медью и никелем.
[6] Ibid., p. 385.
[7] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 97.

на Мергуи или Бангкок, Дюкен-Гиттон ограничился «робким крейсированием у берегов Сиама» [8].

Попытка Ташара пробраться в Сиам вместе с членами четвертого сиамского посольства, которое он некогда возглавлял, не увенчалась успехом. Правда, после возвращения сиамских послов все арестованные французы были тотчас освобождены, несмотря на то что взятые взаймы деньги и суда так и не были отданы Сиаму [9]. Но вступать в какие бы то ни было переговоры с Ташаром сиамское правительство отказалось. Не добившись никаких результатов, в январе 1691 г. эскадра Дюкен-Гиттона отплыла во Францию [10].

Пользуясь оказией, Мартен послал Сеньеле еще одно пространное письмо, в котором доказывал, что вернуться в Сиам можно только силой [11]. Ташар решил, однако, еще раз испытать свои дипломатические способности и остался в Индии. В июле 1691 г., уже зная о том, что французы в Сиаме выпущены из тюрем, он, чтобы завязать переговоры, обратился к праклангу Пья Коса Тибоди с просьбой освободить их.

В сентябре того же года в Пондишери приехал сиамец-христианин в сопровождении двух чиновников с ответом. В своем письме Пья Коса Тибоди заявлял протест против вероломного нарушения договора Дефаржем. Далее он сообщал Ташару то, что тому уже было известно, — о гуманном отношении сиамского правительства к французским подданным. Письмо еще раз подтверждало готовность Сиама возобновить торговые отношения с Францией. Однако об уступке французам Мергуи, подчеркивал Пья Коса Тибоди, не может быть и речи [12].

После этого французы задержали всех трех послов (в том числе и своего единоверца), а Ташар направил праклангу новое письмо, обещая прибыть в Сиам вместе с французской эскадрой. Год спустя, в сентябре 1692 г., когда стало ясно, что эскадра не придет (Людовику XIV, занятому войной на нескольких фронтах, было не до Сиама), послов пришлось отпустить, снабдив их новыми письмами. В ответ Пья Коса Тибоди направил обширную ноту,

[8] J. Sottas, *Histoire...*, p. 379.
[9] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 75.
[10] J. Sottas, *Histoire...*, p. 380.
[11] P. Kaeppelin, *La campagnie...*, p. 277.
[12] Ibid., p. 282.

в которой излагалась история сиамо-французского конфликта и французам предъявлялось обвинение в заговоре против безопасности Сиама, вероломном нарушении договоров и неспровоцированной агрессии [13].

Падение Пондишери, захваченного голландцами в сентябре 1693 г., временно прервало дипломатическую переписку между Францией и Сиамом. Но в 1697 г., когда стало ясно, что война в Европе кончается, интерес французского правительства и Ост-Индской компании к Сиаму пробудился с новой силой. Едва лишь французские послы выехали в Рисвик для ведения переговоров о мире с Аугсбургской лигой, преемник Сеньеле маркиз Поншартрен отдал приказ готовить новую эскадру — под командой адмирала Ожье [14].

Через несколько дней после подписания Рисвикского мира (17 августа 1697 г.) директор французской Ост-Индской компании дю Бар передал Поншартрену меморандум, в котором излагал задачи этой эскадры. «С прибытием судов, — говорилось в меморандуме, — Ташар должен возвысить голос и потребовать Мергуи в возмещение убытков, причиненных французам» [15]. Дю Бар советовал в крайнем случае оставить Сиаму номинальный суверенитет, добившись, однако, права немедленно начать постройку укреплений в этом порту. На случай, если бы не удалось захватить Мергуи, он предлагал захватить остров Джанк-Сейлон [16].

В августе 1698 г. мощная эскадра Ожье прибыла в Баласор (Бенгал). Оттуда 52-пушечный корабль доставил Ташара в район Мергуи. На этот раз французский посол был допущен в Аютию и смог вручить Пет Раче письмо Людовика XIV почти десятилетней давности [17].

Однако Пет Рача вновь проявил твердость и решительно отверг захватнические требования французов. После торжественной аудиенции, состоявшейся 28 января 1699 г., Ташар покинул Сиам, увозя с собой письмо Пет Рачи, очень вежливое, но ни к чему не обязывающее [18].

---

[13] E. W. Hutchinson, *The retirement...*, p. 69.
[14] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 356.
[15] Ibid., p. 358.
[16] Ibid., p. 359.
[17] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 97.
[18] Ibid. — Французский корабль, доставивший Ташара, не был даже допущен в гавань Мергуи. Сиамцы, наученные горьким опытом,

Всю вину за свою неудачу Ташар сваливал на Ожье, который недостаточно энергично поддержал его требования вооруженной силой. Ожье оправдывался тем, что у него не было провианта для ведения войны [19]. Подлинную причину краха посольства Ташара вполне объективно изложил миссионер Бранд, занявший место епископа Лано после смерти последнего (около 1700 г.). «Сиамцев интересуют только торговые вопросы, — писал он. — Если преподобный отец опять явится сюда один, я не думаю, чтобы дела приняли лучший оборот...» [20].

Разумеется, уже сама личность Ташара, ставшая для сиамцев символом французской агрессии и интриг иезуитов в Сиаме, никак не могла внушить сиамскому правительству веру в дружелюбие французов. Еще менее приемлемы были для них его предложения. Однажды уже испытав опасность потери государственной независимости, сиамцы были готовы сражаться до последнего, но не уступать ни пяди своей территории. Бранд и его коллеги, живя в Сиаме, лучше понимали это, чем Ташар и Людовик XIV во Франции.

В 1700—1703 гг. Ташар и Мартен продолжали попытки добиться своего. Например, в одном из писем, направленных ими Пет Раче, сообщалось о желании Людовика XIV построить в Мергуи торговую факторию и... два форта «с совершенно мирными намерениями»! [21]. Но разразившаяся в Европе война за испанское наследство и полный крах французской Ост-Индской компании принудили Францию оставить Сиам в покое до середины XIX в.

К концу XVII в. фактически полностью прекратилась в Сиаме и до того весьма незначительная торговая деятельность португальцев и испанцев.

Что касается голландцев, то они после событий 1688 г. в отличие от других европейцев на первый взгляд расширили и укрепили свои позиции в Сиаме.

14 ноября 1688 г., через несколько дней после изгнания оттуда французов, сиамский король вынужден был подписать с голландской объединенной Ост-Индской компанией

спешно преградили вход в нее цепями и бревнами, вбитыми в дно (K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 97).
[19] P. Kaeppelin, *La compagnie...*, p. 439.
[20] K. Subamonkala, *La Thailande...*, p. 100.
[21] Ibid., p. 101.

договор [22], подтверждающий и дополняющий сиамо-голландский договор 1664 г., который практически лишал Сиам возможности вести самостоятельную внешнюю торговлю.

Таким образом, формально голландцы добились почти полного господства на сиамском рынке. Но фактически их торговля в Сиаме после 1688 г. не могла идти ни в какое сравнение с торговлей, которую они вели здесь в первой половине и середине XVII в. Объем торгового оборота неуклонно падал из года в год. Уже к началу XVIII в. голландская фактория в Аютии влачила жалкое существование и из торгового предприятия превратилась по сути дела в наблюдательный пункт, который голландцы на всякий случай сохраняли в Сиаме. Через некоторое время голландцы вообще закрыли там свои фактории.

Хотя после отъезда голландцев в Сиаме (до 70-х годов XVIII в.) оставалась небольшая группа священников из Французской иностранной миссии и никаких специальных указов, запрещавших въезд европейцам (как это было в Японии), не издавалось, Сиам фактически превратился в закрытую для них страну.

Сиам сумел отвадить алчных европейских купцов от своих берегов, и не только силой оружия (хотя военное поражение, нанесенное сиамцами английским и французским агрессорам, сыграло здесь не последнюю роль), но и благодаря новому курсу внешней политики, который приняла династия, основанная Пет Рачей.

Сознательный отказ королей этой династии от активной внешнеторговой политики привел к тому, что Аютия утратила значение крупного международного рынка. Даже голландцы, эти прославленные торгаши, не смогли извлечь никакой выгоды из сиамского рынка и вынуждены были уйти. Сиам при этом, конечно, лишился многих материальных выгод, и развитие страны, искусственно изолированной от большей части внешнего мира, значительно замедлилось. Таковы были первые итоги встречи сиамцев с «западной цивилизацией».

Но зато сиамцам удалось сохранить независимость и целостность своей страны. Европейские колонизаторы были вынуждены оставить Сиам в покое. Им удалось вновь проникнуть в эту страну лишь в середине XIX в.

[22] «State papers...», pp. 237—239.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

[Прево] «*История о странствиях вообще по всем краям земного круга, сочинения господина Прево, сокращенная новейшим расположением чрез господина Ла-Гарпа, члена французской академии, содержащая в себе достойнейшее примечания, самое полезнейшее и наилучшим доказанное образом в странах света, до коих достигали европейцы; о нравах оных жителей, о верах, обычаях, науках, художествах, торговле и рукоделиях, с приобщением землеописательных чертежей и изображений вещей любопытных*», СПб., 1790, ч. VI. В университетской типографии у Н. Новикова.

Стрейс Ян Я., *Три путешествия*, М., 1935.

[Beze, de, père] «*Mémoire du père de Beze sur la vie de Constance Phaulkon, premier ministre du roi de iSam Phra Nerai, et sa triste fin*», Tokyo, 1947.

Bowrey T., *A geographical account of countries round the Bay of Bengal 1669 to 1679*, Cambridge, 1905.

Challes R., *Voyage fait aux Indes Orientales par une escadre de six vaisseaux*, La Haye, 1721, vol. I—III.

Chaumont, chevalier de, *Relation de l'ambassade à la cour du roi de Siam*, Paris, 1687.

Choisy F. T., *Journal ou suite de voyage de Siam en forme des lettres familiers fait en 1685 et 1686*, Paris, 1930.

Choisy F. T., de, *Mémoires pour servir à l'histoire de Lois XIV*, Utrecht, 1727, vol. I—II.

Coedés G., *Siamese documents of the seventeenth century*, — JSS*, vol. XIV, pt 2, 1921.

Cordier H., *5 lettres du père Gerbillon*, — «T'oung Pao», ser. 2, vol. VII, 1906.

«Dagh-Register gehouden int casteel Batavia vant passerende daer ter plaetse als over geheel Nederlandts India», 1624—1682, S.-Gravenhage — Batavia, 1887—1930.

[Dangeau] «*Journal du Marquis de Dangeau*», Paris, 1854.

[Forbin] «*Voyage du comte de Forbin à Siam (1685—1688)*», Paris, 1853.

* JSS — всюду «Journal of the Siam society», Bangkok.

Foster W., *The english factories in India. A Calendar of documents*, Oxford, 1906—1927.
Frankfurter O., *Siam in 1688. A Narrative of the revolutions which took place in Siam in 1688*, Amsterdam, 1691, — JSS, vol. V, pt 4, 1908/1909.
F. O., *A supposed Dutch translation of a Siemese state paper in 1688*,— JSS, vol. II, pt 1, 1905.
Fryer J., *A new account of East India and Persia (1672—1681)*, Cambridge, vol. I, 1909; vol. II, 1912; vol. III, 1915.
Gervaise N., *Histoire naturelle et politique du royame de Siam*, Paris, 1688.
Hamilton A., *A new account of the East Indies*, Edinburgh, 1727, vol. I—II.
Hedge W., *The Diary of William Hedge (1681—1687)*, Cambridge, vol. I, 1886; vol. II—III, 1888.
Herbert Th., *Relation du voyage de Perse et des Indes Orientales (Trad. de l'angl.) avec des révolutions arrivée au royame de Siam l'an 1647 (Trad. du F. van Vliet)*, Paris, 1647.
Kaempfer E., *The History of Japan*, Glasgow, 1906, vol. I—III.
Larrey I., de, *Histoire de France sous le règne de Louis XIV*, Rotterdam, 1738.
Le Blanc M. R. P., *Histoire de la révolution de Siam arrivée en l'année 1688*, Lyon, 1692.
Lingat R., *Une lettre de Véret sur la révolution siamoise de 1688*, — «T'oung Pao», vol. XXXI, livr. 3—5, 1935.
La Loubere, Monseigneur de, *Description du royame de Siam*, Amsterdam, 1700, vol. I—II.
Orleans P. J., *Histoire de M. Constance, premier ministre du roi de Siam, et de la derniere révolution de cet état*, Paris, 1692.
«Records of the relations between Siam and foreign countries in the 17-th century», Bangkok, vol. I, 1915; vol. II—III, 1916; vol. IV, 1920.
«Recueil des voyages qui ont servi à l'établissement et aux progress de la Compagnie», Amsterdam, vol. I, 1716; vol. II, 1717.
Reinach L., de, *Recueil des traites conclus par la France en Extrême Orient*, Paris, 1907.
Sainsbury E. B., *A calendar of the court minutes etc of the East India company*, London, 1907—1929.
Salmon F., Goch D., *Die heutige Histoire oder der segenwardte Staat der Königreiche Siam, Pegu und Arrakan*, Altona, 1735.
Schouten J. (und Caron F.), *Wahrhaftige Beschreibung zweyer möchtigen Königreiche Jappan und Siam aus den Niederlandischen übersetzt und mit Kupferblattern gezierts*, Nürnberg, 1663.
«State papers of the kingdom of Siam from 1664 bis 1886. Compiled by the Siamese Legation in Paris», London, 1886.
Tachard G., *Voyage de Siam des pères jesuites, envoyes par le roi aux Indes et à la Chine avec leur observations astronomiques et leur remarques de physique, de géographie, d'hydrographie et d'histoire*, Paris, 1686.
[Tachard] «*Second voyage du père Tachard et des jesuites, envoyes par le roy au royame de Siam*», Amsterdam, 1689.
[Tavernier J. B.] «*Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, qu'il a fait en Turquie, en Perse, et aux Indes, 2e partie. Où il est parle des Indes et des isles voisines*», Paris, 1681.

[Thevenot] «*Voyages de m. de Thevenot, contenant la relation de l'Indostan, des nouveaux Mogols, et des autres peuples et pays des Indes*», Paris, 1684.
Tiele P. A. *De opkomst van het Nederlandsch Gezag in Oost-Indië*, S.-Gravenhage, deel I, 1886; deel II, 1893; deel III, 1895.
Van Vliet J., *Description of kingdom of Siam*, — JSS, vol. VII, pt 1, 1910.
Van Vliet J., *Historical account of Siam in the XVII century*, — JSS, vol. XXX, pt 2, 1938.
Vollant des Verquains, *Histoire de la révolution de Siam arrivée en l'année 1688*, Lille, 1691.
Vivadhanajaya, prince, *The Statement of Khun Luang Ha Wat*, — JSS, vol. XXVIII, pt 2, 1935; JSS, vol. XXIX, pt 2, 1937.
«Voyages des Ambassadeurs de Siam en France, contenant la réception qui leur à esté faite dans les villes où ils ont passé, leur entrée à Paris, les cérémonies observées dans l'Audience qu'ils ont fait, la description des lieux ou ils ont esté et a qu'ils dit de remarquable sur tout ce qu'ils ont vue», S. l., s. a.
«Voyage lointaine aux royaumes de Cambodge et Laowen par les Neerlandaises» (F. Garnier, ed.), — «Bulletin de la société de géographie», Paris, 1871, pt 2.

ЛИТЕРАТУРА

«Новая история стран зарубежного востока», М., 1952.
Холл Д., *История Юго-Восточной Азии*, М., 1958.
Сончай Ануман Рачатон, *Гкантут конг Тай самай си Аютая* (С. А. Рачатон, Сиамская дипломатия в эпоху Аютии, тайск. яз.), Бангкок, 1954.
Anderson J., *English intercourse with Siam in the seventeenth century*, London, 1890.
Berjoan A., *Le Siam et les accords franco-siamois*, Paris, 1927.
Blankwaardt W., *Notes upon the relations between Holland and Siam*, — JSS, vol. XX, pt 3, 1927.
Bowring J., *The kingdom and people of Siam*, London, 1857, vol. I—II.
Clech G., *Le Siam et ses relations avec la France*, Paris, 1947.
Collis M., *Siamese White*, London, 1952.
Damrong, *The Introduction of western culture in Siam*, — JSS, vol. XX, pt 2, 1926.
Damrong, *The story of the records of siamese history*, — JSS, vol. XI, pt 2, 1914—1915.
Danvers F. C., *The Portuguese in India*, London, 1894, vol. I.
Dilock, Prinze von, *Die Landwirtschaft in Siam*, Leipzig, 1908.
Duyvendak I. I. L., *The first Siamese embassy to Holland*, — «T'oung Pao», vol. XXXII, 1936.
Frankfurter O., *Die rechtlichen und wirtschaftlichen Verhaltnisse in Siam*, Berlin, 1896.
Frankfurter O., *A supposed dutch translation of a siamese paper in 1688*. — JSS, vol. II, pt I, 1905.
Frankfurter O., *Some remarks on Kaempfer's description of Siam 1690*,— JSS, vol. VI, pt 3, 1909.
Furnivall J. S., *Samuel White*,— «Journal of the Burma research society», vol. VII, pt 3, Rangoon, 1917.

Giblin R. W., *The abbé de Choisy*,— JSS, vol. VIII, pt 3, 1911/1912.
Giles F. H., *A critical analysis of van Vliet's historical accounts*,— JSS, vol. XXX, pt 2—3, 1938.
Graham W. A., *Siam*, London, 1924, vol. I—II.
Halliday R., *Immigration of the Mons into Siam*,— JSS, vol. X, pt 3, 1913.
Hutchinson E. W., *Adventurers in Siam in the seventeenth century*, London, 1940.
Hutchinson E. W., *The French foreign mission in Siam during the XVIIth century*,— JSS, vol. XXVI, pt 1, 1933.
Hutchinson E., *Journey of Mgr. Lambert, bishop of Beritus, from Tenasserim to Siam in 1662*,— JSS, vol. XXVI, pt 2, 1933.
Hutchinson E. W., *Phaulcon's house at Lopburi*,— JSS, vol. XXVII, pt 1, 1934.
Hutchinson E. W., *Four French state manuscripts*,— JSS, vol. XXVII, pt 2, 1935.
Hutchinson E. W., *The retirement of the French garrison from Bangkok in the year 1688*,— JSS, vol. XXVIII, pt 1, 1935.
Hutchinson E. W., [рецензия на:] M. Collis, *Siamese White*, London, 1936,— JSS, vol. XXIX, pt 1, 1936.
Hutchinson E. W., [рецензия на:]R. Lingat, *Une lettre de Véret sur la révolution siamoise de 1688*, — «T'oung Pao», vol. XXXI, livr. 3—5, 1935,— JSS, vol. XXX, pt 1, 1937.
Hyma A., *The Dutch in the Far East*, Ann Arbor Michigan, 1942.
J. B., [рецензия на:]l'Abbé de Choisy, *Journal de voyage de Siam fait en 1685 et 1686*,— JSS, vol. XXIV, pt I, 1930.
J. B., *A propos de la relation du Père Gerbillon et de sa lettre au Père Galard des 1 julliet et 1 novembre 1686*,— JSS, vol. XXIX, pt 1, 1936.
Kaeppelin P., *La compagnie des Indes Orientales et François Martin*, Paris, 1908.
Khan Sh. A., *The East India Trade in the XVIIth century in its political and economical aspects*, London, 1923.
Kuchi G., *Review of «History of intercourse between Japan and Siam in the 17th century» and «Correspondence between the Tokugawa Shogunate and Siamese kings at the beginning of Tokugawa shogunate»*,— JSS, vol. XXIX, pt 2, 1937.
Lanier L., *Étude historique sur les relations de la France et du royame de Siam de 1662 à 1703*, Versailles, 1883.
Lemire Ch., *La France et Siam. Nos relations de 1662 à 1903*, Paris, 1903.
«Lettres du roi du Siam à sa fille la princesse Nibha Nabhatala (1907)»,— JSS, vol. VII, pt 3, 1911.
Lepesqueur P. Ch., *La France et le Siam*, Paris, 1897.
Lingat R., *L'esclavage privé dans le vieux droit siamoise*, Paris, 1931.
L'Isle, de, *Relation historique du royame de Siam*, Paris, 1684.
Nunn W., *Some notes upon the development of the commerce of Siam*,— JSS, vol. XV, pt 2, 1922.
Pelliot P., *Les relations de Siam et de la Hollande en 1608*,— «T'oung Pao», 1836, vol. XXXII.
Ramkrischna M., *The rise and fall of the East India company*, Berlin, 1955.
Skinner G. W., *Chinese society in Thailand: an analitical history*, New York, 1957.
Sottas J., *Histoire de la compagnie royale des Indes Orientales, 1664—1719*, Paris, 1905.
Subamonkala K., *La Thailande et ses relations avec la France*, Paris, 1940.
Thompson V., *Thailand — the new Siam*, New York, 1941.
Turpin F. H., *Histoire civile et naturelle de royame de Siam, et des révolutions qui ont bouleversé cet empire jusqu'en 1770*, Paris, 1771, vol. I—II.
Turpin F. H., *History of the kingdom of Siam*, London, 1908.
Wales H. G. Q., *Ancient siamese governement and administration*, London, 1934.
Wales H. G. Q., *Ancient South-East Asian warfare*, London, 1952.
Wales H. G. Q., *Siamese state ceremonies. Their history and function*, London, 1931.
Wilbur M. E., *The East India company and the British empire in the Far East*, New York, 1945.
Wood W. A. R., *A history of Siam from the earliest times to the year 1781*, Bangkok, 1933.

ЕНИЕ

	Стр.
. . . . .	3
шения накануне открытой XVI — начало XVII в.)	
Сиама, его хозяйство и	7
емесленников	9
далов	10
. . . . .	16
в Сиаме. Португалия и	21
Ост-Индской компании в	24
й Ост-Индской компании	29
х годах XVII в.	
Прасат Тонгов . . .	33
внутренней и внешней ат Тонгов	41
крестьянства и классовая	50
панией и Португалией в	
рессия против Сиама в Сиаме	54 58
в Сиама	
вли в Сиаме	62
е конфликты	70
1663—1664 гг. . . .	82
ения во второй половине	95
й рынок Сиам	105
Аютии в 1674—1682 гг.	107
-Индской компании на	112
кду Сиамом и английской	118

5. Посольство Стренга
6. Посольства Харбина
7. Планы английской ат
8. Голкондский инциден
9. Начало военных дей
   против Сиама. Бор
10. Заключительный э

Глава VI. Попытка Франции
французов

1. Первые французские
2. Расширение деятель
   ной миссии и нача
   Ост-Индской компа
3. Второе сиамское пос
4. Посольство де Шомо
5. Миссия Ташара .
6. Восстание макассарц
7. Третье сиамское пос
8. Подготовка второго
   Сиам . . . .
9. Посольство Ла Луб
10. Четвертое сиамско
    подготовка новой
    Сиам . . . .
11. Падение короля На
12. Изгнание французо

Заключение . . . . . .
Источники и литература . .

Эдуард Оскарович Берзин

БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ ЗА СИАМСКИЙ РЫНОК (30—80-е годы XVII в.)

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редактор *А. Г. Лиознов*
Художественный редактор *И. М. Русина*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Ю. Ф. Белкина* и *Г. А. Невелева*

Сдано в набор 17/IX 1962 г.
Подписано к печати 24/XI 1962 г.
А10632. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,25. +0,125 вкл. Усл. п. л. 13,735.
Уч.-изд.л. 15,1. Тираж 1200 экз. Зак. 1229
Цена 1 руб.

Издательство восточной литературы.
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы,
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4